ОБЩЕСТВО СЛАВЯНСКАГО НАУЧНАГО ЕДИНЕНІЯ

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

РѢЧИ И СТАТЬИ

Члена Госуд. Думы А. М. АЛЕКСАНДРОВА, академ. В. М. БЕХТЕРЕВА, проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО, ЯНКО ЛАВРИНА, проф. П. А. ЛАВРОВА, Д. И. СЕМИЗА и проф. М. П. ЧУБИНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

2 V.

ОБЩЕСТВО СЛАВЯНСКАГО НАУЧНАГО ЕДИНЕНІЯ

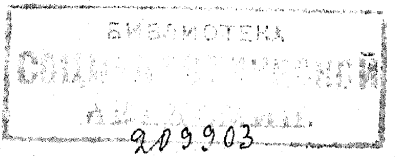
СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ

РѢЧИ И СТАТЬИ

Члена Госуд. Думы А. М. АЛЕКСАНДРОВА, академ. В. М. БЕХТЕРЕВА, проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО, ЯНКО И. ЛАВРИНА, проф. П. А. ЛАВРОВА, Д. И. СЕМИЗА и проф. М. П. ЧУБИНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Значеніе единенія родственныхъ народовъ въ общечеловѣческой культурѣ и современные вопросы славянства.

В. М. Бехтерева *).

„Общими силами—къ общему благу".

Задача современной культуры есть общечеловѣческое единеніе. Но, хотя международное общеніе за послѣднее время дѣлаетъ быстрые шаги впередъ, и границы государствъ готовы исчезнуть съ развитіемъ воздухоплаванія,—тѣмъ не менѣе предвидѣть возможность осуществленія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ или, точнѣе говоря, не въ столь отдаленномъ времени, хотя бы тѣхъ скромныхъ идеаловъ общаго единенія народовъ, которые устранили бы кровавыя между ними распри, для нашего времени представляется, къ глубокому сожалѣнію, почти утопіей. Однако, мыслимое пока въ теоріи единеніе народовъ можно ли представлять себѣ въ смыслѣ общей нивелировки людей и опрощенія ихъ жизни, какъ училъ великій моралистъ и писатель гр. Л. Н. Толстой, говоря объ единеніи людей на религіозной почвѣ?

*) Рѣчь, произнесенная на открытіи Общества Славянскаго Научнаго Единенія, 4-го Ноября 1912 г.

Глубоко преклоняясь предъ величіемъ идеи всеобщаго опрощенія и единенія людей на религіозной почвѣ, нельзя, тѣмъ не менѣе, не считаться съ тѣмъ, что исторія не повторяется, и то, что признавалось возможнымъ въ небольшой религіозной общинѣ при условіяхъ простой, почти пастушеской или земледѣльческой жизни, то не можетъ быть осуществимо при тѣхъ сложныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ народы нашего времени, если признать стремленіе къ прогрессу и совершенствованію неотъемлемой принадлежностью человѣческаго бытія.

Идея общенія людей на религіозной или, что все равно, на моральной почвѣ и нивелировка всего человѣчества въ смыслѣ всеобщаго опрощенія естественно наталкивается на то возраженіе, что психологическія особенности народовъ являются ихъ индивидуальностью, сложившейся подъ вліяніемъ антропологическихъ условій смѣшенія расъ въ данной мѣстности, подъ вліяніемъ географическихъ, государственныхъ, соціально-экономическихъ и другихъ условій. Но эта народная индивидуальность, создающая опредѣленный ея обликъ и характеризующаяся особыми задатками народнаго ума, есть необходимое условіе общечеловѣческаго прогресса. Это то же, что личность въ общественномъ дѣлѣ. Съ другой стороны, проповѣдь опрощенія до всеобщей нивелировки противорѣчитъ соціальному прогрессу, основанному на соревнованіи и раздѣленіи человѣческаго труда. Подавите личность, уничтожьте ея особенности, нивелируйте все и вся въ любомъ обществѣ, и вы приведете это общество къ застою и гибели. Только индивидуальныя особенности

отдѣльныхъ личностей, только ихъ мирное соревнованіе и раздѣленіе физическаго и умственнаго труда могутъ обезпечить культурные успѣхи и прогрессъ общественной жизни.

Въ каждой общественной группѣ собственно тѣ личности, которыя сохранили тѣ или другія положительныя особенности, выдѣляющія ихъ изъ окружающей среды, служатъ главными руководителями прогресса. Тѣ же личности, которыя, утративъ свою самобытность, являются въ роли подражателей и повторителей, лишь поддерживаютъ и развиваютъ дѣло другихъ. Онѣ слѣдуютъ за другими, не проявляя никакой иниціативы, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно теряютъ энергію и обезличиваются.

Тотъ же самый процессъ мы имѣемъ и въ большихъ общественныхъ группахъ, образуемыхъ народами, которые должны поддерживать и развивать свою индивидуальность, свою самобытность, иначе они перейдутъ на роль подражателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно будутъ утрачивать и свою духовную и физическую энергію. Такимъ образомъ, идеалы общечеловѣческаго единенія подчинены принципу народности, ея культуры, духовнаго развитія и индустріи въ указанномъ смыслѣ, вслѣдствіе чего этотъ принципъ долженъ быть выдвигаемъ современной цивилизаціей, какъ основное условіе жизни, развитія и культуры народовъ настоящаго времени.

Другой принципъ, который выдвигаетъ современная цивилизація, это принципъ соединенныхъ силъ. Современное производство и индустрія не могутъ уже развиваться силами отдѣльныхъ лицъ, онѣ требуютъ раздѣленія труда

и соединенныхъ силъ. Точно также и развитіе наукъ и всѣ вообще культурные успѣхи за послѣднее время пошли такъ далеко, что ихъ дальнѣйшій ростъ въ значительной степени зависитъ отъ совмѣстной работы многихъ лицъ. Если научный починъ зарождается въ тиши кабинета, то осуществленіе сложной научной работы и практическое приложеніе научныхъ истинъ требуетъ уже соединенныхъ усилій многихъ лицъ.

Тамъ, гдѣ этотъ принципъ проводится полнѣе, тамъ и культурная работа идетъ успѣшнѣе. Само собою разумѣется, что этотъ принципъ одинаково примѣнимъ, какъ къ отдѣльнымъ общественнымъ группамъ, такъ и къ тѣмъ большимъ соціальнымъ организмамъ, которые представляются народами. Вотъ почему культурная жизнь передовыхъ современныхъ народовъ приводитъ къ единенію на почвѣ общей культурной работы всѣхъ ихъ отдѣльныхъ вѣтвей, говорящихъ на родственныхъ между собою языкахъ.

Такимъ образомъ, нѣмцы уже давно имѣютъ всенѣмецкіе научные съѣзды и общества, объединяющіе въ себѣ всѣ народы, говорящіе на одномъ изъ нарѣчій и вѣтвей нѣмецкаго языка т. е. нѣмцевъ Швейцаріи, Австро-Венгріи, Россіи и др. странъ, а также народовъ Голландіи и Скандинавіи. Также и французы уже давно имѣютъ общефранцузскіе научные съѣзды и общества, привлекающіе къ себѣ для общей культурной работы не только французовъ самой Франціи, но и французовъ Швейцаріи, Бельгіи, Эльзаса, Лотарингіи и другихъ сосѣднихъ странъ, а также народовъ Пиренейскаго полуострова.

Настала очередь и для славянъ слѣдовать тому же принципу. Къ счастью, отдѣльные славянскіе народы сохранили донынѣ свою самобытную культуру. Хотя они и не находятся въ одинаковыхъ политическихъ условіяхъ, но культура, которую они сумѣли сохранить и поддержать,—это все или, по крайней мѣрѣ, все главное, что обезпечиваетъ ихъ дальнѣйшее существованіе. Но, несмотря на то, что развитіе научной мысли и культуры отдѣльныхъ славянскихъ народовъ стоитъ довольно высоко,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что ни одинъ славянскій народъ, въ отдѣльности взятый, не достигъ въ этомъ отношеніи успѣховъ, равныхъ съ передовыми цивилизованными націями, руководительницами духовной жизни человѣчества.

Какое бы значеніе ни могли имѣть научныя изслѣдованія отдѣльныхъ представителей того или другого славянскаго народа, между которыми вспоминаются имена такихъ міровыхъ свѣтилъ, какъ Коперникъ, Коменскій, Лобачевскій, Менделѣевъ и мн. др., тѣмъ не менѣе, необходимо признать открыто, что въ силу неблагопріятно сложившихся политическихъ и соціальныхъ условій, ни одинъ славянскій народъ, несмотря на признанную талантливость славянской расы, не внесъ въ общую сокровищницу знаній того, что внесъ каждый изъ трехъ передовыхъ народовъ англосаксонской и латинской расы. И, чтобъ развить свою научно-культурную самобытность до наибольшей степени, намъ необходимо помимо внутренней соціальной работы идти въ единеніи другъ съ другомъ, внося наши труды, подобно передовымъ наро-

дамъ запада, въ одну общую урну, накопляя одинъ общій славянскій научно-культурный капиталъ.

Что нибудь одно—либо славянство, занимающее болѣе половины Европейскаго материка, должно имѣть одно изъ передовыхъ мѣстъ въ культурной жизни народовъ, либо оно обречено, дѣйствительно, на постепенное культурное самоуничтоженіе и можетъ лишь образовать удобреніе для иноземной культуры. Полагаю, однако, что ни одинъ славянинъ не можетъ согласиться на столь унизительное положеніе и постарается общими усиліями стать на передовыя позиціи культуры, на ряду съ романскими и англосаксонскими народами. Мы не хотимъ никому мѣшать въ стремленіи къ прогрессу, мы не хотимъ отнимать у другихъ народовъ ихъ вполнѣ заслуженнаго первенства, но мы хотѣли бы только сказать: раздвиньтесь немного и дайте мѣсто славянамъ, дабы они могли въ равныхъ съ вами условіяхъ развивать и поддерживать общечеловѣческую культуру и участвовать на равныхъ правахъ въ общечеловѣческомъ прогрессѣ.

Но для того, чтобы достичь этого, для того, чтобы мы, славяне, по праву могли занять культурную позицію наравнѣ съ нѣмцами, французами и англичанами, мы должны много и долго работать внутри, у себя дома, работать, не покладая рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во взаимныхъ междуславянскихъ отношеніяхъ, мы должны заниматься не распрями, какъ было до сихъ поръ, а должны взаимно поддерживать другъ друга.

Славянскіе народы до сихъ поръ разъединяла политика, она ставитъ опредѣленные импе-

ративы со стороны однихъ и протесты со стороны другихъ.

Это только поддерживало раздоры, губя славянскую культуру. Но «тотъ не славянинъ, кто порабощаетъ славянина», сказалъ одинъ изъ современныхъ славянскихъ дѣятелей. Поэтому на мѣсто взаимныхъ раздоровъ мы должны вездѣ и всюду проявлять взаимопомощь. Южное славянство показало примѣръ, что значитъ братство славянскихъ народовъ. Всѣ убѣдились воочію, сколь великія дѣла представляются возможными при одномъ сплоченіи въ союзъ народовъ балканскаго полуострова. Могъ ли кто либо еще нѣсколько недѣль тому назадъ помышлять о томъ, что будетъ окончательно сломленъ исконный врагъ славянства, поддерживаемый нашимъ культурнымъ сосѣдомъ? Могъ ли кто либо думать, что такъ быстро падетъ Оттоманское царство въ Европѣ при дружномъ натискѣ Балканскихъ союзниковъ? И, однако, это происходитъ на нашихъ глазахъ.

Что же создало почву для союза юго-славянъ, недавніе раздоры которыхъ общеизвѣстны? Есть основаніе думать, и въ этомъ я опираюсь на заявленіе моего уважаемаго друга С. С. Бобчева, много поработавшаго въ числѣ другихъ надъ осуществленіемъ балканскаго союза, что этотъ союзъ былъ подготовленъ мирной работой на съѣздахъ Пражскомъ и Софійскомъ, на которыхъ, при взаимной встрѣчѣ представителей славянъ, устранилось то недовѣріе, которое господствовало среди нихъ ранѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ создалась почва для взаимнаго сближенія и дружескаго единенія славянскихъ народовъ. Безъ этихъ предварительныхъ культурныхъ съѣздовъ

не былъ бы осуществленъ и союзъ юго-славянъ, нынѣ сдѣлавшій столь крупный переворотъ на балканскомъ полуостровѣ.

Вотъ почему мы полагаемъ, что единеніе славянъ есть залогъ ихъ силы и одновременно залогъ ихъ успѣховъ на культурномъ поприщѣ. И, такъ какъ къ раздору славянъ между собою, какъ мы уже говорили, служила до сихъ поръ главнымъ образомъ одна лишь ихъ взаимная политика, то мы и считаемъ нужнымъ ее совершенно исключить изъ мирной работы нашихъ собраній, не отвергая, конечно, научнаго освѣщенія тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ и того или другого направленія политической мысли. Нечего говорить, что и религіозные вопросы, которые возбуждали столько распрей среди народовъ вообще и среди славянскихъ народовъ въ частности, не входятъ и не могутъ входить въ задачи нашей работы.

Мы хотимъ провозгласить только общность научно-культурной работы между славянами, не касаясь разъединяющихъ ихъ политическихъ вопросовъ и не вдаваясь въ обсужденіе религіозныхъ вѣрованій, дѣлящихъ славянство на два большихъ лагеря.

Вотъ почему для насъ всѣ славяне въ равной мѣрѣ желанные гости и въ равной мѣрѣ могутъ расчитывать на общую взаимопомощь. Врядъ ли нужно здѣсь распространяться о той массѣ выдвигаемыхъ самой жизнью научно практическихъ вопросовъ и въ области общественной медицины и практическаго естествознанія, съ одной стороны, и въ области гуманитарныхъ знаній, такихъ, какъ исторія и этнографія славянъ, славянская фило-

логія, между-славянскіе общественно-экономическіе и правовые вопросы и т. п., съ другой, которые естественно должны интересовать больше и ближе всего самихъ славянъ и побуждать ихъ къ объединенной научно-практической дѣятельности. Съ другой стороны, нельзя мириться съ мыслью, чтобы свѣдѣнія о научной и культурной жизни славянъ могли быть пріобрѣтаемы другими славянскими народами черезъ призму германской или французской научной мысли, а не изъ прямого источника. Естественно желать, чтобы мы, русскіе, почерпали знакомство со славянскимъ міромъ вообще и съ его научной и культурной жизнью въ частности непосредственно и прямымъ путемъ, а не изъ вторыхъ рукъ, и обратно, славяне узнавали бы о насъ непосредственно по нашимъ трудамъ и матеріаламъ. Вотъ почему въ задачи новаго общества входитъ взаимное ознакомленіе его членовъ и широкой публики съ плодами научно-культурной дѣятельности разныхъ славянскихъ народовъ и общеніе для совмѣстной научной работы.

Я глубоко убѣжденъ, что общая работа на научно-практической и культурной почвѣ послужитъ на пользу всего славянства не только въ смыслѣ возвышенія славянскаго научнаго знамени и славянскаго духа вообще, но и въ отношеніи устраненія взаимной розни и взаимныхъ распрей. Она должна послужить залогомъ того сближенія и единства въ духѣ, которое такъ возвышаетъ нравственно и которое такъ облагораживаетъ человѣчество.

Само собою разумѣется, что въ общей научно-культурной работѣ, которую намѣчаетъ себѣ

Славянское Общество Научнаго Единенія, не должно быть исключительно племенного принципа. Всѣ славянскіе народы и государства въ ихъ цѣломъ, т. е. со включеніемъ входящихъ въ нихъ неславянскихъ элементовъ, поскольку послѣдніе поддерживаютъ и развиваютъ славянскую культуру, могутъ участвовать въ общемъ научно-культурномъ строительствѣ на равныхъ правахъ. Мы хотѣли бы, такимъ образомъ, положить въ основаніе дѣятельности новаго общества не племенной или расовый принципъ славянскаго единенія, а принципъ сближенія всѣхъ дѣятелей, работающихъ на пользу общеславянской культуры, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому племени. Не зоологическій, а культурно-психологическій прпнципъ долженъ быть выдвигаемъ въ дѣлѣ научно-культурнаго сближенія славянскихъ народовъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, лежитъ основной принципъ трудовой взаимности и залогъ успѣха общаго дѣла.

При всемъ томъ, основнымъ принципомъ общей научно-культурной работы должно быть не стремленіе къ сліянію другъ съ другомъ, а единеніе при взаимной поддержкѣ самобытности каждаго славянскаго народа.

Самобытность нужна въ интересахъ общей научно-культурной работы славянства, она нужна въ интересахъ самого дѣла, ибо чѣмъ полнѣе выражена народная индивидуальность, тѣмъ болѣе можно ожидать результатовъ отъ общей работы, которая должна только выигрывать отъ индивидуальнаго развитія культуры каждаго славянскаго народа, развивающаго свой опытъ и совершенствующаго свою мысль.

Итакъ, наша работа, направленная къ единенію славянскаго ума и славянской культуры, будетъ осуществленіемъ девиза: «общими силами—къ общему благу!», и пусть наша работа выполняется подъ руководительствомъ тѣхъ принциповъ, которые впервые еще свыше 100 лѣтъ тому назадъ были провозглашены въ Парижѣ, — этомъ передовомъ центрѣ Европы, гдѣ уже столько вѣковъ бьется пульсъ современной намъ цивилизаціи.

Эти принципы выражаются словами: свобода, равенство и братство, словами столь же вѣчными, какъ вѣчны всѣ истины. Вотъ почему они были вновь провозглашены въ Прагѣ основнымъ принципомъ междуславянскихъ отношеній.

Счастливымъ образомъ наше Общество открываетъ свою дѣятельность въ эпоху историческую для всего славянства, когда ведется борьба за культурную и политическую свободу славянства на юго-востокѣ Европы, когда южное славянство возстало, какъ одинъ человѣкъ, за исконныя права на Балканскомъ полуостровѣ, провозгласивъ своимъ принципомъ: «Балканы для Балканъ. Долой пришлыхъ угнетателей!»

Будучи принципіальнымъ противникомъ войны, вѣря въ то счастливое, очевидно, очень отдаленное будущее, когда войны исчезнутъ съ лица земли, я, тѣмъ не менѣе, не могу отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ жизни война, какъ и возстаніе, являются неизбѣжнымъ актомъ самообороны. Когда производится насиліе, когда рѣзня мирныхъ жителей становится почти обычнымъ явленіемъ, когда гнетъ усиливается до невыносимой степени, то онъ встрѣчаетъ естествен-

ный отпоръ, который выражается возстаніемъ народа въ защиту своихъ правъ. Такимъ образомъ, и война является результатомъ давленія одного народа на другой, естественной реакціей на насиліе, производимое надъ нимъ или надъ его братьями по крови и по духу, и пока не найдены способы предупреждать это соціальное насиліе, до тѣхъ поръ будутъ происходить возстанія и войны. Онѣ могутъ быть поняты, какъ массовый психо-рефлексъ оборонительнаго характера, какъ проявленіе народныхъ импульсовъ и возмущенной народной воли.

И надо съ сожалѣніемъ признать, что въ условіяхъ современной цивилизаціи есть войны и войны, ибо въ однихъ случаяхъ войны являются актомъ хищничества и насилія одного большого государственнаго организма надъ другимъ меньшимъ. Другія же войны представляютъ собою борьбу за освобожденіе своихъ братьевъ и сестеръ отъ гнета и насилія, или борьбу за свою свободу. Примѣры первыхъ общеизвѣстны, мы ихъ приводить не будемъ; примѣромъ послѣднихъ можетъ служить освободительная русско-турецкая война и настоящая славянская война на Балканскомъ полуостровѣ, явившаяся какъ бы продолженіемъ первой. Она является борьбой за свою свободу и свободу братьевъ, борьбой за поруганную честь своихъ женъ и матерей, борьбой за жизнь своихъ сыновъ. Это тотъ случай, когда нашему великому моралисту Л. Н. Толстому съ его ученіемъ о непротивленіи злу былъ заданъ вопросъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы на его глазахъ убивали его брата, или его собственная дочь подвергалась гнусному насилію. Отвѣта, какъ

извѣстно, не послѣдовало. Но, всякому ясно, что значитъ молчаніе въ такомъ случаѣ.

Итакъ, можно глубоко скорбѣть о томъ, что балканскія государства не имѣли возможности и условій разрѣшить вопросы мирнаго сожительства съ оттоманами путемъ соціальной эволюціи. Можно болѣть за проливающуюся кровь на Балканахъ, какъ христіанскую, такъ и нехристіанскую, ибо и въ поклонникѣ ислама надо уважать человѣка, но нельзя не признать, что борьба народовъ за свою свободу, за жизнь своихъ дѣтей и за честь своихъ женъ и матерей является пока неизбѣжнымъ условіемъ современной жизни человѣчества. Наконецъ, во всѣхъ столкновеніяхъ народовъ должны быть взвѣшиваемы, между прочимъ, и интересы прогресса и цивилизаціи.

Современная намъ Турція, славящаяся насиліемъ и рѣзней, устраиваемой надъ мирными жителями, нѣкоторое время какъ будто обѣщала подъ флагомъ «Единеніе и прогрессъ» мирное развитіе соціальныхъ условій, но опытъ показалъ, что, несмотря на благіе пожеланія и порывы, религіозно-правовыя условія, въ которыхъ живетъ турецкій народъ, не могутъ служить залогомъ соціальнаго прогресса. Къ этимъ условіямъ необходимо отнести прежде всего то, что турецкая государственность зиждется на религіозныхъ основахъ корана, представляясь въ сущности не политической только, а религіозно-политической государственностью.

Благодаря тому же условію, мы встрѣчаемся среди оттомановъ съ рабски приниженнымъ положеніемъ женщины, принужденной вести донынѣ затворническую жизнь гарема и не смѣю-

щую даже на улицахъ показываться иначе, какъ подъ густымъ темнымъ вуалемъ, скрывающимъ ея лицо. Это обстоятельство не только лишаетъ женскую половину населенія возможности участвовать въ культурной жизни своего народа, но и въ соціальной и семейной жизни оттомановъ устраняетъ то смягчающее начало, которое всюду вноситъ съ собой женщина.

Благодаря этому, не смотря на поразительную симпатичность и привѣтливость турокъ въ частной бесѣдѣ, несмотря на ихъ извѣстное благородство нрава, что я могу подтвердить и на основаніи личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ своихъ путешествій по ближнему востоку, при всѣхъ вообще условіяхъ, гдѣ обнаруживается столкновеніе взаимныхъ интересовъ разноплеменнаго населенія оттоманскаго государства, со стороны турокъ en masse по отношенію къ мирнымъ жителямъ — христіанамъ обнаруживается религіозный фанатизмъ, проявляющійся то здѣсь, то тамъ поразительными и невѣроятными жестокостями. Такъ было во всѣ бывшія войны и возстанія, такъ дѣло обстоитъ и въ настоящую войну, и такъ же случается и въ мирное время при столкновеніи интересовъ мусульманства съ христіанствомъ.

Совсѣмъ другую картину представляютъ славянскіе народы Балканъ, среди которыхъ обнаруживается полная вѣротерпимость, и ни о какихъ жестокостяхъ нѣтъ и помину, несмотря на то, что напр. въ современной Болгаріи живетъ до 500 тыс. мусульманъ.

Помимо того, эти народы съ періода своего освобожденія достигли поразительныхъ культурныхъ успѣховъ.

Я остановлюсь на примѣрѣ современной Болгаріи, какъ государства, возникшаго менѣе 35 лѣтъ назадъ въ результатѣ нашей освободительной войны. Судя по тому, что представляютъ собою турецкія провинціи съ болгарскимъ населеніемъ, которое мы находимъ, напримѣръ, въ несчастной Македоніи, нетрудно представить себѣ, что и населеніе современной Болгаріи, если бы она не получила своего освобожденія въ 1878 г., находилось бы донынѣ въ такихъ же приблизительно условіяхъ, какъ нынѣшняя Македонія.

Какъ бывшій соучастникъ русско-турецкой войны, я могу лично засвидѣтельствовать, что это была бѣдная страна, разоренная поборами и раздавленная во время возстанія башибузуками. Нечего говорить, что христіанская райа, находившаяся въ рабствѣ у турокъ, не могла и помышлять ни о какихъ не только культурныхъ, но и экономическихъ успѣхахъ.

А между тѣмъ, что мы видимъ въ настоящее время? Это въ полномъ смыслѣ слова цвѣтущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшимъ братьямъ, ее освободившимъ. Достаточно сказать, что страна, пространствомъ и населеніемъ не превышающая одну нашу губернію, имѣетъ благоустроенную, хотя и небольшую столицу, свой университетъ, свою Академію Наукъ, великолѣпные музеи, величественные монументы, превосходно поставленное въ странѣ земледѣліе, начавшееся развитіе обрабатывающей промышленности, цѣлую сѣть своихъ желѣзныхъ путей, благоустроенные порты и, что важнѣе всего прочаго, 7-ми лѣтнее всеобщее обязательное обученіе.

Сколько я знаю, поразительные успѣхи въ области культуры и просвѣщенія сдѣлала за послѣднее время и Сербія, а также и другія христіанскія страны Балканскаго полуострова, пожинающія нынѣ плоды своихъ культурныхъ усилій.

Ясно, что даже, отрѣшившись отъ чувствъ, вызванныхъ родственными отношеніями къ намъ южныхъ славянъ, сочувствіе всѣхъ насъ, какъ и всего цивилизованнаго міра, въ настоящей войнѣ должно быть на сторонѣ славянъ, такъ много претерпѣвшихъ и нынѣ поднявшихся на защиту жизни, за свободу, за культуру и просвѣщеніе своихъ соплеменниковъ и давшихъ уже яркое доказательство своей культурной жизненной мощи.

Современный цивилизованный міръ долженъ быть со славянами и долженъ обезпечить плоды ихъ побѣдъ, ибо туркамъ не мѣсто въ Европѣ. Кто поддерживаетъ Исламъ въ этой распрѣ народовъ, тотъ дурно скрываетъ свои эгоистическіе порывы и стремленія.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы подѣлиться впечатлѣніемъ, которое мы вынесли, путешествуя три года назадъ по Болгаріи, за которую 35 лѣтъ ранѣе, послѣ страшной рѣзни баши-бузуковъ во время болгарскаго возстанія, мы вели освободительную войну на Балканахъ. Я уже сказалъ, въ какой мѣрѣ расцвѣла Болгарія со времени своего освобожденія. Путешествуя по ней во время бывшаго Славянскаго съѣзда въ Софіи, между прочимъ, мы осматривали памятники павшимъ въ періодъ освободительной войны русскимъ воинамъ. Эти памятники наводили, конечно, на грустныя размышленія при одномъ воспоминаніи о пролитой крови.

Вотъ мы поднимаемся на Балканы, чтобы достигнуть незабвенной Шипки, гдѣ геройски отстаивала горсть русскихъ и болгаръ свои позиціи отъ натиска турецкихъ полчищъ Сулеймана-паши.

Во время всего подъема мы встрѣчаемся тамъ и здѣсь по сторонамъ дороги съ памятниками, свидѣтельствующими о гибели тѣхъ, кто бился за свободу братскаго народа и за свою честь. Когда мы уже почти достигли цѣли, и впереди виднѣлась знакомая всѣмъ своей геройской защитой въ 1877 г. гора Св. Николая, былъ сдѣланъ нами привалъ подъ навѣсомъ у корчмы, предназначенной для отдыха путешествующихъ въ горахъ, гдѣ былъ приготовленъ для насъ скромный завтракъ. Здѣсь все напоминало о бывшей тяжелой эпопеѣ, о дняхъ, когда смерть уносила почти послѣднихъ защитниковъ Шипки, изнемогавшихъ подъ натискомъ сильнѣйшаго врага и ждавшихъ съ мучительнымъ волненіемъ помощи, чтобы не уступить важную въ военномъ отношеніи позицію. Духъ смерти и нынѣ еще витаетъ кругомъ Шипки, воскрешая картины геройской защиты павшихъ воиновъ.

Здѣсь же, подъ навѣсомъ въ корчмѣ, слѣпой гусляръ начинаетъ однобразнымъ эпическимъ напѣвомъ воспроизводить передъ нами былое, напоминая путникамъ въ своихъ пѣсняхъ о царѣ Александрѣ Второмъ, освободившемъ Болгарію, о генералѣ Столѣтовѣ, славномъ вождѣ болгарскихъ дружинъ, о бѣломъ генералѣ Скобелевѣ и о герояхъ, павшихъ въ бывшую войну. И что же? несмотря на все это, несмотря на величественно-грустныя картины, оживляемыя изъ

прошлаго, вы не видите и тѣни скорби и печали на лицахъ окружающихъ. Напротивъ того, всѣ довольны и веселы, а молодежь тутъ же на площадкѣ передъ навѣсомъ корчмы устраиваетъ импровизированные танцы.

Мы посѣтили также величественные мавзолеи подъ Плевной, возстановляющіе обстановку бывшей осады и тяжелыхъ штурмовъ.

На позиціяхъ Скобелева на Зеленыхъ Горахъ вы входите въ гроты съ часовней, гдѣ въ склепахъ подъ стеклянными рамами собраны пробитые пулями и сабельными ударами черепа павшихъ героевъ. Здѣсь, какъ и въ окрестныхъ храмахъ, въ дни славныхъ битвъ, возносятся молитвы о вѣчной памяти героямъ, павшимъ въ битвахъ «за други своя». Но взгляните, какая картина кругомъ: на Зеленыхъ Горахъ, гдѣ бился знаменитый Скобелевъ со своими войсками, нынѣ зеленѣютъ фруктовые сады, разводится прекрасный бульваръ рядомъ съ достопамятной долиной смерти,—той долиной, вблизи которой мы когда то, стоя со своимъ санитарнымъ отрядомъ, приняли за одну только ночь немного менѣе 4 тыс. раненыхъ (при штурмѣ 30 Августа 1877 г.), вы видите кругомъ прекрасно воздѣланныя нивы и покрытые густой травой, зеленѣющіе луга, плоды трудовой мирной работы. Наконецъ, спускаясь съ вершины Зеленыхъ Горъ, вы встрѣчаетесь съ веселыми лицами косцовъ, повсюду—довольство и пѣсни.

Трудно передать всю глубину впечатлѣній, переживаемыхъ съ одной стороны при осмотрѣ большихъ грудъ израненыхъ человѣческихъ череповъ въ обстановкѣ склеповъ-часовенъ съ образами, вызывающими молитвенное настроеніе, и

съ другой стороны—при видѣ той цвѣтущей окрестности, развитіе которой явилось результатомъ бывшей войны, плодомъ развившейся затѣмъ культуры вслѣдъ за устраненіемъ рабства и гнета христіанской райи подъ владычествомъ агарянъ.

Простыя слова не выразятъ этой смѣси чувствъ и настроеній, которыя одновременно волнуютъ грудь; ихъ надо пережить, ихъ надо перечувствовать. Пусть сами чувства говорятъ въ формѣ рифмованной рѣчи, которая ближе передаетъ все переживаемое при видѣ бодрой работы мирныхъ поселянъ на поляхъ бывшихъ тяжелыхъ битвъ:

Когда на полѣ давней сѣчи
Гляжу я мыслью въ глубь вѣковъ,
Мнѣ звукъ пріятенъ мирной рѣчи
И пѣсни радостныхъ косцовъ.
Встаютъ здѣсь тѣни погребенныхъ
Героевъ, спящихъ вѣчнымъ сномъ,
Изъ нѣдръ, ихъ кровью напоенныхъ,
Въ часъ боя, въ сумракѣ ночномъ.
И тихо шепчутъ всѣмъ въ отчизнѣ,
Что встарь лилась здѣсь кровь бойцовъ
И чтобъ цѣнилъ свободу жизни
Ихъ правнукъ въ родинѣ отцовъ.
Подъ шепотъ тотъ въ странѣ преданья
О павшихъ въ битвѣ оживутъ,
И вѣсть о славѣ ихъ сказанья
Изъ устъ въ уста вновь разнесутъ.
Всѣ вспомнятъ, какъ за честь и волю
Рѣшался тяжкій, давній споръ,
Какъ сбросилъ съ плечъ народъ неволю,
Смывъ кровью рабство и позоръ.

Но тѣни павшихъ здѣсь витаютъ
Не для призыва въ новый бой,
Они на трудъ благословляютъ
Сыновъ отчизны дорогой.
Такъ пусть всегда въ день славной битвы
Героевъ память свято чтутъ
И въ храмахъ пусть за нихъ молитвы
Благоговѣйно вознесутъ;
Но пусть надъ прахомъ ихъ природа
Сердца потомковъ веселитъ,
И пѣсня мирнаго народа
Окрестность эхомъ огласитъ.

И вотъ я думаю: какъ ни тяжело вновь читать о кровавыхъ событіяхъ, о многихъ тысячахъ жертвъ, въ видѣ геройски павшихъ и раненыхъ въ бояхъ съ той и другой стороны, но пройдутъ дни тяжелыхъ испытаній, залечатся раны участниковъ войны, изсякнутъ со временемъ слезы матерей и вдовъ убитыхъ героевъ, и на мѣстѣ кровавыхъ балканскихъ битвъ—тамъ, гдѣ носится нынѣ черный воронъ съ зловѣщимъ карканьемъ надъ тлѣющими трупами убитыхъ, начнется новая исторія человѣческой жизни, начнется мирная работа на пользу культуры и просвѣщенія. Въ результатѣ кровавой эпопеи, на мѣсто господствующаго нынѣ въ странѣ варварства, гнета и насилія, взойдутъ ростки свободы, гражданственности и права. Для насъ, русскихъ, особенно радостно сознавать, что на ряду съ политическимъ возвышеніемъ славянства воздвигнется на Балканахъ не только знамя свободы угнетенныхъ народовъ, но и разовьется родственная намъ славянская культура, культура мира и прогресса.

Уже занимается заря свѣтлаго будущаго многихъ мильоновъ славянской расы; уже близится тотъ радостный день, когда столь счастливый своею природою, и столь несчастный по своимъ историческимъ судьбамъ Балканскій полуостровъ заживетъ новою жизнью, и намъ остается пожелать, чтобы возглашенные среди славянъ на Пражскомъ съѣздѣ идеалы равенства, братства и свободы послужили основаніемъ къ осуществленію не одного только союза южныхъ славянъ, но и общаго союза всѣхъ славянъ— славянъ востока, юга и запада.

Этотъ-то союзъ, — я понимаю конечно пока союзъ моральный, а не политическій, и возвыситъ славянство, и не только политически, но и культурно. Онъ выдвинетъ его на передовыя позиціи среди цивилизованныхъ странъ и дастъ ему возможность въ сонмѣ другихъ народовъ міра сказать свое слово, которое можетъ быть только словомъ всепримиряющимъ,—словомъ, призывающимъ людей къ идеалу всеобщей любви и возглашающимъ общее братство народовъ.

Какой свѣтъ бросаетъ изученіе славянскаго права на бытовые порядки русскаго крестьянства?

М. М. Ковалевскаго *).

Изученіе крестьянскаго быта началось повсюду въ Европѣ съ конца 18-го и начала 19-го столѣтія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы дали опередить себя въ этомъ отношеніи нѣмецкой наукѣ, и что такія даже основныя черты нашего деревенскаго уклада, какъ сельская община, открыты были у насъ нѣмцами. Такой упрекъ несправедливъ. Гораздо ранѣе посѣщенія Россіи барономъ Гакстгаузеномъ, извѣстный славянофилъ Хомяковъ въ 1848 г. печатно говорилъ о мірскомъ порядкѣ нашего крестьянскаго землевладѣнія и періодическихъ передѣлахъ. Нашъ извѣстный историкъ В. И. Семевскій въ своихъ работахъ по крестьянству и по исторіи его въ 18 вѣкѣ привелъ, въ свою очередь, данныя, свидѣтельствующія о томъ, что строй нашей общины хорошо извѣстенъ былъ и русскимъ административнымъ дѣятелямъ временъ Екатерины и Павла. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ вѣрно одно: изученіе того, что извѣстно намъ подъ именемъ фольклора—народнаго эпоса, народной пѣсни, народныхъ повѣрій, пословицъ, поговорокъ началось въ Германіи десятками лѣтъ раньше, чѣмъ у насъ, и началось, между прочимъ, съ цѣлью раскрыть въ современномъ бытѣ крестьянства

*) Читано на открытіи Общества Славянскаго Научнаго Единенія, 4 Ноября 1912 г.

слѣды вѣрованій и общественнаго уклада всей германской націи въ ранніе періоды ея исторіи. Работы братьевъ Гриммовъ, какъ и труды Эйхгорна и Рогге, направлены были именно въ эту сторону. Онѣ нашли откликъ и въ средѣ славянскихъ ученыхъ: Сахаровъ, Рыбниковъ, Афанасьевъ, Гильфердингъ, Кирѣевскій, Снѣгиревъ, Буслаевъ, Кавелинъ, своими сборниками пѣсенъ, былинъ, сказаній, пословицъ, своимъ описаніемъ не только обычаевъ, но и предразсудковъ крестьянскихъ, обрядовъ и повѣрій,—стремились, между прочимъ, и къ той цѣли, чтобы, отправляясь отъ изученія настоящаго, подняться въ дальнее прошлое и возстановить, хотя бы въ общихъ контурахъ, картину древне-русскаго быта.

Очень опредѣленно эту мысль развиваетъ Кавелинъ. Еще въ 1846 году онъ не видитъ возможности съ помощью дошедшихъ до насъ памятниковъ древней письменности и права получить вѣрное представленіе о томъ, чѣмъ мы были въ начальный періодъ нашей исторіи. Ему кажется, что для этого есть болѣе надежный путь. Надо искать въ бытѣ простонародья слѣдовъ нашего историческаго прошлаго.

Бытъ этотъ отличается неизмѣнностью, косностью и, очевидно, сохранилъ поэтому немало архаизмовъ. Въ разборѣ сочиненія Терещенко «Бытъ русскаго народа» Кавелинъ весьма удачно для своего времени указываетъ возможность открыть въ крестьянскимъ быту рядъ наслоеній, при чемъ древнѣйшія восходятъ еще къ такъ называемому родовому строю. Позднѣйшая критика показала, что чертъ его сохранилось очень немного, однако нѣсколько болѣе, чѣмъ въ памят-

никахъ древней письменности и права, но все же не достаточно для того, чтобы устранить всякое разномысліе по вопросу: былъ ли нашъ начальный бытъ родовымъ или общиннымъ или семейнымъ? Константинъ Аксаковъ рѣзко расходился по этому вопросу и съ Кавелинымъ, и съ Соловьевымъ; Леонтовичъ, Владимирскій-Будановъ не согласны ни съ однимъ изъ нихъ. Въ тотъ самый моментъ, когда наши ученые такъ разошлись въ оцѣнкѣ древне-русскаго быта, зародилось понятное желаніе привлечь къ истолкованію нашего загадочного прошлаго и тотъ обильный матеріалъ, какой заключаетъ въ себѣ славянскій фольклоръ, особенно на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ полное противоположеніе славянской и тюркской культуры, христіанства и магометанства, сдѣлало немыслимымъ развитіе того подражательнаго процесса, того воспріятія чужихъ порядковъ и представленій, какое мы связываемъ на протяженіи славянскихъ земель Австріи съ понятіемъ германизаціи. Мацiевскій въ своей «Исторіи Славянскаго права», можетъ быть, въ меньшей степени подготовилъ почву для сравнительнаго изученія славянскихъ бытовыхъ древностей, чѣмъ такіе собиратели пѣсенъ, легендъ, сказаній, какимъ былъ въ Сербіи, напримѣръ, Вукъ Караджичъ. Кавелинъ уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ указывалъ на необходимость сравнительнаго метода для опредѣленія самаго преемства стадій нашего общественнаго развитія. Онъ не прочь былъ допустить привлеченіе въ этомъ случаѣ и матеріала, доставляемаго изученіемъ быта дикихъ и варварскихъ народностей. Въ заслугу ему надо поставить, что онъ скептически отнесся къ мысли о про-

стомъ заимствованіи и объяснялъ сходство въ нравахъ и учрежденіяхъ, въ повѣріяхъ и обрядахъ, какъ общностью человѣческой природы, такъ и близостью условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь первобытныхъ или близкихъ къ первобытности народовъ.

Но имѣется еще одинъ источникъ сходства: это общность историческихъ судебъ въ прошломъ. У германскихъ народовъ, помимо порядковъ, подобіе которымъ можно найти и у разноплеменныхъ съ ними народностей, имѣются общія всему германству черты. Это установлено было еще Юстусомъ Мозеромъ въ концѣ 18-го столѣтія. Тоже надо сказать и о народахъ славянскихъ.

Если сравнительный методъ плодотворенъ при истолкованіи обычаевъ, обрядовъ, повѣрій и самихъ предразсудковъ, доселѣ удержавшихся въ средѣ простонародья, вообще, и русскаго, въ частности, если за выясненіемъ многообразныхъ сторонъ народнаго быта, часто стоящихъ въ противорѣчіи другъ съ другомъ, приходится обращаться къ даннымъ этнографіи и къ тому, что извѣстно подъ названіемъ юридическихъ древностей, то никогда такое сравненіе не является болѣе плодотворнымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда сравниваемые народы принадлежатъ къ одному корню, вышли изъ одной общей родины и говорятъ доселѣ сродными между собою языками. Отсюда уже въ дедуктивномъ порядкѣ можно вывести то положеніе, что постигнуть всѣ особенности нашего крестьянскаго быта, въ которомъ имѣется столько наслоеній и столько чертъ, отходящихъ въ древнѣйшее прошлое со-

вмѣстной жизни славянъ, нѣтъ возможности иначе, какъ привлекши къ изслѣдованію и древнее право, и современный крестьянскій бытъ родственныхъ намъ славянскихъ народностей,—прежде всего южныхъ славянъ, какъ менѣе или совсѣмъ не подвергшихся германизаціи, а затѣмъ и западныхъ. Эти апріорныя обобщенія находятъ себѣ полное оправданіе при параллельномъ изученіи бытовыхъ особенностей и архаическихъ пережитковъ черногорцевъ, сербовъ, хорватовъ, болгаръ, чеховъ и поляковъ. То положеніе, что славяновѣдѣніе составляетъ основу отечествовѣдѣнія, не боится конкретной провѣрки. Не съ цѣлью его прочнаго обоснованія, а только изъ желанія дать иллюстрацію этой общей мысли на нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ,—я остановлю вниманіе читателя на слѣдующихъ вопросахъ. Что русскій народный бытъ издавна построенъ былъ на кровномъ родствѣ,—объ этомъ говоритъ намъ вполнѣ опредѣленно еще русская начальная лѣтопись. Восточные славяне—наши отдаленные предки—по свидѣтельству «Повѣсти временныхъ лѣтъ», которой открывается лѣтопись Нестора, «сидяху кыждо съ родомъ своимъ, володѣюще роды своими»; иногда это мирное сожитіе прерывалось тѣмъ, что родъ возставалъ на родъ и происходили усобицы. Но родовыя отношенія были настолько крѣпки, что и въ княжескомъ родѣ переходъ власти происходилъ по родовому порядку, при которомъ старшее княженіе поступало къ старшему въ родѣ, не къ старшему сыну, а къ дядѣ. Исчезли ли вполнѣ такіе порядки въ русскомъ крестьянствѣ? Въ смыслѣ существованія родового быта они, ко-

нечно, отошли въ область прошлаго. Но тѣсная связь между близкими и отдаленными членами семьи, частое сожитіе ихъ подъ однимъ кровомъ, веденіе хозяйства сообща всею семьею, распоряженіе старшимъ въ семьѣ, или такъ называемымъ «набольшимъ» семейнымъ имуществомъ съ совѣта, а нерѣдко и съ согласія жены и дѣтей, все это порядки, наличность которыхъ выступаетъ изъ богатаго матеріала, собраннаго комиссіей сенатора Любощинскаго по русскому обычному праву, и изъ работъ нашихъ извѣстнѣйшихъ этнографовъ-юристовъ, начиная съ Якушкина и оканчивая Ефименками и Мухинымъ, наконецъ, изъ текста извѣстнаго кассаціоннаго рѣшенія, признавшаго существованіе семейной общины въ нашихъ западныхъ провинціяхъ, въ томъ числѣ въ Виленской.

Законъ 9-го ноября, въ числѣ прочихъ мѣръ, принятыхъ къ тому, чтобы разрушить историческій укладъ народной жизни, предписалъ непосредственный переходъ отъ общиннаго владѣнія къ частному, точно въ Россіи никогда не было и не существуетъ слѣдовъ тѣснаго родового общенія. Но изъ отрицанія закономъ бытовыхъ основъ русскаго крестьянства сдѣлать тотъ выводъ, что семейная нераздѣльность — плодъ научной фантазіи народолюбцевъ-этнографовъ, можно только при одномъ условіи—совершенномъ игнорированіи того факта, что родовые порядки и отношенія встрѣчаются на протяженіи всего славянства, что они выступаютъ еще съ прежней силой у черногорцевъ, что въ Сербіи такъ называемый «задружный» бытъ держался крѣпко еще въ первой половинѣ 19-го столѣтія, и что въ отдаленномъ прошломъ чеховъ и поля-

ковъ нераздѣльная семья, сожитіе братьевъ подъ однимъ кровомъ — было весьма распространеннымъ явленіемъ. Въ тѣ годы, которые мнѣ пришлось провести въ Европѣ, я пользовался моими научными и литературными связями, между прочимъ, для того, чтобы ознакомлять французскихъ юристовъ, а чрезъ ихъ посредство и юристовъ всего міра, съ обычнымъ правомъ нашего крестьянства. Въ извѣстномъ «Историческомъ обозрѣніи права французскаго и иностраннаго», издаваемомъ недавно скончавшимся Пьеромъ Дарестомъ, въ сообществѣ съ Эсменомъ и Тардифомъ, помѣщенъ былъ рядъ моихъ статей подъ заглавіемъ «Этюды по русскому обычному праву». Я заимствую изъ этихъ этюдовъ, воспроизведенныхъ потомъ въ приложеніи къ моему «Экономическому быту Россіи», изданному въ «Международной соціологической библіотекѣ въ Парижѣ», слѣдующій отрывокъ: «Вмѣсто того, чтобы включать въ себя всего-на-всего мужа, жену и дѣтей, крестьянская семья во многихъ мѣстностяхъ Россіи состоитъ изъ бо́льшаго или меньшаго числа паръ, родственныхъ другъ другу, живущихъ на одномъ дворѣ, или, по крайней мѣрѣ, за одной оградой, устраивающихся при общемъ очагѣ и пользующихся совмѣстно имуществомъ. Такой порядокъ встрѣчается не у однихъ русскихъ славянъ; мы находимъ его также у сербовъ и чеховъ подъ наименованіемъ «задруги» или «общей купы». Порядки этой семейной общины, какъ нельзя лучше, выяснены въ работахъ Богишича, законодателя черногорцевъ и автора извѣстнаго сборника по обычному праву южныхъ славянъ. Восходя въ глубь вѣковъ, мы находимъ тѣ же

черты семейнаго коммунизма въ Далмаціи, гдѣ Полицкій статутъ отъ 16-го столѣтія обозначаетъ словомъ «вервь» семейную общину, составленную изъ нѣсколькихъ, живущихъ совмѣстно паръ. Стоитъ отмѣтить, что этотъ же терминъ «вервь» употребляется и «Русской правдой»—памятникомъ XI-го вѣка. О семейной нераздѣльности, о сожитіи нѣсколькихъ братьевъ съ ихъ семьями подъ одной кровлею, заходитъ рѣчь и въ редактированномъ на латинскомъ языкѣ сборникѣ польскаго обычнаго права 13-го и 14-го вѣковъ. «Communio in qua fratres vivunt» признается въ этомъ памятникѣ источникомъ, или точнѣе «матерью всѣхъ раздоровъ».

Сопоставляя съ этими данными тѣ, какія даютъ намъ памятники Малороссійскаго права, въ свою очередь являющагося дальнѣйшимъ развитіемъ того древне-русскаго, которое нашло выраженіе себѣ въ Литовскомъ статутѣ, — мы встрѣчаемся снова съ семейной общиной въ союзѣ такъ называемыхъ, «сябровъ», участниковъ въ общемъ имуществѣ, устроившихъ свою жизнь при одномъ очагѣ.

Профессоръ Лучицкій обнародовалъ акты, «купли—продажи», открытые имъ въ Черниговской и Полтавской губ. и восходящіе до 15-го—18-го вѣковъ. Въ нихъ заходитъ рѣчь о шести и семи парахъ, ведущихъ хозяйство сообща, обѣдающихъ за одной трапезой, владѣющихъ имуществомъ совмѣстно и отчуждающихъ его не иначе, какъ съ общаго согласія. Въ Великороссіи, въ грамотахъ, съ содержаніемъ которыхъ знакомитъ насъ г-жа Ефименко, и которыя касаются нашихъ сѣверныхъ губерній, въ частности

Архангельской, упоминается объ «огнищахъ», какъ объ общихъ очагахъ цѣлаго ряда сожительствующихъ совмѣстно паръ. Акты восходятъ до 18-го вѣка. Въ центральныхъ же губерніяхъ Россіи въ писцовыхъ книгахъ болѣе ранней эпохи, тѣ же «огнища» извѣстны подъ другимъ, столь же характернымъ прозвищемъ «печищъ». Такимъ образомъ, въ семейной общинѣ, доселѣ держащейся во многихъ занятыхъ славянами странахъ, начиная съ Балканскаго полуострова и оканчивая западомъ, сѣверомъ и югомъ Россіи,—мы доселѣ находимъ обще-славянскую черту, черту тѣснаго родственнаго общенія, сказывающагося въ совмѣстной жизни и въ совмѣстномъ веденіи хозяйства близкими по крови парами.

Съ этимъ нераздѣльно-семейнымъ бытомъ стоитъ въ тѣсной связи и выдающаяся роль брата въ судьбѣ сестры и, въ частности, въ ея замужествѣ. Нигдѣ она не выступаетъ такъ опредѣленно, какъ въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ сочиненіи «Обычай и обрядъ южныхъ славянъ» *) Краусс, не мало использовавшій и сборникъ Богишича, приводитъ рядъ свадебныхъ причитаній, изъ которыхъ наглядно выступаетъ тотъ фактъ, что братъ распоряжается рукою своей сестры, отдаетъ ее въ замужество и получаетъ слѣдуемый за нее выкупъ. Въ томъ освѣщеніи, какое юго-славянскіе и, въ особенности, сербскіе обычаи даютъ этимъ тѣснымъ отношеніямъ брата и сестры, понятнымъ становится и упоминаніе въ нѣкоторыхъ нашихъ сва-

*) Sitte und Brauch der Südslaven.

дебныхъ пѣсняхъ «о братѣ-татаринѣ, продавшемъ сестру за талеръ». Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ выступаетъ сразу нѣсколько наслоеній,—и древне-славянскій обычай, и эпоха татаршины, и эпоха начавшихся сношеній русскихъ славянъ съ германскимъ западомъ.

Гдѣ кровное родство еще весьма интенсивно, тамъ по типу его устанавливаются связи между людьми одного занятія, напр., братство по оружію; оно весьма распространено среди южныхъ славянъ, у черногорцевъ, напримѣръ. Не безынтересно сопоставить съ нимъ и наше «побратимство», которое заключается между людьми, не связанными узами крови совершеніемъ символическаго акта, въ которомъ питье изъ одной чаши, иногда съ придаткомъ опущенной въ нее монеты, играетъ рѣшающую роль. Весьма распространено также въ средѣ южныхъ славянъ по образцу «побратимства» и такъ называемое «посестримство».

Что оно извѣстно и нашему обычному праву— это стоитъ, разумѣется, внѣ спора. И въ немъ, какъ и въ соотвѣтственныхъ порядкахъ южныхъ славянъ, продолжаютъ жить слѣды того кровнаго единства, которое нѣкогда составляло одинъ изъ устоевъ обще-славянскаго быта.

Какой бы стороны общественнаго уклада нашего крестьянства мы ни коснулись, мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: менѣе яркаго выступленія въ русскомъ крестьянскомъ быту тѣхъ самыхъ чертъ родового порядка, которые съ большей полнотою и интенсивностью уцѣлѣли въ бытѣ южныхъ славянъ.

Въ государствѣ съ сильно-централизованной властью, начиная съ эпохи московскихъ царей-объединителей, не могли, разумѣется, уцѣлѣть остатки кровной мести, которые такъ наглядно выступаютъ въ «Русской правдѣ».

Но что эта месть была именно родовой, что въ ея осуществленіи принимали нѣкогда участіе не только ближайшіе, но и отдаленные родственники, — все это, какъ нельзя лучше по отношенію ко всему славянству, доказываютъ обычаи, еще недавно державшіеся въ Черногоріи и у жителей Старой Сербіи.

Родовой характеръ древнихъ поселеній, занятіе нерѣдко цѣлыхъ деревень семьями, связанными кровнымъ родствомъ—фактъ, который въ источникахъ русскаго права выступаетъ, самое бо́льшее, въ окончаніи на «ичи» племенныхъ и сельскихъ названій, напр., Радимичи, да еще въ нѣкоторыхъ нормахъ «Русской правды», говорящихъ о правѣ «вложиться» или «не вложиться», т. е., участвовать или не участвовать въ платежѣ «дикой виры», или выкупа, платимаго за пролитіе крови цѣлой округой,—вотъ все, что уцѣлѣло даже въ древне-русской жизни отъ этихъ порядковъ родовой саморасправы. Но она еще недавно была жизненнымъ принципомъ южныхъ славянъ, и, въ особенности, черногорцевъ. Изученіе державшихся у нихъ порядковъ, такимъ образомъ, проливаетъ яркій свѣтъ на исходные моменты въ развитіи народныхъ представленій о связи живущихъ съ умершими и о вытекающей отсюда обязанности родового возмездія.

Возьмемъ еще примѣръ, на этотъ разъ изъ

сферы публичнаго права. Наши древнія лѣтописи доставили проф. Сергѣевичу обильный матеріалъ для построенія его теоріи вѣчевого строя русскихъ княжествъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи. Тѣ же вѣчевые порядки мы находимъ, какъ доказываетъ, между прочимъ, работа г. Дьячана, у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Одной изъ чертъ вѣчевыхъ порядковъ, какъ и всякаго прямого народоправства, является рѣшеніе дѣлъ народнымъ сходомъ не большинствомъ, а единогласно. Это единогласіе очень характерно выступало въ Новгородской республикѣ; чтобы добиться его, не отступали и передъ практикой сбрасыванья въ Волховъ тѣхъ, кто не желалъ участвовать въ общемъ рѣшеніи. Слѣдомъ такого, можно сказать, «хорового» начала, надо считать уцѣлѣвшее у поляковъ въ эпоху «Рѣчи посполитой» liberum veto—право любого члена сейма сдѣлать недѣйствительнымъ своимъ личнымъ противодѣйствіемъ рѣшеніе, принятое всѣмъ сеймомъ. Враги національной независимости поляковъ, пользовались этимъ стародавнимъ обычаемъ и иноземное золото не разъ останавливало принятіе спасительныхъ для республики мѣръ.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали отдѣльныя стороны русской народной жизни—мы постоянно приходимъ къ тому заключенію, что у родственныхъ намъ славянъ, тѣ же стороны удержались или въ бо́льшей неприкосновенности, или въ болѣе позднюю эпоху. А отсюда самъ собой напрашивается тотъ выводъ, что только при взаимодѣйствіи историковъ, юристовъ и этнографовъ всего славянскаго міра,

возможно всестороннее освѣщеніе условій, какъ нашего, такъ и западнаго и южнаго народнаго уклада.

Будемъ надѣяться, что возникающее общество научнаго единенія Славянъ послужитъ могущественнымъ средствомъ для этой совмѣстной работы.

Сербскій народъ наканунѣ войны.

Д. И. Семиза.

Сербія. Сербскому народу аннексія Босніи и Герцеговины нанесла страшный и надолго непоправимый ударъ. Народное сознаніе, пережившее его, остро, до боли, почувствовало, что имѣть одно право недостаточно, а нужна и сила, чтобы защитить его.

Особенно чувствителенъ былъ ударъ аннексіи для свободнаго королевства Сербіи, этого оплота сербскаго сознанія, надеждъ свободы и независимости: Сербія столкнулась лицомъ къ лицу съ ужасной и близкой возможностью потерять свою политическую и экономическую независимость.

Чтобы спасти себя, свою независимость, сербскую культуру и поддержать духъ надежды на лучшее будущее во всемъ порабощенномъ сербскомъ племени—Сербія напрягла всѣ усилія и начала лихорадочно работать надъ оздоровленіемъ внутри-государственной жизни, уничтоженіемъ партійной розни, вооруженіемъ и организаціей арміи, постройкою желѣзныхъ дорогъ стратегическаго и, главнымъ образомъ, экономическаго значенія, надъ развитіемъ экономическихъ силъ страны и поднятіемъ культуры среди народныхъ массъ.

Многочисленныя политическія группы слились въ два блока—радикаловъ и консерваторовъ. Первые—старо и младо-радикалы,—во внутренней политикѣ преслѣдуютъ полную демократизацію и децентрализацію административныхъ органовъ и самоуправленій, а во внѣшней—славянскую и югославянскую политику, опираясь на Россію. Послѣдніе—націоналисты и напредняки,—представители старыхъ традицій съ правительствомъ въ лицѣ единаго правителя.

Какіе благіе результаты дала совмѣстная и дружная работа всѣхъ партій, въ особенности радикаловъ, говорить не приходится. Достаточно упомянуть, что отошли въ область преданія военно-полевые суды, исключительныя положенія, и на лицо единеніе съ братскими балканскими народами и воодушевленное шествіе къ лучшему будущему всего югославянства.

Изъ 150 мил. займа, заключеннаго въ 1909 г. 54 м. динар. израсходовано на вооруженіе арміи. Изданъ былъ новый законъ о новобранцахъ. Реорганизована строевая и интендантская часть арміи. Что сдѣлала качественно и количественно сербская армія въ четыре года, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ успѣхи согласованнаго дѣйствія съ прочими союзными арміями и въ частности—Куманово, Скопье, Монастырь и завоеваніе 32.000 кв. верстъ турецкой территоріи въ 12 дней.

Изъ средствъ того же займа построено нѣсколько жел.-дор. линій: Кралево-Сталачъ, Обреноваць-Вальево, Шабацъ-Лозница, Младеноваць-Майковаць, Парачинъ-Зайечаръ, Дунай-Тимокъ-Нишъ-Мрдаре, какъ часть огромной проектируемой дороги Дунай-Адріатическое море.

Производительныя силы страны растутъ. Сербскій экспортъ въ 1910 г. достигъ 122.919.755 дин., на 45.232.677 дин. больше, чѣмъ въ 1908 г. (годъ аннексіи). Такой цифры статистика сербскаго экспорта не знала, и это въ годъ, когда не было торговаго договора съ Австро-Венгріей, на долю которой приходилось до того 95% всего сербскаго экспорта. Планомѣрно съ ростомъ экспорта увеличивается доходность жел. дорогъ, государственный бюджетъ, и населеніе безнедоимочно вноситъ прямые налоги. Въ 1909 г. доходъ одного километра жел. пути выражался въ суммѣ 19.691, въ 1908 г. въ суммѣ 16.726 дин. Смѣтою на 1909 г. было предусмотрѣно, что прямыхъ налоговъ поступитъ 29.117.350 дин., въ дѣйствительности же поступило 34.241,674 дин., больше, чѣмъ въ 1908 г. на 11.284.033 дин.

Интеллектуальная жизнь страны ширится и растетъ. Ежегодно появляются все новые и новые талантливые работники на культурной нивѣ сербской. Работа сербскихъ литераторовъ становится интенсивной. Превосходное знакомство съ великими славянскими и неславянскими литературами объясняетъ ихъ поразительные успѣхи въ беллетристикѣ, драматургіи и въ области исторіи и литературной критики.

Литература богатѣетъ. Журналы, дающіе тонъ литературнымъ теченіямъ, особенно любовно пригрѣвающіе начинающую молодежь, не уступаютъ лучшимъ западно-европейскимъ образцамъ. Судя по тому, что̀ есть, недалеко то время, когда творенія сербскихъ писателей завоюютъ всемірное признаніе. Зная сербскую поэзію, можно смѣло утверждать, что въ сербскомъ народѣ очень

скоро явится великій поэтъ славянскаго племени. Сербскій народъ долженъ оправдать возлагаемыя на него всѣмъ славянствомъ надежды!

Наука сербская уже обратила на себя вниманіе европейскаго ученаго міра. Бѣлградскій университетъ и Академія наукъ всецѣло отдались служенію народу. Особое ихъ вниманіе привлекаютъ тѣ отрасли науки, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ исторіи и жизни народа, какъ: языковѣдѣніе, исторія литературы, политическая и культурная исторіи, естествовѣдѣніе, юриспруденція и архитектура. Отдѣльные ученые и цѣлыя научныя учрежденія преимущественно заняты изслѣдованіями быта и жизни сербскаго народа.

Богатыя архивныя изслѣдованія сдѣланы въ области языка и его діалектовъ, географіи, этнографіи, изученія памятниковъ классической археологіи, архитектуры и искусства. Въ результатѣ кропотливой и любовной работы накопилась масса драгоцѣннаго научнаго матеріала, и явилась мысль систематизировать его въ цѣлостномъ и законченномъ видѣ. Съ этой цѣлью югославянская Академія наукъ въ Загребѣ предложила Бѣлградской совмѣстно составить и издать югославянскій энциклопедическій словарь, который въ скоромъ времени появится въ свѣтъ и покажетъ «христіанской» Европѣ, какова наука, и, главнымъ образомъ, какова культура югославянскихъ народовъ.

Рядомъ съ наукой и школой весьма успѣшна и плодотворна культурная работа сельско-хозяйственныхъ союзовъ, разбросанныхъ тысячами по всей Сербіи.

Въ аннексіонное время, когда сербскій народъ

ждалъ столкновенія, образовалось общество «Народна Одбрана» (національная защита). Цѣль его была: сорганизовать и обучить военному строю гражданъ, не отбывавшихъ воинскую повинность. Послѣ аннексіи руководители общества рѣшили сохранить эту организацію, поставивъ ей новыя задачи: распространеніе въ народѣ національныхъ идей, сознанія долга передъ родиной и всѣмъ сербскимъ народомъ вообще. Результаты работы этого общества огромны. Отчасти ему сербскій народъ обязанъ тѣмъ воодушевленіемъ, которое неизмѣнно сопровождаетъ сербскую и союзныя арміи по пути ихъ благороднаго, святого, но и тяжкаго шествія къ свѣтлой цѣли—къ свободѣ и культурѣ порабощенныхъ братьевъ. Также, послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины, ректоромъ Бѣлградскаго университета Саввой Урошевичемъ была учреждена «Культурная Лига». Это общество шло рука объ руку съ «Народной Одбраной», уча народъ, какъ раціональнѣе устроить свою жизнь и какъ выгоднѣе пользоваться естественными богатствами земли.

Черногорія. Черногорія страна, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ удобной для обработки земли, а только голыя скалы. Это и есть причина страшной народной нищеты. Если бы не заработки черногорцевъ-рудокоповъ, тысячами ежегодно выселяющихся въ Америку,—голодъ не прекращался бы въ странѣ. Можно ли, при такихъ условіяхъ, много ожидать и требовать отъ Черногоріи. Удивляться можно и преклоняться нужно передъ этими славянскими рыцарями уже за одну ихъ рѣшимость принять участіе въ нынѣшней освободи-

тельной войнѣ! Вѣдь, идя завоевывать право на жизнь своимъ братьямъ, черногорская армія первая ринулась въ бой и перешла турецкую границу, не имѣя никакой интендантской организаціи. Въ Черногоріи каждый воинъ пообѣдаетъ только въ томъ случаѣ, если мать, сестра или жена принесутъ ему на поле брани кусокъ хлѣба.

И все же черногорцы достигли большихъ успѣховъ въ поднятіи культуры и благосостоянія своей страны. Сооруженъ рядъ великолѣпныхъ шоссейныхъ дорогъ и даже небольшая узко-колейная линія желѣзнаго пути, почти при невозможныхъ природныхъ условіяхъ.

Въ Подгорицѣ и Цетиньѣ имѣются двѣ гимназіи, кадетскій корпусъ, духовная семинарія, сельско-хозяйственное училище, женскій институтъ и сѣть начальныхъ училищъ, которыя содержатся на средства страшно бѣднаго 250.000 населенія и доблестно служатъ развитію и упроченію черногорской культуры.

Черногорія была и останется маякомъ сербскихъ завѣтовъ народной свободы — вѣрнымъ защитникомъ порабощенныхъ братьевъ. Черногорскіе орлы вылетали и будутъ вылетать по первому зову, какъ и теперь, на поле брани, безъ куска хлѣба, но съ оружіемъ въ рукахъ, когда этого потребуютъ интересы сербской, или славянской вообще, свободы и культуры.

Хорватія, Славонія и Далмація. Сербско-хорватская коалиція, образовавшаяся въ концѣ 1905 года и выставившая знамя солидарности сербо-хорватовъ, какъ ѣдинаго народа съ двумя именами,—послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины

подверглась жестокому гоненію со стороны Буда-Пешта и Вѣны. Какъ только стало ясно, что сербо-хорваты соединились между собою и будутъ совмѣстно защищаться отъ грозящей имъ опасности, сейчасъ же поднялась буря, заколыхалось мадьяро-германское море, весь арсеналъ Австріи и Венгріи былъ приведенъ въ дѣйствіе, и въ результатѣ тюрьмы переполнились невинными сербами. Довольно вспомнить бана хорватскаго Рауха и его геслеровское управленіе, когда онъ, къ стыду XX вѣка, посадилъ на скамью подсудимыхъ 53 члена сербско-хорватской коалиціи, обвиняя ихъ въ государственной измѣнѣ, и предложилъ верховному суду вынести имъ смертный приговоръ за то, что они открыто признавали себя тѣми, кѣмъ родились, т. е. сербами, за то, что не боялись радоваться успѣху юго-славянскаго объединенія и что открыто требовали всеобщаго избирательнаго права. Обвинительнымъ матеріаломъ въ рукахъ прокурора были картины изъ сербской исторіи и произведенія, напечатанныя кириллицей.

Послѣ Рауха въ банское кресло садится Томашичъ, чтобы продолжать дѣло, начатое его предшественникомъ. При немъ въ несчастной Хорватіи, псевдо-конституціонной странѣ, бушевалъ позорнѣйшій терроръ, который ничѣмъ не отличался отъ кроваваго террора въ Турціи. Особенно ужасные размѣры онъ принялъ въ предвыборную кампанію въ декабрѣ 1911 г., наканунѣ выборовъ въ сеймъ, и больше всего разразился въ учительской средѣ — вѣрномъ другѣ сербо-хорватской коалиціи и передовомъ отрядѣ югославянскаго союза.

Всѣ старанія Томашича раздавить коалицію и самому пройти въ сеймъ не увѣнчались успѣхомъ. Побѣда коалиціи была полная, но вдругъ Томашичъ признается въ Буда-Пештѣ непригоднымъ, и на его мѣсто назначается нѣкто Славко Цувай—мелкій чиновникъ, но зато бывшій помощникъ и правая рука злосчастнаго Рауха.

Вслѣдъ за рескриптомъ о назначеніи Цувая баномъ Хорватіи, послѣдовалъ указъ о роспускѣ сейма въ нарушеніе автономіи и конституціи Хорватіи, такъ какъ сеймъ былъ распущенъ, еще не успѣвъ не то, что собраться, а даже и скомплектоваться. (Не было еще произведено выборовъ въ трехъ округахъ).

Цувай безусловно явился подходящимъ сотрудникомъ для подготовки момента, подобнаго моменту аннексіи Босніи и Герцеговины. Для такихъ дѣйствій въ Хорватіи былъ необходимъ, конечно, австрійскій жандармъ, а не сербо-хорватская коалиція и банъ, пользующійся ея поддержкою.

То, что сейчасъ происходитъ на Балканахъ, и связанные съ этимъ агрессивные замыслы Австро-Венгріи, говоритъ только лишній разъ о томъ, какъ дальновидны вершители судебъ двуединой монархіи, объясняетъ загадку, почему такъ страшна мадьярской Пештѣ и нѣмецкой Вѣнѣ сербо-хорватская коалиція и югославянская солидарность, почему Рауху, Томашичу и Цуваю хотѣлось и хочется вернуть Хорватію къ 1905 г., и почему имъ не нравится отпоръ хорватскаго народа, не желающаго и не могущаго больше быть послушнымъ рабомъ мадьяро-германизма.

Что же касается культурной и экономической

работы сербо-хорватскаго народа, то она развивается, вопреки препятствіямъ, чинимымъ правительствами. Финансовыя силы народа растутъ, чему очень способствуютъ многіе открывающіеся фабрики и заводы, и въ особенности поддерживающій ихъ сербскій банкъ въ Загребѣ. Непрерывное развитіе сельско-хозяйственныхъ товариществъ поднимаетъ и экономическое благосостояніе народа и въ то же время будитъ и внѣдряетъ въ народѣ солидарность и національное сознаніе; широкая и неутомимая дѣятельность общества «Привредникъ», содѣйствующаго торговлѣ и ремесламъ, успѣшно искореняетъ чужестранную эксплоатацію.

Сербы въ Бонатѣ, Бачкой и Сремѣ (южная Венгрія) спасаются, насколько еще можно спастись, отъ омадьяренія. «Српска Матица»—культурно-просвѣтительное общество, — исполняетъ свою культурную задачу, и сербская гимназія въ Новомъ Садѣ, которая недавно отпраздновала свой столѣтній юбилей, укрѣпляетъ и ширитъ сознаніе своихъ питомцевъ.

Въ Далмаціи не чувствуется столь интенсивная жизнь и работа, какую мы отмѣтили выше, но этого и требовать отъ нея нельзя: она какъ бы оторвана пока отъ остального сербскаго міра. Ея роль была всегда—поддерживать прогрессивныя идеи и теченія, господствующія въ Хорватіи и Славоніи и вспомогать народную самооборону, что она съ честью и исполняетъ.

Какъ новое культурное явленіе, нельзя не отмѣтить учрежденіе общества «Српска Матица» въ Дубровникѣ.

Одно можно сказать: культура во всѣхъ ука-

занныхъ областяхъ стоитъ высоко и продолжаетъ расти наряду съ образованіемъ народныхъ массъ. Здѣсь не забываютъ того, что самое сильное и вѣрное средство защиты и обороны народныхъ интересовъ, въ особенности для маленькихъ народовъ, есть прежде всего культура и образованность. Силой можно завоевать земли и живущихъ на ней людей, но преданности ихъ своей національности уничтожить нельзя, а завоеванное силою, а не духомъ, ничего не стоитъ. Любовь сербо-хорватъ къ своей народности, языку, просвѣщенію Австрія не въ силахъ искоренить никакимъ оружіемъ. Отпоръ живой силы народа ничто и никогда не сломитъ.

Боснія и Герцеговина. Аннексія Босніи и Герцеговины застала тамъ сербскій народъ несорганизованнымъ и неподготовленнымъ. Совершилась аннексія противъ воли Босніи и Герцеговины. Но народъ безъ различія вѣроисповѣданія не палъ духомъ. Сознавая, что ему суждено теперь выдержать долгую, упорную и осмысленную борьбу съ натискомъ германизма, онъ сталъ во всѣхъ направленіяхъ развивать свои силы.

Дружно выступили депутаты перваго сейма въ борьбѣ за гражданскія права и за широкую автономію своей родины, вопреки расчетамъ творцовъ боснійской конституціи.

А конституція боснійская удивительно своеобразна. Не въ примѣръ существующимъ! Въ основу ея положены вѣроисповѣдныя различія и куріальная система выборовъ, раздѣляющая гражданъ на два разряда, съ единственнымъ пра-

вомъ для народныхъ избранниковъ контролировать дѣйствія правительства, т. е. въ сущности, констатировать факты, и только.

То, что нужнѣе всего народу—рѣшеніе аграрнаго вопроса—внѣ компетенціи сейма. Правительство, опубликовывая конституцію, поспѣшно заявило, что аграрный вопросъ остается въ той стадіи, въ коей его застаетъ конституція. По расчетамъ правительства это сообщеніе должно было вызвать роспускъ сейма, недовольство народа и разрушить солидарность православныхъ и мусульманъ.

Разъединеніе и только разъединеніе народа нужно Австріи. Только при этомъ условіи она можетъ безнаказанно дѣлать свое темное дѣло—морально убивать способнѣйшій народъ и подтачивать его силы...

Вскорѣ послѣ объявленія конституціи въ октябрѣ 1910 г. селенія сѣверной Босніи провели формальное постановленіе: не давать землевладѣльцамъ—агамъ и спахіямъ треть всего урожая. Австрія этотъ актъ поспѣшила назвать «крестьянскимъ бунтомъ» и въ мигъ по всѣмъ селамъ и городамъ разослала карательныя экспедиціи. Неустрашимость голоднаго крестьянина и его мирная манифестація за признаніе за человѣкомъ права на плоды его трудовъ—чуть было не довели до кровопролитія. Только хладнокровіе народа спасло жизнь многимъ и экспедиціи завершились арестами нѣсколькихъ сотенъ ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ жителей, повѣрившихъ австрійской «конституціи».

Боснякъ, облагодѣтельствованный правомъ выбирать себѣ представителя въ парламентъ,

остался рабомъ—крѣпостнымъ спахіи и аги, которымъ онъ даетъ «хакъ». Такъ называется его натуральная повинность — треть всего урожая. Помимо этой повинности боснякъ платитъ еще десятую часть урожая государству.

«Хакомъ» босняковъ облагодѣтельствовало турецкое владычество; при «культурной христіанской державѣ» «хакъ» — пережитокъ средневѣкового мракобѣсія—пышно расцвѣлъ.

Прошло полныхъ 34 года культуртрегерства, оккупація превратилась въ аннексію, владѣніе въ собственность, а позоръ крѣпостничества не смывается съ лица земли. Требованія всего народа о немедленномъ принудительномъ выкупѣ крестьянскихъ земель называютъ несвоевременными. А между тѣмъ, представитель Австро-Венгріи на берлинскомъ конгрессѣ совершенно правильно замѣтилъ, что причиною всѣхъ народныхъ возстаній въ Босніи и Герцеговинѣ на протяженіи всего девятнадцатаго столѣтія былъ аграрный вопросъ. Андраши увѣрялъ конгрессъ: закрѣпите за трудящимся крестьянствомъ землю, которую онъ обрабатываетъ, и возстаніямъ—конецъ! Для разрѣшенія этимъ путемъ аграрнаго вопроса въ Босніи онъ и просилъ конгрессъ дать его довѣрительницѣ мандатъ на оккупацію срокомъ на 20 лѣтъ.

Мы видѣли результатъ довѣрія Европы къ заявленіямъ знаменитаго Андраши: временная оккупація разрѣшилась присвоеніемъ—австрійскій орелъ своими когтями надорвалъ берлинскій трактатъ.

Упрекаютъ Австрію, что она вовсе не обращаетъ вниманія на поднятіе въ народѣ культуры и образованія. Справедливы ли обвинители—судите сами. За 34 года оккупаціи и аннексіи пра-

вительство открыло четыре гимназіи, изъ нихъ одну реальную. На пространствѣ въ 51,000 кв. кил. и при народонаселеніи въ 1,800.000 душъ въ Босніи и Герцеговинѣ имѣется только 307 правительственныхъ начальныхъ училищъ, или на 6.000 душъ и на 170 кв. кил. одно начальное училище. Неграмотнаго населенія 85%. И больше было бы, если бы не частная иниціатива. Народъ Босніи и Герцеговины самъ взялся за работу для своей культуры и просвѣщенія. Лѣтъ 10 тому назадъ, послѣ долгой и упорной борьбы, православные и мусульмане добились церковно-школьной автономіи. Сербы-православные въ послѣднее время расходуютъ на свои просвѣтительныя установленія въ годъ 1,300.000 кронъ, не считая 5,000.000 кронъ, израсходованныхъ на постройку начальныхъ училищъ, коихъ теперь насчитывается 120. Эти средства даютъ: доходы церковныхъ имуществъ 800.000 кронъ и 500.000 кронъ—добровольныя пожертвованія народа.

Теперь уже становится замѣтной концентрація силъ въ области народнаго просвѣщенія и экономики.

Не малую роль играютъ въ поднятіи культуры и благосостоянія народа общества: «Просвіта», «Гаіретъ» и «Напредакъ». Первое учреждено сербами православными, второе—мусульманами, послѣднее — католиками. Цѣль этихъ обществъ: содѣйствіе среднему и высшему образованію, обученіе ремесламъ и торговлѣ, организація сельско-хозяйственныхъ союзовъ, открытіе курсовъ для неграмотныхъ и вообще распространеніе просвѣщенія въ народѣ путемъ распространенія полезныхъ книгъ и журналовъ. Общество «При-

вреда» и «Союзъ сербскихъ земледѣльческихъ общинъ» заботятся объ экономическомъ благосостояніи народа. Возникшій недавно сербскій центральный банкъ въ Сараевѣ—съ основнымъ капиталомъ въ 6,000,000 кронъ, и остальные 18 банковъ съ основнымъ капиталомъ въ 2,645,676 кронъ, развиваютъ финансовую дѣятельность также на пользу народа.

Эти общества и учрежденія—залогъ развитія просвѣщенія и благосостоянія народнаго. Дѣятельность ихъ, и вновь возникающихъ подобныхъ организацій, поможетъ народу перенести и побороть чужестранныя притѣсненія. Будемъ надѣяться, что, несмотря на хитрость сильныхъ поработителей, Боснія и Герцеговина не потеряютъ, а спасутъ себя для культуры и Славянства.

Старая Сербія. Одной изъ причинъ нынѣшней войны четверного союза съ Турціей, въ частности, являются звѣрства полудикихъ албанцевъ, съ благословенія младотурецкой Турціи, чинимыя ими надъ сербскимъ народомъ древнихъ сербскихъ провинцій,—колыбели сербскаго государства—Старой Сербіи.

Культурные народы Европы, живущіе въ мирныхъ человѣческихъ условіяхъ, подъ сѣнью христіанства и защитою сильной и гуманной государственности, и представить себѣ не могутъ ужасъ жизни сербскаго народа Старой Сербіи, отданной на «потокъ и разграбленіе» полуразбойничьимъ албанскимъ племенамъ.

Тираннія турокъ и опасность быть стертымъ съ лица земли не въ моготу стала народу, и съ XVII столѣтія начинается массовое выселеніе изъ

Старой Сербіи въ другія сербскія и чужія области. Въ XVII вѣкѣ въ одну Венгрію одновременно выселилось до 100.000 семей, а на ихъ пепелища стали съ горъ спускаться албанцы. И вотъ эту то территорію Австрія теперь считаетъ албанской и противится выходу черезъ нее сербовъ на сербское Адріатическое море.

Самооборона была невозможна. Народъ сербскій лишенъ былъ права имѣть оружіе. Албанцевъ же и Турція, и сосѣди вооружали съ ногъ до головы, какъ бы поручая имъ этимъ оружіемъ уничтожить остатки сербскаго племени на Косовомъ полѣ.

Оффиціальная Сербія несчетное количество разъ посылала Портѣ ноты, обращалась къ посламъ Европейскихъ державъ, моля обратить вниманіе на судьбу братьевъ своихъ. Но... всѣ старались не видѣть слезъ и не слышать криковъ сербовъ Старой Сербіи о спасеніи.

Синяя книга сербскаго министерства иностранныхъ дѣлъ за 1898 и 1899 г. полна документовъ и актовъ, сопровождавшихъ сербскія ноты правительству блистательной Порты. Она испещрена мрачными цифрами. Тамъ убито 200 человѣкъ, изнасиловано 150 женщинъ, въ другомъ мѣстѣ осквернены православные храмы, а тамъ сожжено имущество и угнанъ скотъ. Въ одной нотѣ приведена статистика, что за періодъ съ 1880 по 1889 въ Сербію съ Коссова поля переселилось 90.000 семей. За время же съ 1906 г. по 1912 г. въ одномъ Коссовскомъ вилайетѣ убито 436 чел., совершено 261 покушеніе на убійство, 289 разбоевъ, 290 кражъ, 33 изнасилованія и т. д.

Когда жизнь въ опасности, когда народное добро растаскиваютъ всѣ, кому не лѣнь, когда никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, развѣ можно тутъ говорить о какой бы то ни было культурѣ. Въ Старой Сербіи никакой культуры нѣтъ и разсадниковъ культуры нѣтъ, если не считать духовную семинарію въ Призрѣнѣ и нѣсколькихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ сербскимъ правительствомъ.

И все, что творилось при Абдулъ Гамидѣ, не только осталось и при новомъ младотурецкомъ режимѣ, но, пожалуй, еще ухудшилось.

Политическая свобода и равноправіе, безъ коихъ немыслимъ ни индивидуальный прогрессъ, ни коллективное благосостояніе, оставались, какъ и раньше, мечтой христіанскихъ народовъ Турціи, несмотря на введеніе конституціоннаго правленія.

Мирная революція 1908 г. коснулась однихъ турокъ. Эта революція была внутреннимъ семейнымъ дѣломъ старо и младо-турокъ, и по отношенію христіанъ ничего не измѣнилось. Христіане никакой пользы не видѣли отъ младотурецкой демократіи. Было ясно, что эти народности въ глазахъ младо-турокъ обозначаютъ тоже самое, что и въ глазахъ старо-турокъ, т. е. опасность для существованія и цѣлости Турецкой Имперіи. И младотурки очень скоро провозгласили свою программу по отношенію къ христіанамъ: политическая свобода и равноправіе—привиллегіи, на которыя имѣютъ право только турки, но ни въ коемъ случаѣ не христіане. Обѣщанія реформъ такъ и оставались обѣщаніями, а рѣзня сербовъ и болгаръ не прекращалась.

Что же оставалось дѣлать балканскому союзу,

какъ не объявить войну, чтобы спасти христіанскіе народы отъ неминуемаго и скораго истребленія.

Юго-славизмъ сблизилъ сербовъ и болгаръ.

XIX вѣкъ справедливо считается вѣкомъ національнаго. Въ XIX вѣкѣ человѣчество было очевидцемъ воскресенія и подъема цѣлыхъ народныхъ массъ, до того отсталыхъ и полумертвыхъ. То сильное движеніе въ концѣ XVIII столѣтія, когда французская революція провозгласила «культъ разума» и человѣческихъ правъ, эхомъ разнеслось, гдѣ въ меньшей мѣрѣ, гдѣ въ большей, и его отзвуки повсемѣстно вызвали великую идею національнаго. Французская революція была міровымъ событіемъ, которое будило и создавало. Она отозвалась и на славянскихъ странахъ, гдѣ почва была уже готова. Начало XIX вѣка въ славянскомъ мірѣ вызвало движеніе и возрожденіе.

Необходимо только отмѣтить неоспоримый фактъ, что славяне поняли свое время, что для ихъ будущности и развитія, какъ одного національнаго цѣлаго, настоятельно необходима солидарность, взаимность, общеніе и великое сближеніе.

Правда, и раньше начала XIX столѣтія, въ славянствѣ были люди, которые теоретически разрабатывали мысль о сближеніи на политическо-государственной основѣ. Еще раньше того времени, подпавшіе подъ иго Турокъ балканскіе народы обращались къ своей единоплеменной и единовѣрной братіи и просили ихъ о помощи. Среди простой массы юго-славянъ идея близости и родства съ Россіей и другими сла-

вянскими народами была достаточно извѣстна и популярна. Уже въ XVII в. мы видимъ Юрія Крыжанича (род. 1617 г.). Это первый панславистъ и ученый Хорватъ. Цѣль его науки была: пропаганда славянской идеи и русской государственности.

Своимъ развитіемъ и освѣщеніемъ славянская мысль обязана XIX столѣтію. Она обрабатывается только въ это время. На болѣе раннія ученія, какъ ученіе Крыжанича, надо смотрѣть какъ на предвѣстниковъ ученія, появившагося позднѣе.

Одновременно встрѣчаемся съ Добровскимъ и Палацкимъ у Чеховъ, Колларомъ у Словаковъ, Мицкевичемъ у Поляковъ, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Аксаковымъ и др. въ Россіи. Эти ученія не были достояніемъ интимнаго круга, а наоборотъ, они распространяются, обращаютъ на себя вниманіе, будятъ народное сознаніе.

Добровскій вѣритъ что славянство — сила, которая, можетъ спасти и спасаетъ Чехію. Колларъ первый поэтъ славянской идеи, ученикъ Добровскаго, идеалистъ, воодушевленно поетъ о славянствѣ, ему снятся литературное единство, взаимность, чрезъ которую онъ видитъ не только величіе славянства, но и возрожденіе человѣчества. Мицкевичъ, великій польскій патріотъ, идетъ дальше по пути Коллара и ищетъ счастья человѣчества въ славянствѣ. Онъ видитъ это славянство, въ особенности Польшу, которая вмѣстѣ съ католической Франціей можетъ спасти человѣчество. Въ то же время Иванъ Кирѣевскій видитъ новую жизнь человѣчества въ славянско-православной церкви, которая единственно можетъ соединить двѣ культуры: восточную и западную.

Это первые идеологи славянской идеи, которую время не измѣнило радикально и до сихъ поръ; и по-нынѣ на славянской идеѣ видимъ эти слѣды въ Чехіи, Словеніи, Польшѣ и въ Россіи. Въ этихъ первоначальныхъ ученіяхъ находимъ достоинства и недостатки «славянскихъ евангелій». По-нынѣ въ Чехіи славянская идея, взятая отъ Палацкаго и Хавличека, сосредоточена на культурныхъ задачахъ; поэтическія чаянія Коллара не перестаютъ быть чаяніями южно-славянскихъ народовъ. Поляки еще не вполнѣ отрѣшились отъ патріотической, почти шовинистической философіи Мицкевича; а на Руси ученіе Кирѣевскаго имѣетъ также своихъ послѣдователей.

Славянское ученіе, какъ разнопочвенное, съ давнихъ поръ чувствуетъ нужду въ группировкѣ, своего рода кодификаціи. Съ этой цѣлью созывались конгрессы, изъ коихъ знамениты два: Пражскій 1848 г. и Московскій 1867 г. Оба эти конгресса ничего не сдѣлали, а, наоборотъ, показали полную несостоятельность какъ западно-славянскаго панславизма, такъ и русскаго славянофильства. Показали, какъ мало историческія сентиментальности и романтическія гипотезы имѣютъ значенія въ реальной практической жизни.

Послѣ неуспѣха поэтическаго панславизма и ортодоксальнаго славянофильства, въ моментъ, когда наступило полное разстройство между славянами, когда поссорились между собою Поляки и Русскіе, Поляки и Руссины, Хорваты и Сербы, Сербы и Болгары, сталъ появляться неославизмъ; неославизмъ, который отбросилъ всякую мысль о преобладаніи той или другой религіи, того или другого племени, но который поставилъ себѣ

принципъ: автономію и федерацію всѣхъ равноправныхъ славянскихъ племенъ. Это федералистическое и демократическое, въ то же время позитивное и реальное пониманіе славянской солидарности дало плодъ.

Рядомъ съ неославизмомъ, или точнѣе говоря, раньше его родилось югославянство.

Какъ всеславянская, такъ и южно-славянская мысль раньше имѣла свой періодъ романтизма. Иллиризмъ былъ отблескомъ панславизма, иллирійскому движенію воспріемниками были Шафарикъ и Колларъ. Какъ и панслависты, такъ и иллирійцы были благородными поэтами національнаго идеализма; больше считались съ прошлымъ и будущимъ, нежели съ настоящимъ моментомъ; больше увлекались и мечтали, нежели дѣлали и создавали. Идеалисты и раціоналисты, убѣжденные въ мощи идей и чувствъ, они вѣрили въ возможность того, что и Сербы, и Хорваты, и Словенцы, и Болгары откажутся отъ своихъ національныхъ именъ, своего прошлаго и народной индивидуальности и примутъ абстрактное и созданное для момента иллирійство. Воздвигнутый на такомъ нереальномъ фундаментѣ иллиризмъ не имѣлъ успѣха. Сербы, у которыхъ національное сознаніе было сильно, и которые уже имѣли національную литературу, остались внѣ иллирійскаго движенія; словенцы развили свою національную особенность и создали національную литературу. Впослѣдствіи на путь самостоятельнаго развитія вступили Болгары, а также и Хорваты.

Юго-славянское движеніе, возникшее въ послѣдніе годы, имѣетъ совсѣмъ иной, реальный обликъ, оно ведетъ позитивную политику. Оно

считается не съ тѣмъ, что должно быть, а съ тѣмъ, что есть, ему важно не идеальное—а реальное, не прекрасныя фразы и идеи, а полезные результаты.

Ни одно южно-славянское племя не обладаетъ такой политической и культурной силой, чтобы ассимилировать остальныя племена. Сама дѣйствительность диктуетъ Юго-Славянамъ, чтобы на основѣ полнаго религіознаго и національнаго равноправія они сгруппировались въ одно великое цѣлое.

Идеи цѣнны, по скольку живутъ и осуществляются, и ихъ успѣхи доказываютъ ихъ жизнеспособность. Югославизмъ, который въ религіозномъ отношеніи означаетъ полную терпимость и равноправіе, а въ политикѣ—автономію и федерализмъ, это передовое Юго-Славянство теперь уже не. только красивое желаніе, но и живая дѣйствительность.

Противники среди чужестранцевъ, скептики и лѣнивые духомъ среди славянъ принуждены признать цѣлый рядъ практическихъ результатовъ югославизма.

Нынѣ идеей Юго-Славянскаго братства даже противъ своей воли одушевлены не только отдѣльныя личности, а все теперешнее поколѣніе.

Она насчитываетъ милліоны поборниковъ, на щитахъ коихъ вырѣзаны слова «in hoc signo vinces», объединенное южное славянство доджно побѣдить.

Нѣтъ больше сербо-хорватской распри, народное единство празднуетъ свой тріумфъ. Въ Сербіи и Болгаріи съ самыхъ высокихъ мѣстъ увидѣли убійственность розни. Литераторы, пу-

блицисты, художники съѣзжаются вмѣстѣ, устраиваютъ выставки, съѣзды, и идея культурнаго единенія движется впередъ. Пресса, (ей честь и хвала за малымъ исключеніемъ), не перестаетъ пропагандировать, разъяснять идею юго-славянскаго движенія. Просвѣтительныя учрежденія, университеты стали на службу этой идеи. Южнославянская энциклопедія, научная южно-славянская терминологія, альманахи литераторовъ, выставки художниковъ, все это даетъ право говорить о южно-славянской наукѣ, литературѣ, художествѣ, все это имѣетъ общій колоритъ съ еле замѣтной примѣсью мѣстныхъ особенностей. Однимъ словомъ всѣ тѣ, кто вѣрятъ въ себя, находятся въ лагерѣ юго-славянской мысли.

Смѣло можно утверждать, что въ Болгаріи и Сербіи идея юго-славизма стала достояніемъ всего народа. Послѣднія выступленія сербо-хорватъ въ Австріи въ связи съ настоящей войной и надвигающимся призракомъ возможной войны Австріи съ Сербіей и торжественныя ихъ манифестаціи указываютъ, что и среди несвободныхъ юго-славянъ идея юго-славянской солидарности захватила широкіе народные круги.

Только благодаря идеѣ юго-славизма между сербами и болгарами въ Македоніи прекратилась братоубійственная рѣзня. Она и только она одна сплотила сербовъ и болгаръ и привела ихъ на поле брани въ ту же самую Македонію, чтобы потоками крови сыновъ своихъ закрѣпить братство единокровныхъ двухъ народовъ. Поэтому для того, кто слѣдилъ за развитіемъ юго-славизма, выступленіе юго-славянъ въ союзѣ съ греками противъ Турціи не есть «чудо», а долго подго-

товлявшійся сознательный актъ. И несвободные юго - славяне пожелали участвовать въ кровавомъ торжествѣ. Сербо-хорваты Босніи и Герцеговины, Далмаціи и Хорватіи съ Славоніей послали тысячи своихъ сыновъ, чтобы впереди братскихъ армій, въ храбрыхъ четахъ партизанъ, пролить свою кровь въ знакъ того, что юго-славянство едино не только на культурномъ полѣ, но и на полѣ брани, и чтобы еще разъ показать всему міру, куда направлены ихъ мысли и сердца.

Горе тому, кто рѣшится на безумный шагъ подвергнуть испытанію юго-славянскую солидарность.

О возможности и необходимости балканскаго экономическаго союза. Какъ только закончатся военныя дѣйствія на Балканахъ, первое, что нужно сдѣлать балканскимъ государствамъ, это создать балканскій экономическій союзъ. Возможность такого союза тройственный союзъ предвидитъ, и поэтому Австро-Венгрія принимаетъ всѣ мѣры, чтобы чѣмъ-нибудь помѣшать ему. Только желаніе опять раздора среди балканскихъ государствъ понуждаетъ ее препятствовать выходу Сербіи на Адріатическое море и настаивать на автономіи Албаніи подъ ея протекторатомъ. Покойное, мирное, культурное развитіе балканскихъ народностей не входитъ въ задачи Австро-Венгріи, привыкшей ловить рыбу въ мутной водѣ.

Это всѣмъ и каждому должно быть ясно. Но будемъ надѣяться, что искренніе защитники свободы и культуры помѣшаютъ, въ интересахъ культуры, осуществиться замысламъ Австріи всецѣло направленнымъ противъ культуры и свободы.

Автономія Албаніи съ точки зрѣнія свободы и культуры прекрасная вещь, и требованіе Австріи безусловно жестъ красивый.

Но какъ эта автономія осуществится? Вѣдь албанцы сами ее не требуютъ и понятія объ ней не имѣютъ. Немногочисленный, полудикій разбойничій народъ, представляющій изъ себя не націю съ ярко выраженной индивидуальностью, а тотъ же Кавказъ, гдѣ чуть ли не 50 племенъ съ разнымъ происхожденіемъ, языкомъ, религіей и обычаями—албанцы фактически благами автономіи пользоваться не смогутъ и не будутъ, и вмѣсто нихъ—Австрія подъ личиной «албанской автономіи» будетъ творить свое излюбленное дѣло—всячески мѣшать мирной работѣ изстрадавшагося сербскаго народа.

Австро-венгерская печать въ албанскомъ вопросѣ охвачена національной страстью, но все же этническое единство—албанскій мифъ. Лексиконъ албанцевъ состоитъ частью изъ сербскихъ словъ; алфавитъ у нихъ употребляется разный: турецкій, латинскій и греческій — и въ этомъ отношеніи между ними наблюдается полное разъединеніе. Все сказанное заставило безпристрастныхъ историковъ Албаніи отрицать существованіе албанской національности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рене Пинонъ писалъ: «Среди албанцевъ едва можно найти слѣды національнаго сознанія. Они не составляютъ народа. Три вѣроисповѣданія, отсутствіе общаго языка, нѣсколько различныхъ діалектовъ, почти сплошь неграмотное населеніе, какъ женщины, такъ и мужчины, жизнь и привычки почти дикія, одновременно пастушескія, охотничьи и разбойничьи,—все это—

условія, которыя дѣлаютъ очень труднымъ образованіе одного сплоченнаго народа, сознающаго свое единство, и почти невозможна при этомъ національная пропаганда».

То, что нынѣ называется Албаніей, въ средніе вѣка было колыбелью Сербскаго государства. Скутари было столицей Сербіи, а Дураццо въ XII в. было сербскимъ портомъ. Всѣ, сохранившіеся въ Албаніи памятники—остатки Сербской культуры, развившейся при сербской королевѣ Еленѣ, которая носила титулъ: «Королева Сербіи, Діоклеціи, Албаніи, Герцеговины, Далмаціи и морскихъ областей».

Возможенъ ли союзъ Балканскихъ Государствъ, какъ прелюдія балканской конференціи, или это «мечта»? Союзъ не только возможенъ, но и необходимъ, ибо у балканскихъ народовъ развивается новая экономическая жизнь, которая требуетъ новой констелляціи, культурной и политической. Въ союзѣ—спасеніе балканскихъ народовъ, такъ какъ условія, въ коихъ они до сихъ поръ жили, сдавливали ихъ самостоятельное развитіе и жизнь. Только союзъ будетъ гарантіей мира и преградой вожделѣніямъ странъ, жаждущихъ территоріальныхъ расширеній и мечтающихъ водрузить свой флагъ и на берегахъ Эгейскаго моря.

Союзу, надо думать, будетъ способствовать и европейская дипломатія, такъ какъ онъ освободитъ ее отъ обязанности оказывать содѣйствіе развитію на балканахъ государственныхъ формъ въ ихъ естественныхъ географическихъ предѣлахъ и создавать возможность развитія для жизнеспо-

собнаго національнзма, стоющаго, однако, потоковъ крови.

Чтобы была возможность въ вопросахъ международнаго значенія говорить объ общности интересовъ, надо стать на почву экономическихъ интересовъ. Только при такой постановкѣ вопроса можно утверждать, что два народа, двѣ страны имѣютъ одинаковые или противоположные интересы. Только на почвѣ экономическихъ интересовъ возможно соглашеніе двухъ народовъ.

Союзъ Балканскихъ государствъ можетъ быть для начала культурно-экономическій.

На самомъ дѣлѣ, развѣ есть какой-нибудь базисъ, кромѣ экономическаго, не считая грубой силы, который могъ бы привести въ гармонію конгломератъ противоположностей племенныхъ, историческихъ, политическихъ и національныхъ, каковымъ является Балканскій полуостровъ съ горючимъ матеріаломъ, называемымъ: Сербы, Болгары, Турки, Арнауты, Греки, Румыны, Влахи, Куцо-Влахи, Македонцы, Патріархисты, Экзархисты, Католики, Уніаты, Православные, Мусульмане, свободные и угнетенные.

Нѣтъ надобности изучать всестороннее экомическое положеніе балканскихъ странъ, чтобы понять, что, взятыя вмѣстѣ, балканскія державы, представляютъ одно экономическое цѣлое, въ коемъ отдѣльныя страны являются ни чѣмъ инымъ, какъ разными частями.

Сущность балканской промышленности составляютъ естественныя богатства. Ни увеличеніе капиталовъ, ни употребленіе машинъ въ производствѣ, ни острое раздѣленіе буржуазныхъ клас-

совъ, не въ силахъ нарушить экономическаго равновѣсія балканскихъ странъ. При такомъ положеніи, трудно говорить объ экономическомъ антагонизмѣ между балканскими народами. Человѣку, поверхностно знакомому съ экономическимъ положеніемъ Балканъ, страннымъ покажется существованіе тамъ таможенныхъ и полицейскихъ кордоновъ.

Балканскій полуостровъ занимаетъ площадь въ 506.000 кв. кил., другими словами въ два раза больше Италіи, столько же почти, сколько Франція, немного меньше Австріи и Венгріи, взятыхъ вмѣстѣ. Значитъ, какъ раіонъ для внутренней торговли, Балканскій полуостровъ представляетъ величину первостепенной важности. На такомъ пространствѣ есть возможность и мѣсто не только для одной національной индустріи; тутъ могутъ развернуть свои экономическія силы и Румыны со своимъ природнымъ богатствомъ (керосинъ и соль), и Сербы со своими переработками (консервированнымъ мясомъ), и Болгары со своими гайтанами (шкуры), и Греки съ фруктами. Если, при этомъ, принять во вниманіе географическую конфигурацію и климатъ Балканъ, обиліе лѣса, водъ и руды, то какое могло бы развиться богатство.

Заключивъ экономическій союзъ, Балканскіе народы получатъ преимущество великой промышленной единицы и возможность диктовать условія сосѣдямъ въ торговыхъ сношеніяхъ.

Но въ борьбѣ съ Европой на рынкахъ имѣются ли всѣ условія, чтобы эта борьба была въ одинаковой мѣрѣ полезна для всѣхъ державъ на Балканахъ? Не противоположны ли ихъ промыш-

ленные и торговые интересы?—Этого и доказывать не приходится. Даже при слѣдованіи манчестерской теоріи и при разнохарактерности продуктовъ балканской промышленности, отдѣльныя области только будутъ пополнять одна другую. Съ другой же стороны не безполезно экономическое сближеніе двухъ странъ съ противоположными культурами, когда одна изъ этихъ странъ производитъ сырье, а другая продукты обрабатывающей промышленности. И въ этомъ отношеніи балканскія державы не могутъ конкурировать одна съ другой, такъ какъ всѣ онѣ находятся приблизительно на одной ступени общей экономической культуры. Греки всегда будутъ занимать первое мѣсто въ морскомъ транспортѣ; Сербы—въ торговлѣ скотомъ и консервированнымъ мясомъ; Румыны — на хлѣбной биржѣ; Болгары разовьютъ свою ткацкую промышленность.

Если посмотрѣть на торговыя сношенія балканскихъ странъ, между собою съ одной стороны и ихъ сношенія съ другими державами, съ другой, то весьма рельефно вырисовывается отсутствіе у нихъ экономическаго антагонизма.

Румынія, Сербія, Болгарія, Греція съ другими державами дѣлаютъ оборотъ въ годъ до 1038 мил. фр., а если еще сюда включить провинціи европейской Турціи съ оборотомъ не менѣе чѣмъ въ 600 мил. фр. въ годъ, то международная торговля Балканскаго полуострова выразится въ суммѣ 1648 мил., фр., въ годъ—873.5 мил. фр., ввоза и 764,5 мил. фр. вывоза. Внутренній оборотъ выражается въ суммѣ 100 мил. фр. въ годъ. Незначительное участіе Балканскихъ странъ въ

торговлѣ объясняется тѣмъ, что онѣ страны исключительно земледѣльческо-скотоводныя.

Слѣдовательно, есть просторъ для развитія индустріи во всѣхъ ея отрасляхъ. Производство будетъ очень дешевое—дешевыя рабочія руки, съѣстные припасы, топливо и близость разстоянія. Въ борьбѣ съ европейскими промышленными странами, балканскія державы будутъ занимать выгодное положеніе. Ввозомъ на Балканы не всѣ европейскія державы одинаково заинтересованы. Первое мѣсто занимаютъ Германія, Австрія и Англія съ 125 до 150 мил. фр. въ годъ, второстепенное мѣсто занимаютъ Россія, Франція, Италія и Испанія съ 10 до 35 мил. фр. въ годъ. Экономическая борьба балканскихъ державъ, конечно, будетъ направлена всецѣло противъ нѣмцевъ—Австріи и Германіи.

И по роду товаровъ, которыми торгуютъ балканскія державы съ западной Европой, интересы ихъ не скрещиваются.

Ввозятъ онѣ большею частью текстильный товаръ, металлы, въ чистомъ и переработанномъ видѣ, колоніальные товары, кожаныя издѣлія, стекло и т. д., а вывозятъ, главнымъ образомъ, сельско-хозяйственные продукты и живой скотъ. Греція является исключеніемъ, такъ какъ она въ большихъ размѣрахъ вывозитъ металлы и минералы, а взамѣнъ ввозитъ съѣстные припасы до 40 мил. фр. въ годъ.

При осуществленіи балканскаго экономическаго союза, греческіе металлы могли бы перерабатываться дома, а съѣстные припасы Греція получала бы на внутреннихъ рынкахъ, напр. въ Сербіи.

Румынія вывозитъ почти одни сельско-хозяйственные продукты (81% всего вывоза), Болгарія—тоже (75% всего вывоза), Сербія вывозитъ живой скотъ, консервированное мясо (43% всего вывоза) и сельско-хозяйственые продукты (42%), Грецiя вывозитъ, главнымъ образомъ, изюмъ (51% всего вывоза).

Помимо спеціально экономической выгоды, которую обѣщаетъ союзная политика балканскихъ народовъ, слѣдствіемъ ея будетъ еще значительная экономія народныхъ средствъ, расходуемыхъ нынѣ на арміи въ размѣрахъ, весьма не соотвѣтствующихъ экономическимъ силамъ народа. Балканскія державы на свои арміи тратятъ въ годъ 150 мил. фр. Это при народонаселеніи въ 20 мил. составляетъ 45 фр. въ годъ на душу. Съ сокращеніемъ на половину сохранится около 75 мил. фр., не считая увеличенія народныхъ производительныхъ силъ до 50 тыс. рабочихъ рукъ, что тоже значительно увеличитъ экономическую производительность народа.

Кромѣ того, балканскія державы, взятыя вмѣстѣ, будутъ представлять значительную силу; ихъ народонаселеніе будетъ достигать 20 мил. душъ и въ силахъ будетъ задержать всякое нашествіе извнѣ; изолированныя же, онѣ легко будутъ раздавлены любой державой.

Великія европейскія державы боятся всякаго соглашенія между балканскими государствами, а потому упорно создаютъ мелкія балканскія державы, дабы поддержать выгодный имъ «status quo», который отражаетъ въ себѣ разобщенность мелкихъ народовъ и ихъ историческій антагонизмъ. Divide et impera—это девизъ всѣхъ державъ въ Балканскомъ вопросѣ.

Въ настоящее время мы присутствуемъ при дивномъ зрѣлищѣ. На югѣ словно весна. Вѣковой снѣгъ растаялъ и, точно вешнія воды, стремятся народы впередъ, сметая все, что имъ становится поперекъ дороги. И, если бы правительства и престолы не пошли вмѣстѣ съ народами, были бы сметены и они, и иные вожди повели бы югославянъ къ ихъ славной цѣли. Неужели югославяне, зная, какъ въ теченіе десятковъ лѣтъ рѣзали, грабили и убивали ихъ братьевъ, видя, какъ цвѣтущій нѣкогда край превращается въ пустыню, могли не возстать и не двинуться на защиту своихъ правъ?! И они двинулись лавиной. Они пошли подъ флагомъ свободы, культуры и истиннаго демократизма,—флагомъ, подъ которымъ всегда шли и лучшіе сыны Россіи. Это должно дать юго-славянамъ право надѣяться, что если затменіе умовъ на западѣ будетъ продолжаться, и если будутъ сдѣланы попытки возстановить пресловутый «status quo» или создать новую Албанскую державу, лишивъ юго-славянъ плодовъ ихъ побѣдъ, то въ числѣ жандармовъ, охраняющихъ турецкую гниль, они не увидятъ своего русскаго брата.

Балканскій союзъ и Сербія.

Проф. П. А. Лаврова.

Въ 1804 году вспыхнуло первое возстаніе сербовъ противъ турокъ во главѣ съ Карагеоргіемъ, дѣдомъ нынѣшняго сербскаго короля Петра. Долго тянулась борьба съ турками; смѣнились вожди возстанія: по удаленіи Карагеоргія въ Австрію въ 1813 году его мѣсто занялъ воевода Милошъ. Въ концѣ концовъ, сербы восторжествовали, и на Балканскомъ полуостровѣ появилось сербское княжество, первое славянское государство. Отдѣльные эпизоды этой борьбы воспѣты въ прекрасныхъ народныхъ пѣсняхъ и близко къ исторіи переданы и прославлены сербскимъ поэтомъ Симой Милутиновичемъ въ написанной имъ съ большимъ одушевленіемъ знаменитой поэмѣ «Сербіянка». У насъ Пушкинъ написалъ двѣ пѣсни, посвященныя обоимъ вождямъ возстанія: Георгію Черному (Карагеоргію) и Милошу. Въ нѣмецкой литературѣ судьбы сербскаго освобожденія изложены знаменитымъ историкомъ Ранке. Въ послѣднее время у сербовъ появляются обширные труды, посвященные Карагеоргію (Вукичевича) и Милошу (Гавриловича), а также очень цѣнные этюды Стояна Новаковича.

Въ 1904 году Сербія праздновала столѣтнюю годовщину возстанія. И вотъ не прошло и десяти лѣтъ послѣ того, какъ сербы, на этотъ разъ уже не одни, а въ союзѣ съ болгарами, черногорцами и греками вступили въ рѣшительную и окончательную борьбу съ турками за послѣднія славянскія области турецкой имперіи. Эта война была неизбѣжна послѣ того, какъ Турція отказалась мирнымъ путемъ исполнить предъявленныя къ ней союзниками требованія дать Македоніи и Старой Сербіи условія свободнаго, мирнаго и культурнаго развитія. Моральная отвѣтственность за всѣ ужасы войны падаетъ на самихъ турокъ. Если оглянуться назадъ, къ началу борьбы,—какая громадная разница. Въ то время это было возстаніе крестьянъ съ вождями, вышедшими изъ ихъ же среды. Теперь войну ведутъ прекрасно организованныя арміи союзниковъ. Еще во время сербско-турецкой войны, вызванной вмѣшательствомъ Сербіи въ Боснійско-Герцеговинское возстаніе, сербы въ короткое время были разбиты турками и Сербія была спасена заступничествомъ Россіи. А теперь—прошелъ только мѣсяцъ войны, какъ союзники, съ небывалымъ въ лѣтописяхъ военной исторіи успѣхомъ близки къ ея окончанію. Сербы овладѣли Приштиной и Новымъ Базаромъ, Призреномъ, вступили торжественно въ Скопле. Вся Старая Сербія и Новобазарскій санджакъ въ рукахъ сербскихъ и черногорскихъ. Сербскіе отряды идутъ къ Адріатическому морю. Греки вступили въ Солунь. Болгары подходятъ къ послѣдней линіи укрѣпленій, защищающихъ Константинополь.

Не напрасно проливалась русская кровь на

поляхъ брани, на которыхъ нынѣ борются союзники. Вступая въ тяжкую борьбу, союзныя государства Балканскаго полуострова заканчиваютъ дѣло, начатое русскими; они хорошо сознаютъ, кому главнымъ образомъ обязаны своимъ существованіемъ. «Русское вторженіе создало или помогло создать отъ 1812 до 1878 года все, что теперь существуетъ на Балканскомъ полуостровѣ. Оно создало или помогло создать и Румынію, и Грецію, и Сербію, и Болгарію»,—говорилъ въ своей рѣчи по случаю аннексіи Босніи и Герцеговины сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ, покойный Миловановичъ. Такъ и теперь манифестъ болгарскаго царя гласитъ: «Слезы балканскихъ рабовъ, стенанія милліоновъ христіанъ не могли не потрясти сердецъ ихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, которые своей свободой и мирной жизнью обязаны великой христіанской освободительницѣ. Болгарскій народъ помнитъ пророческія слова *Царя Освободителя* о томъ, что *святое дѣло должно быть доведено до конца*». На поляхъ брани нѣтъ нашей арміи. Силы союзниковъ оказываются достаточными справиться съ противникомъ безъ нашей военной помощи. Наши военные могутъ, однако, справедливо гордиться успѣхами союзниковъ, своихъ молодыхъ учениковъ.

То одушевленіе и энтузіазмъ, съ какимъ ведется борьба, вполнѣ понятны потому, что она ведется не ради захвата чужаго, а ради возвращенія своего, пять вѣковъ тому назадъ потерянnаго. Тогда христіанскіе народы Балканскаго полуострова страдали отъ разъединенія, и этимъ объясняется торжество турокъ. Теперь они одо-

лѣваютъ турокъ, благодаря объединенію. Не даромъ девизъ болгаръ гласитъ: «Съединеніе прави силата». Многаго достигали съ успѣхомъ болгары во имя этого девиза. Но никогда онъ не получалъ такого идеальнаго примѣненія. Счастливой дружной борьбой достигается теперь не отдѣльное усиленіе какой либо одной балканской державы, какъ это иногда бывало до сихъ поръ, а общее благо балканскихъ народовъ. Многострадальная Македонія, колыбель славянской письменности, откуда вышли съ проповѣдью христіанства и просвѣщенія всему славянству приснопамятные славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій, и старая Сербія, колыбель сербской державы Неманичей, эти завѣтные края южнаго славянства, дождались наконецъ освободителей, и освободителями суждено было явиться ихъ ближайшимъ братьямъ. Если вступленіе въ союзъ увеличивало силы участниковъ, то, съ другой стороны, залогомъ успѣха является народный характеръ войны. Вездѣ смотрѣли на войну, какъ на неизбѣжное зло; въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ современное поколѣніе приносило въ жертву свои силы и средства ради будущаго блага родины. Сербія оказалась на высотѣ призванія. Армія была прекрасно подготовлена. Посѣщавшимъ Сербію въ послѣднее время рѣзко бросалась въ глаза разница сербскаго войска сравнительно съ временами Милана. Мобилизація протекла съ успѣхомъ, который превзошелъ ожиданія величайшихъ оптимистовъ. Финансы страны оказались въ порядкѣ. Министръ финансовъ заявилъ передъ войной, что Сербія можетъ вести войну безъ всякихъ затрудненій въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Кто знакомъ съ отношеніями двухъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, Болгаръ и Сербовъ, и слѣдилъ за ними, тому извѣстно, что еще въ недавнее время они были очень обострены. Какъ же объяснить эту, для многихъ быть можетъ неожиданную, перемѣну, создавшую прочный союзъ между недавними соперниками и противниками?

Отвѣтъ на это можетъ дать краткое напоминаніе о судьбѣ сербо-болгарскихъ отношеній.

Въ началѣ прошлаго вѣка сербы и болгары находились въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ борьбѣ за освобожденіе Сербіи въ сербскихъ рядахъ бились и болгаре и македонцы. Поддерживались между ними и культурныя сношенія. Болгарское возрожденіе началось въ предѣлахъ западной Болгаріи и черпало силу въ близости къ сербамъ, подчиняясь ихъ литературному вліянію. Болгары знакомились съ сербскими писателями и переводили ихъ, напр., Досиѳея Обрадовича. Паисій, писавшій первую болгарскую исторію, былъ знакомъ съ сербскимъ историкомъ Раичемъ и воодушевлялся его примѣромъ. Съ другой стороны, сербы, занимавшіеся этнографіей и народной словесностью, напр. В. С. Караджичъ, собирали и болгарскіе матеріалы, печатая ихъ или вмѣстѣ съ сербскими или отдѣльно. В. С. Караджичъ сдѣлалъ интересную попытку выработки раціональной орѳографіи для болгарскаго языка, подобно тому, какъ онъ провелъ реформу въ сербскомъ правописаніи. За отсутствіемъ типографій въ Болгаріи, болгары нерѣдко печатали свои книги въ сербскихъ городахъ Крагуевцѣ или Бѣлградѣ. Болгарскіе эмигранты и писатели

искали пріюта въ Сербіи и выпускали литературныя и политическія изданія главнымъ образомъ въ Бѣлградѣ, напр. Раковскій. Нѣкоторые изъ нихъ даже и писали по сербски, напр. извѣстный Любенъ Каравеловъ, женатый на сербкѣ и жившій въ Бѣлградѣ передъ освобожденіемъ Болгаріи.

У сербскихъ политическихъ дѣятелей назрѣвали иногда планы объединенія не только сербовъ, но и болгаръ въ одно политическое цѣлое. Недавно опубликованная записка Ильи Гарашанина по этому вопросу представляетъ интересный документъ. Въ ней, какъ средства для привлеченія болгаръ, предлагаются: пріемъ учащихся въ сербскія школы, назначеніе имъ стипендій, подготовленіе духовенства въ сербской семинаріи, печатаніе для болгаръ нужныхъ имъ церковныхъ и учебныхъ книгъ. Предполагались путешествія въ Болгарію, чтобы личными знакомствами склонять болгаръ къ дружбѣ съ сербами, подавая надежду, что Сербія можетъ придти имъ на помощь и содѣйствовать ихъ освобожденію. Какъ живо интересовались болгары сербскими дѣлами, можно судить по тому участію, съ какимъ они отнеслись къ возстанію въ Босніи и Герцеговинѣ и къ сербско-турецкой войнѣ.

Обстоятельства измѣнились послѣ русско-турецкой войны. Плодами этой войны суждено было воспользоваться въ гораздо большей степени болгарамъ, чѣмъ сербамъ. Возникло болгарское княжество, скоро соединившееся съ автономной восточной Румеліей. Сербія же получила небольшое расширеніе границъ, но потеряла Боснію и Герцеговину, ради которыхъ вела войну съ турками. Русская оккупація Болгаріи была вре-

менной мѣрой, австрійская оккупація Босніи и Герцеговины обратилась въ безсрочную. Переворотъ 1885 года привелъ къ печальной сербо-болгарской войнѣ, виновникомъ которой былъ подстрекаемый Австріей Миланъ. Исходъ войны былъ неблагопріятный для сербовъ, и отношенія ихъ къ болгарамъ еще болѣе ухудшились.

Отрѣзанные отъ Адріатическаго моря захватомъ Австріей Босніи и Герцеговины сербы обратили свои взоры на Македонію, мечтая о выходѣ къ морю черезъ Солунь. Македонія съ этого времени сдѣлалась яблокомъ раздора между болгарами и сербами. И тѣ и другіе работали въ ней чрезъ посредство школъ, духовенства, торговыхъ и политическихъ агентовъ и даже четъ. При этомъ не было никакого соглашенія и раздѣленія сферъ вліянія. Въ одномъ и томъ же городѣ была и болгарская, и сербская гимназія, и болгарскій и сербскій архіерей, и болгарское и сербское политическое представительство. Въ литературѣ шла ожесточенная полемика по вопросу этнографическому, болгарская ли, или сербская Македонія. Выросла обширная литература по македонскому вопросу, большею частію имѣвшая мало научный характеръ. Отъ этого соперничества и соревнованія не получила никакихъ выгодъ Македонія, не получали ихъ и противныя стороны. Извлекали изъ всего этого пользу одни только турки, принимавшіе, смотря по обстоятельствамъ, ту или другую сторону. Серьезно страдало населеніе Македоніи, подѣлившееся на враждебные, непримиримо настроенные лагери. Къ турецкому гнету, притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ присоединилась еще и братская междоусобная борьба.

Извлекала изъ этого раздѣленія пользу и Австрія, не терявшая видовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Толчокъ къ перемѣнѣ отношеній между сербами и болгарами данъ былъ событіями 1908 года. Опасаясь броженія, начавшагося въ Босніи и Герцеговинѣ послѣ политическихъ перемѣнъ въ Турціи со времени провозглашенія конституціи, Австрія провела аннексію Босніи и Герцеговины. Болгарія одновременно съ тѣмъ достигла полной независимости. Было провозглашено болгарское царство. Положеніе Сербіи, не получившей при этомъ никакой компенсаціи, становилось критическимъ. Но согласно пословицѣ «нѣтъ худа безъ добра» Австрія, захвативъ Боснію и Герцеговину, уступила Турціи санджакъ, отказавшись отъ какихъ либо притязаній на него. Какъ ни печальна была для сербовъ и черногорцевъ аннексія, несомнѣннымъ выигрышемъ былъ для нихъ выходъ Австріи изъ санджака. Если бы продолжалась и до сихъ поръ оккупація Босніи и Герцеговины, въ санджакѣ продолжали бы стоять австрійскіе гарнизоны, и тогда настоящая война не могла бы пройти такъ, какъ она прошла теперь. Сербія и Черногорія оставались бы раздѣленными санджакомъ, въ которомъ Австрія не преминула бы сосредоточить свои войска, какъ она это сдѣлала въ Босніи и Герцеговинѣ. Другимъ послѣдствіемъ аннексіи былъ сильный подъемъ въ Сербіи національнаго самосознанія, облегчившій ей борьбу за существованіе. Въ свою очередь и Болгарія, какъ ни велики были ея успѣхи, должна была на судьбѣ Сербіи убѣдиться, что ей надо быть на сторожѣ, чтобы не оказаться въ положеніи Сербіи, если бы послѣднюю

постигла окончательная катастрофа. Царь Фердинандъ умѣлъ это взвѣсить, и въ 1909 году послѣ посѣщенія имъ Сербіи положено было начало переговорамъ о союзѣ. Осуществившійся въ этомъ году союзъ измѣнилъ положеніе кореннымъ образомъ: недавніе соперники и противники вступили въ тѣсный и прочный союзъ, сила котораго сказалась въ настоящей войнѣ. И этотъ союзъ заключенъ не ad hoc, нѣтъ, это союзъ и на будущее время. Онъ получаетъ тѣмъ самымъ огромное значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ балканскаго полуострова. Онъ скрѣпленъ кровью серба и болгарина, пролитой рядомъ на полѣ брани. Предана забвенію война 1885 года, и сербскія союзныя войска, явившіяся на помощь болгарамъ, съ восторгомъ приняты въ Софіи. Насталъ критическій моментъ на болѣе трудномъ восточномъ театрѣ войны, и спѣшно передвигаются на помощь болгарамъ сербскія моравскія дивизіи. А какое неизгладимое впечатлѣніе останется въ Македоніи, которая является живымъ свидѣтелемъ блестящихъ успѣховъ союзнаго оружія.

На какихъ же основаніяхъ состоялось территоріальное разграниченіе между сербами и болгарами въ турецкихъ владѣніяхъ? Объ этомъ можно найти указанія въ брошюрѣ проф. Цвіича «Балканская война и Сербія» *). Сербіи предоставлены тѣ земли, которыя извѣстны подъ именемъ Старой Сербіи, и наиболѣе близкія къ ней этногра-

*) Балкански рат и Србија. Од. І. Цвијића. Београд. 1912. О современномъ состояніи Сербіи мы пользуемся другимъ его сочиненіемъ: Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Београд. 1911.

фически края сѣверной и отчасти западной Македоніи.

Въ составъ Старой Сербіи входятъ Косово поле съ Приштиной, Метохія съ Призреномъ и Печью, Новобазарскій Санджакъ отъ южной боснійской границы до Митровицы и области къ югу отъ Шаръ-планины. Согласно брошюрѣ проф. Цвіича граница сербскихъ и болгарскихъ владѣній пройдетъ, начиная отъ болгарской границы у Кюстендиля между Пчиной и Кривой рѣкой такъ, что Кривая Паланка (Егри Паланка) и Кратово остается въ болгарской сферѣ, а Скопье и Куманово въ сербской. Далѣе граница пройдетъ черезъ Овче Поле между Брегальницей и Пчиной, пересѣкая Вардаръ сѣвернѣе Велеса. Отсюда она пойдетъ къ Охридскому озеру такъ, что Прилепъ, Крушево и Охридъ достаются болгарамъ, Струга, Дебаръ и Тетово сербамъ. Изъ Старой Сербіи узкая полоса въ направленіи къ Адріатическому морю около Скадра (Скутари), Леша (Лесіо) и Драча дастъ сербамъ выходъ къ морю.

Названныя области не даромъ носятъ имя Старой Сербіи. Онѣ были центромъ сербской державы. Здѣсь по близости отъ Новаго Базара находилась Раса, старѣйшая столица Неманичей, отъ имени которой называлась землей Рашской и вся сербская держава. Косово поле и Метохія были центральной областью державы Неманичей. Здѣсь находятся важнѣйшіе города и мѣста, извѣстныя въ древней сербской исторіи: Приштина, Призренъ, Печь съ патріаршимъ престоломъ, прекрасныя церкви и знаменитые монастыри, каковы Грачаница, недалеко отъ Приштины,

высокіе Дечаны, Баньска. Въ сѣверной Македоніи находится Скопле, одна изъ столицъ Душана, въ которой въ 1354 году былъ окончательно редактированъ его «Законникъ». Не даромъ древніе писатели сербскіе называли эти области «святыми сербскими краями».

Старая Сербія, столь знаменитая въ древней сербской исторіи, представляла собой наиболѣе населенный, богатый и культурный край. Здѣсь всего сильнѣе были закрѣплены въ памяти населенія воспоминанія о славномъ прошломъ державы Неманичей, о великихъ историческихъ событіяхъ, которыя въ этихъ краяхъ происходили, о великомъ значеніи сербской церкви. Оттого нигдѣ сербы не были такъ чувствительны къ насильямъ и обидамъ, которыя пришлось выносить отъ турокъ и турецкаго правленія послѣ завоеванія страны.

Выселенія сербовъ изъ Старой Сербіи произвели въ этнографическомъ ея составѣ значительныя измѣненія. Сюда стали селиться албанцы, спускаясь изъ горной Албаніи въ плодородныя равнины Косова и Метохіи.

Косово съ Метохіей и Призренской низменностію представляютъ часть той центральной области Балканскаго полуострова, откуда идутъ кратчайшіе пути къ Адріатическому и Эгейскому морю. Особенно важно то, что здѣсь нѣтъ высокихъ трудно проходимыхъ горныхъ массъ со стороны Албаніи, которая начинается отъ Дяковицы. До постройки желѣзной дороги изъ Скопля въ Митровицу торговые пути отсюда шли къ Скадру, Лешу и Драчу (Дураццо). Торговля была направлена въ эту сторону. Оттого-то здѣсь,

по этимъ путямъ, албанцы и проникли на востокъ далѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. До присоединенія къ Сербіи новыхъ округовъ на югѣ и въ нихъ было много албанцевъ. Эти албанцы появились здѣсь со второй половины 18 вѣка изъ Малисіи. Послѣ освобожденія этихъ краевъ албанцы выселились изъ Сербіи главнымъ образомъ на Косово и Лабъ, усиливъ такимъ образомъ бывшее здѣсь старое албанское населеніе. Нѣкоторые ученые, напр., Гильфердингъ и Ипенъ утверждали даже, что здѣсь совсѣмъ не осталось сербовъ. Такое заключеніе объясняется особыми условіями, въ какихъ здѣсь живутъ сербы. Сербы въ этихъ краяхъ носятъ албанское платье, и быстро проѣзжающій путешественникъ не узнаетъ сербовъ, тѣмъ болѣе, что большинство сербовъ въ присутствіи властей и иностранцевъ говорятъ по албански. Проф. Цвіичъ разсказываетъ, что, проѣзжая изъ Призрена въ Дьяковицу, онъ съ своими проводниками завернулъ въ одномъ селѣ въ богатый домъ. Заптіи спросили на албанскомъ языкѣ воды и говорили съ хояевами по албански. Не предполагая, что эти крестьяне сербы, проф. Цвіичъ съ своими спутниками говорили по сербски, и тогда только обнаружилось, что домъ былъ сербскій. Такъ и вообще албанцы, какъ господа края, держатъ себя свободнѣе, а сербы, какъ райя, замкнуты въ себѣ. Въ городахъ сербы вездѣ составляютъ меньшинство. Но положеніе дѣла измѣняется, если принять въ разсчетъ сербскія села и сербскіе дома въ албанскихъ селахъ.

Выводы Гильфердинга, Ипена и др. требуютъ поправокъ. Въ этихъ областяхъ почти совсѣмъ

не осталось стараго сербскаго населенія, но число сербовъ все же здѣсь значительно. Откуда же явилось это новое сербское населеніе? Часть его вышла изъ краевъ, лежащихъ на югъ отъ Шаръ-планины, изъ Тетова, окрестностей Скопья, Кичева и Дебра. Еще болѣе шло сюда переселеніе съ черногорскихъ Брдъ, изъ племенъ Кучей, Васоевичей, Братоножичей, Пиперовъ, Морачанъ, отчасти изъ Колашина и Новобазарскаго санджака. Выселеніе въ плодородную низменность объясняется тѣмъ, что въ Черногорскихъ горахъ настаютъ иногда такіе года, когда онѣ переполняются населеніемъ и становится тѣсно.

Чрезвычайно размножающіеся въ этихъ мѣстахъ горцы, нуждаясь въ пастбищахъ и страдая отъ голода въ неурожайные года, съ завистью смотрятъ на плодородную и богатую Метохію. Бываютъ и такіе случаи, что выселеніемъ спасаются отъ кровной мести. Попавъ въ новыя мѣста, такіе люди оказываются гораздо сильнѣе стараго ослабѣвшаго отъ насилій населенія. «Лютые Печанцы» извѣстны и въ Сербіи, куда они иногда проникаютъ. Они не могутъ выносить несправедливость не только по отношенію къ себѣ, но и къ другимъ. Изъ нихъ выходили прославленные гайдуки, отомщавшіе всякое насиліе, наводившіе страхъ на албанцевъ Метохіи. Страшными ихъ дѣлаетъ чрезвычайно сильная у нихъ преданность вѣрѣ и народное сознаніе. Они инстинктивно охраняютъ народъ и окрестные монастыри: «обороняютъ уцѣлѣвшіе остатки стараго царства» — «бране трагове своје старе царевине».

Въ этихъ племенахъ особенно развита личная и племенная честь и гордость. Они жертвуютъ

своею жизнью такъ же спокойно, какъ и дѣлаютъ обычное повседневное дѣло. Необычная энергія соединяется съ умѣренностію. Они гордятся тѣмъ, что не пьютъ вина и водки, а пьютъ только кипяченое овечье молоко; они выше всего цѣнятъ смѣлость и отвагу. Ихъ жены говорятъ: «молчи, недостойный человѣкъ, я не жалѣю погибшихъ сыновей, когда рѣшается судьба царства, зачѣмъ я буду ихъ жалѣть». Въ этомъ населеніи не угасаетъ идеализованная любовь къ сербскимъ святынямъ, къ царству Неманичей, къ своему народу, не ослабѣваетъ протестъ противъ несправедливости. Являясь мстителями за обиды, чинимыя народу, они укрощали албанцевъ. Въ Метохіи и до сихъ поръ живетъ имя гайдука Ильи Турова, который, по словамъ воеводы Марка Милянова «жели правду, махнит од неправде».

Иначе стоитъ дѣло въ Новобазарскомъ санджакѣ, здѣсь число албанцевъ очень не велико. Преобладаютъ православные сербы, есть и сербы мусульмане, но всѣ они говорятъ по сербски.

Оставшіеся послѣ выселенія въ 1690 г. въ Старой Сербіи сербы обречены были на еще болѣе тяжкую судьбу. На это время падаетъ переходъ большого числа сербовъ въ исламъ.

Крайне печально здѣсь положеніе сербовъ и въ наше время. Нигдѣ въ европейской Турціи нѣтъ такого малаго числа свободныхъ крестьянъ, какъ въ этихъ областяхъ. На Косовомъ полѣ не найдется свыше 20—25 сербскихъ семей, имѣющихъ собственную землю. Всѣ остальные живутъ въ положеніи арендаторовъ на участкахъ, принадлежащихъ агамъ. Послѣдніе могутъ въ этихъ мѣстахъ прогнать крестьянина, когда захотятъ.

Такіе случаи здѣсь, вблизи Сербіи, были наиболѣе часты во время войнъ за освобожденіе и сербо-турецкой войны. Помѣщики на Косовомъ полѣ, обыкновенно турки, не въ состояніи уберечь своихъ крестьянъ отъ нападенія албанцевъ. Нерѣдки такіе случаи. У крестьянина ночью похищаютъ скотъ, въ другой разъ ульи и, наконецъ, одежду и бѣлье изъ кладовой. Оставшись безъ всякой движимой собственности, крестьянинъ обращается въ нищаго. Если такой несчастный убьетъ албанца разбойника, тогда и онъ самъ, и вся его родня живетъ подъ угрозой мести. Въ Метохіи можно привести еще болѣе печальные примѣры. Въ одномъ селѣ вблизи Печи въ 1900 году уцѣлѣлъ только одинъ богатый сербскій домъ, имѣвшій свою землю. Албанцы постоянно грабили этотъ домъ и относились враждебно къ хозяину-сербу. Чтобы избавиться отъ постоянной опасности лишиться имущества и самой жизни, онъ притворно перешелъ въ исламъ и былъ обрѣзанъ. Въ оправданіе онъ ссылался, что до этого перехода ему жизнь была невыносима отъ грозившихъ на каждомъ шагу насилій. Но его жена ни за что не захотѣла послѣдовать примѣру мужа, не дала и дѣтямъ перемѣнить вѣру. Въ ихъ домъ хоть и рѣдко заходили и ходжа и священникъ. Но вотъ подросли и стали невѣстами дочери этого крестьянина. Арнауты стали сватать за нихъ своихъ сыновей. Отецъ, какъ потурченецъ, не могъ отказать: не соглашалась его жена. Семья спаслась только тѣмъ, что получила приглашеніе выселиться въ Сербію. И вотъ въ одинъ вечеръ, оставивъ все имущество, которое нельзя

было продать, и которое потомъ арнауты раздѣлили между собой, онъ бѣжалъ черезъ Приштину въ Сербію и поселился въ Топличскомъ округѣ. Обращеніе въ исламъ всей семьи было остановлено выселеніемъ.

Перешедшіе въ исламъ образуютъ такую среду, которая, потерявъ сербское народное сознаніе, еще не проникласъ албанскимъ. Такихъ называютъ *Арнауташами*, это не албанцы и не турки и въ тоже время не сербы, потому что не православные. Эту массу поддерживаютъ мусульмане, переселяющіеся изъ Босніи и Герцеговины. Говоря по сербски, они отличаютъ себя и отъ арнаутовъ и отъ турокъ, и только со временемъ постепенно и тѣ и другіе обращаются въ албанцевъ, составляющихъ преобладающую среду, въ которой они находятся.

Нужно, однако, замѣтить, что переходъ въ исламъ бываетъ только при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Нигдѣ у сербовъ нѣтъ такой привязанности и любви къ православной вѣрѣ и сербской народности, какъ въ этихъ краяхъ, вѣроятно, отъ того, что здѣсь вѣра и народность находятся въ такой опасности, а можетъ быть въ этомъ сказывается значеніе историческихъ традицій. Въ сербскихъ семьяхъ дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ не только къ обычной работѣ, но и получаютъ воспитаніе въ преданности вѣрѣ превыше всего, хотя бы то и стоило величайшихъ страданій. Держатся вѣры потому, что она охраняетъ народность. Оттого здѣсь безпримѣрно усердіе къ церкви: самый бѣдный крестьянинъ жертвуетъ, насколько можно больше, Патріархіи, Дечанамъ, Девичу; съ особенною лю-

бовію хранитъ всякую родную старину и готовъ ради вѣры претерпѣть величайшую опасность. Въ то же время у албанцевъ и арнауташей господствуютъ противоположныя чувства, инстинктивное стремленіе или обратить сербовъ въ исламъ, или принудить ихъ къ выселенію.

Скажемъ нѣсколько словъ о положеніи городовъ въ пограничныхъ съ Албаніей краяхъ. Въ Призренѣ сербы до послѣдняго времени имѣли перевѣсъ въ торговлѣ. Но и теперь на рынкѣ сербскій языкъ употребляется наряду съ турецкимъ и албанскимъ. Въ культурномъ отношеніи сербы стоятъ здѣсь выше другихъ. У нихъ есть своя духовная семинарія, торговая школа и начальныя школы. Въ старину при Милутинѣ, Душанѣ и Урошѣ Призренъ былъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ. Въ немъ была торговая колонія Дубровника. Народная пѣсня называетъ его сербскимъ Царьградомъ.

Печь (нынѣ турецкое имя *Ипекъ*) былъ центромъ духовной жизни Сербскаго народа, въ немъ была резиденція патріарховъ, и теперь Печь для сербовъ служитъ символомъ народнаго единства. Вмѣстѣ съ Дьяковицей Печь страдаетъ отъ албанскихъ насилій: здѣсь господствовала кровная месть, и только изрѣдка удавалось какому либо энергичному мутесарифу или каймакаму установить болѣе или менѣе сносный порядокъ. Иначе турецкая власть не пользовалась авторитетомъ. Заправилами были албанскіе главари. Порта давала такимъ изъ нихъ военные чины и награды, чтобы вліять черезъ ихъ посредство на албанцевъ. Деньги албанцы получали и отъ европейскихъ великихъ державъ. Эти главари жи-

вутъ подобно средневѣковымъ разбойничьимъ рыцарямъ среди города въ окруженныхъ высокими стѣнами домахъ (кулахъ, собственно башняхъ) и держатъ у себя сотни вооруженныхъ стражниковъ, которые ихъ хранятъ и внушаютъ страхъ городу и окрестности. Христіанское населеніе въ такихъ условіяхъ безправно, личная и имущественная неприкосновенность не обезпечена. Часто случается, что албанцы-насильники облагаютъ богатыхъ людей денежнымъ налогомъ, берутъ изъ лавокъ христіанъ, что имъ нужно, безъ платы, отнимаютъ женъ и наконецъ сгоняютъ съ владѣнья и изъ дому. Оттого сербское населеніе очень бѣдно, особенно въ Дьяковицѣ.

Интересны для представленія о краѣ условія въ немъ сельской жизни. Метохія въ настоящее время заселена рѣдко. Преобладаютъ въ ней небольшія села въ 10—12 домовъ. Села расположены большею частью на выкорчеванныхъ мѣстахъ. Это указываетъ, что послѣ культурной эпохи стараго времени, когда Метохія была заселена густо, весь край одичалъ, и небольшіе поселки оставались въ лѣсахъ. Села съ смѣшаннымъ населеніемъ дѣлятся на кварталы сербскій, арнаутскій и латинскій. Каждый домъ обычно окруженъ заборомъ съ накиданнымъ сверху терновникомъ.

Арнаутскіе дома обычно строятся башней (кула) изъ тесанаго камня съ толстыми стѣнами, безъ оконъ, отчего и днемъ царитъ въ нихъ полутьма. Въ стѣнахъ прорѣзаны узкія отверстія, черезъ которыя можно просунуть ружье. На крышѣ кулы между трубъ непремѣнно находится сторожка, точно также безъ оконъ, съ прорѣзанными отвер-

стіями. Между этими башнями, отстоящими на далекомъ разстояніи одна отъ другой, находятся плодовые сады и луга. Въ лѣсахъ устроены засады, откуда албанцы мстятъ другъ другу, если же кому либо грозитъ кровная месть, тогда запираются въ домахъ. Всѣ носятъ ружье, даже и дѣти въ возрастѣ 12—15 лѣтъ.

Когда арнаутъ коситъ или пашетъ, по близости кладетъ ружье, и лишь только къ нему подходитъ незнакомый человѣкъ, онъ бросаетъ косу или плугъ и берется за ружье. Когда ведетъ воловъ, опять таки у него на плечѣ ружье.

Сербскіе дома строятся близко одинъ отъ другого, они большею частію очень бѣдны. Есть бревенчатые дома, крытые обычно соломой, изрѣдка черепицей. Дымовыхъ трубъ въ нихъ нѣтъ, дымъ проходитъ черезъ продѣланныя въ крышѣ отверстія. Въ домѣ обычно двѣ половины, въ одной помѣщается скотъ, въ другой огнище, гдѣ зимой ночуютъ старшіе члены семьи.

Положеніе сербовъ нисколько не улучшилось послѣ введенія въ Турціи конституціи въ 1908 году. Наоборотъ, Младотурки своей національной исключительностію поставили христіанъ въ худшія условія сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ это было ранѣе. Сербы въ силу привиллегій, данныхъ султанами-завоевателями, имѣли свои церковныя общины, церковныя и монастырскія имущества и свои школы. Младотурки начали нарушать эти церковныя и школьныя привилегіи, не обращая вниманія на протестъ константинопольскаго патріарха. Многія церковныя и монастырскія имѣнія они объявили государственными и стали отводить ихъ магометанамъ, выселявшимся изъ Босніи, по

языку сербамъ. Ихъ размѣщали на выгонахъ сербскихъ селъ, затрудняя послѣднимъ хозяйство. Начали сгонять арендаторовъ-сербовъ съ ихъ участковъ и на мѣстѣ ихъ водворять колонистовъ магометанъ вопреки закону 1859 г., которымъ отношенія между арендаторами и агами землевладѣльцами были точно опредѣлены. Такимъ образомъ сплошныя сербскія поселенія были обращены въ смѣшанныя.

И послѣ выселеній и перехода въ исламъ въ Старой Сербіи въ указанныхъ границахъ насчитываютъ около 800.000 православныхъ сербовъ. Около 300.000 здѣсь сербовъ мусульманъ, говорящихъ по-сербски; 150—200.000 арнауташей, говорящихъ на двухъ языкахъ по сербски и по албански, 300—400.000 албанцевъ.

Военныя событія показали, что албанцы, несмотря на ихъ значительное число, не были въ силахъ оказать сопротивленіе сербамъ. Были къ тому, повидимому, и другія причины. Среди албанцевъ находились и сторонники сербовъ. Манифестъ короля Петра считался съ условіями края. «Мои войска,—читаемъ въ немъ,—встрѣтятъ сербовъ-мусульманъ, которые намъ также дороги, а съ ними арнауты, мусульмане и христіане, съ которыми нашъ народъ живетъ съ давнихъ лѣтъ, дѣля счастье и несчастье. Мы несемъ имъ всѣмъ свободу, братство и равноправіе, во всемъ наравнѣ съ сербами. Наша Сербія принесетъ вамъ желанный миръ и прогрессъ, какой она принесла окрестностямъ, освобожденнымъ въ 1877 и 1878 годахъ, гдѣ живутъ нынѣ свободные культурные граждане».

Манифестъ былъ обращенъ къ населенію и

на албанскомъ языкѣ и, конечно, не могъ не подѣйствовать на тѣхъ албанцевъ, которые знаютъ на дѣлѣ Сербію и понимаютъ, что все это не одни пустыя обѣщанія и слова, что ихъ ждетъ вмѣстѣ съ сербами лучшее будущее. И вотъ мы теперь знаемъ, что они возвращаются съ горъ въ свои жилища и разоружаются, не оказывая сопротивленія сербамъ, которые всюду вводятъ свое управленіе.

Старая Сербія представляетъ интересъ для сербовъ и въ вопросѣ о ихъ выходѣ къ морю.

Сравнительно съ другими балканскими землями, Сербія населена гуще, и ея желѣзнодорожная сѣть значительнѣе. Чѣмъ выше поднималось ея экономическое благосостояніе, тѣмъ сильнѣе ощущалась настоятельная потребность для нея въ выходѣ къ морю. Вывозъ скота и земледѣльческихъ продуктовъ еще 6—7 лѣтъ тому назадъ былъ направленъ главнымъ образомъ на сѣверъ въ Австро-Венгрію и другія державы черезъ Австро-Венгрію. Но Австро-Венгрія всячески затрудняла вывозъ, и дѣло дошло до таможенной войны. Сербія съ большимъ напряженіемъ силъ принуждена была измѣнить направленіе вывоза съ сѣвера на югъ къ Солуню и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себѣ новые рынки и торговыя связи. Но состояніе Турціи и постоянныя въ ней смуты не могли прочно обезпечить сербамъ новые пути сбыта. Сербія оказалась запертой со всѣхъ сторонъ. Для Сербіи такимъ образомъ жизненной потребностью является проведеніе желѣзной дороги къ Адріатическому морю.

Кратчайшій путь идетъ долиной рѣки Дрима къ Адріатическому морю съ прибрежной поло-

сой отъ Санъ Джованни до Леша и самое большее до Драча. Для удовлетворенія этой потребности возникъ проектъ о дунайско-адріатической желѣзной дорогѣ, на постройку которой обѣщаны были средства въ западной Европѣ. Но продолжительные переговоры объ этой дорогѣ не привели ни къ чему по винѣ косности турокъ и дикости албанцевъ.

Та часть Албаніи, которая нужна сербамъ для выхода къ морю, примыкаетъ къ старой Сербіи и Черногоріи и находилась постоянно въ близкихъ сношеніяхъ съ черногорцами. Ея выдѣленіе менѣе всего можетъ мѣшать будущимъ судьбамъ Албаніи. Теперь въ прямыхъ интересахъ албанцевъ было бы примкнуть къ балканскому союзу и установить дружественныя съ нимъ отношенія. И только интриги Австріи, выступающей противъ выхода сербовъ къ Адріатическому морю, могутъ сдѣлать албанцевъ ея послушнымъ орудіемъ. Но Австріи теперь придется считаться уже не съ одной Сербіей, а со всѣмъ союзомъ. И здѣсь становится очевиднымъ, какъ много выиграла Сербія отъ вступленія въ союзъ.

Тяжелыя условія, въ которыхъ находится политическая и экономическая жизнь Сербіи въ зависимости отъ враждебной ей австрійской политики, сравнительно, въ особенности, съ болѣе счастливой, богатой и сильной Болгаріей, даютъ нерѣдко поводъ къ пренебрежительному къ сербамъ отношенію. Такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Сербія пользуется конституціей, обезпечивающей народу политическую свободу. Въ ней, какъ въ небольшомъ и однородномъ по составу населе-

нія государствѣ, сербы чувствуютъ себя счастливѣе и полноправнѣе, чѣмъ въ сербскихъ земляхъ, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи, гдѣ постоянно даетъ себя знать предпочтеніе, оказываемое господствующимъ народностямъ имперіи: мадьярамъ въ одной половинѣ и нѣмцамъ и даже итальянцамъ въ другой. Сербы въ королевствѣ живутъ наиболѣе компактно, не разрываемые посторонними примѣсями, какъ это въ той же Венгріи, гдѣ, помимо мадьяръ, въ сербскихъ краяхъ много нѣмцевъ, или, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ насильственно проводится властями, въ ущербъ коренному населенію, колонизаціонная политика, стремящаяся къ вытѣсненію сербскаго элемента, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію его путемъ раздачи земли чужимъ выходцамъ. Въ Сербіи гораздо болѣе единства и въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Здѣсь нѣтъ той пестроты, какая, напримѣръ, въ Босніи и Герцеговинѣ, въ которыхъ, кромѣ православныхъ, много мусульманъ и католиковъ. А это духовное единство спасаетъ отъ постоянныхъ обостреній, столкновеній и раздоровъ. И въ то же самое время немногочисленные относительно иновѣрцы и иноплеменники живутъ въ Сербіи безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій въ своихъ правахъ. Въ управленіи страной нѣтъ давленія бюрократіи, которое вездѣ тяжело и такъ отталкиваетъ въ сосѣдней Австріи. Доступность и простота отличаетъ въ Сербіи даже и высшихъ представителей власти. Въ Сербіи, какъ и въ другихъ славянскихъ балканскихъ государствахъ, нѣтъ неравномѣрнаго распредѣленія земельной собственности. Вотъ, отчего, напр., румынское населеніе

въ восточномъ углу Сербіи не имѣетъ тяготѣнія къ Румыніи, гдѣ условія совсѣмъ иныя. Благосостояніе народныхъ массъ поддерживается все еще крѣпкимъ задружнымъ бытомъ крестьянскаго населенія.

Условія культурной жизни въ Сербіи точно также вполнѣ благопріятны. И въ этомъ отношеніи Сербія стоитъ выше сербскихъ провинцій Венгріи или Босніи и Герцеговины. У австрійскихъ сербовъ въ Венгріи, у которыхъ ранѣе, чѣмъ въ Шумадіи, были заведены школы, гдѣ получила начало новая сербская литература, нѣтъ и до сихъ поръ высшей школы, какъ ея нѣтъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Венгерскіе сербы получаютъ образованіе въ Будапештѣ или другихъ австрійскихъ университетахъ. У сербовъ давно существуетъ великая школа, въ послѣднее время преобразованная въ университетъ. Это открываетъ просторъ развитію сербской науки. Великая школа дала изъ своей среды такихъ замѣчательныхъ ученыхъ, какъ академикъ Стоянъ Новаковичъ, который, не получивъ образованія въ европейскомъ университетѣ, можно смѣло сказать, стоитъ на высотѣ ученаго въ европейскомъ смыслѣ слова. Изъ той же школы вышелъ Л. Стояновичъ и др.

Въ числѣ профессоровъ сербскаго университета можно назвать цѣлый рядъ именъ, которыя могли бы украшать и болѣе извѣстныя высшія школы.

Профессоръ Цвіичъ, превосходный знатокъ Балканскаго полуострова, извѣстный многочисленными и капитальными трудами геологъ, географъ и этнографъ принадлежитъ къ ученымъ, евро-

пейски извѣстнымъ. Проф. А. Беличъ, ученикъ акад. Фортунатова, выдающійся изслѣдователь сербскаго языка. Не малый интересъ представляетъ и дѣятельность Р. И. Кошутича. Ему принадлежитъ прекрасная христоматія русскаго языка для сербовъ, какой нѣтъ у другихъ славянъ. Благодаря ему въ послѣднее время серьезно поставлено въ среднихъ школахъ преподаваніе русскаго языка. А въ прошломъ году изъ Сербіи было командировано нѣсколько учителей въ Москву и Петербургъ для ознакомленія съ преподаваніемъ русскаго языка въ нашихъ школахъ.

Наряду съ университетомъ стоитъ Академія Наукъ. Одна изъ младшихъ славянскихъ Академій она, однако, выпускаетъ ежегодно многочисленныя изданія по исторіи, языку, исторіи литературы, памятникамъ. Есть въ ней и отдѣлъ точныхъ наукъ. Труды Академіи появляются въ «Споменикѣ», «Гласѣ», сборникахъ Лингвистическомъ, Этнографическомъ и пр. Помимо этихъ академическихъ изданій, Академія располагаетъ довольно многочисленными частными фондами, на средства которыхъ выходятъ особые труды.

Съ успѣхомъ дѣйствуютъ ученыя общества археологическое, юридическое.

Прекрасно организованы музеи народный и археологическій и этнографическій, успѣвшіе собрать цѣнные матеріалы для знакомства съ культурой Балканскаго полуострова. Народная библіотека, одна изъ самыхъ богатыхъ на Балканскомъ полуостровѣ рукописями, постоянно пополняется и растетъ.

Въ широкихъ кругахъ публики выдающуюся роль играетъ «Книжевная Задруга», выпускающая

ежегодно серію книжекъ изъ сочиненій сербскихъ писателей и переводовъ иностранныхъ. Книжевная задруга въ 1911 году насчитывала 11.000 членовъ *).

Въ Бѣлградѣ выходятъ наиболѣе живые и разнообразные по содержанію сербскіе журналы. Между ними выдаются «Сербскій Книжевный Гласникъ», редактируемый проф. Скерличемъ, выходящій два раза въ мѣсяцъ, «Дело» съ 1894 года, «Звезда». Въ Сербіи, сравнительно съ другими сербскими землями, наиболѣе многочисленна читающая публика. Въ то время, какъ въ 1816 году единственная сербская газета того времени, выходившая въ Вѣнѣ, «Сербскія Новины», получалась всего на всего въ количествѣ 5 экземпляровъ, въ 1911 году изъ 218 сербскихъ изданій въ одной Сербіи выходило 125, расходившихся въ 50 милліонахъ экз. Въ одномъ Бѣлградѣ насчитывалось за этотъ годъ 90 изданій.

Успѣхи сербскаго просвѣщенія и народнаго самосознанія въ Сербіи сказываются и въ другихъ сербскихъ краяхъ. Событія послѣдняго времени, главнымъ образомъ аннексія Босніи и Герцеговины, всколыхнули весь сербскій народъ. Моральная связь Сербіи съ остальными краями чувствуется сильнѣе, чѣмъ когда либо ранѣе. Къ Сербіи примыкаютъ Старая Сербія и сѣверная Македонія. Сербскіе писатели выходятъ не только изъ среды католиковъ, что бывало и ранѣе, но и изъ среды мусульманъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Сербскія книги, сбытъ которыхъ ранѣе

*) Эти данныя равно, какъ и слѣдующія далѣе, заимствуемъ изъ вышедшей недавно книги проф. Скерлича: Историја нове Српске Књижевности. Београд. 1912 г.

ограничивался какимъ либо однимъ сербскимъ краемъ, печатались въ количествѣ 600—1000 экз., теперь печатаются въ 3.000—4.000 экз. и расходятся по всѣмъ сербскимъ краямъ. За время отъ 1741 до 1837 года насчитывается около 1000 сербскихъ книгъ, теперь такое ихъ количество выходитъ ежегодно. 15 лѣтъ тому назадъ редакторы газетъ считали себя счастливыми, имѣя 1000 подписчиковъ, теперь они насчитываютъ 3.000. Есть популярныя книги, которыя выходятъ въ 20.000—30.000 экз. Еще десять лѣтъ тому назадъ подобная цифра считалась бы невѣроятной.

Усиливается и сближеніе южныхъ славянъ, прежде всего сербовъ и хорватовъ. Мысль о народномъ единствѣ охватила всецѣло интеллигенцію того и другого народа. Обнаруживается взаимность между однородными учрежденіями сербскими и хорватскими, напр., между Хорватской Матицей и Книжевной задругой, между бѣлградскимъ и загребскимъ театрами. Выходятъ сербско-хорватскіе альманахи. Сербскіе писатели сотрудничаютъ въ хорватскихъ журналахъ и обратно, хорватскія книги читаются сербами, сербскія хорватами. Происходитъ сближеніе сербскаго и хорватскаго языка. Въ послѣднее время югославянская Академія въ Загребѣ и сербская въ Бѣлградѣ трудятся надъ подготовленіемъ перваго югославянскаго энциклопедическаго словаря.

Какъ независимое государство, Сербія пользуется несомнѣнными преимуществами сравнительно съ австрійскими областями. Въ то время, какъ въ ней національное дѣло ничѣмъ не стѣсняется, иныя условія у венгерскихъ сербовъ или у сербовъ Босніи и Герцеговины. Этимъ лѣтомъ

въ Венгріи нанесенъ ударъ церковной автономіи венгерскихъ сербовъ. У общинъ отнято право выбирать учителей, въ епархіальномъ управленіи миряне были въ большинствѣ, теперь ихъ оставлено только двое, назначаемыхъ владыкой. Народными фондами управляли выборные соборомъ, теперь это управленіе переходитъ въ руки лицъ, назначаемыхъ мадьярскимъ правительствомъ. Учебники будутъ предписываться правительствомъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ сербы страдаютъ отъ данной этимъ провинціямъ конституціи, которая основана на началѣ вѣроисповѣдныхъ курій. Все управленіе по прежнему въ рукахъ австрійскихъ чиновниковъ разныхъ народностей, но только по преимуществу не босняковъ и не сербовъ. Страна остается въ особомъ положеніи, какъ имперская область, которую не могутъ между собою подѣлить Венгрія и Цислейтанія. Не оправдались надежды возлагавшіяся хорватами на присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Хорватіи. Отъ удара, нанесеннаго сербамъ аннексіей, не выиграли хорваты.

Въ Хорватіи, не смотря на то, что она католическая страна и извѣстна была особенной преданностью Габсбургамъ, введено военное положеніе, и до сихъ поръ управляетъ ею на особыхъ полномочіяхъ банъ, венгерецъ Цувай. Политическое сближеніе хорватскихъ партій съ сербскими преслѣдуется. Процессы сербовъ, членовъ сербохорватской коалиціи, обвинявшихся въ измѣнѣ, или недавній Юкича обнаруживаютъ, какой произволъ царитъ въ хорватскихъ судахъ. Все принесено въ жертву господствующей въ Венгріи мадьярской народности. Мечты австрійскихъ сла-

вянъ о тріализмѣ, который рисовался въ такихъ заманчивыхъ перспективахъ въ періодъ аннексіи сторонникамъ объединенія южныхъ славянъ подъ скипетромъ Австріи, такъ и останутся мечтами. Теперь, послѣ состоявшагося балканскаго союза, не можетъ быть и мысли о сочувствіи этимъ идеямъ со стороны сербовъ. Свободная Сербія пребудетъ вѣрна въ предназначенной ей исторической роли служить интересамъ сербскаго народа. Настоящей войной Сербія закончила борьбу за освобожденіе, вернула старыя сербскія земли, проложила путь къ Адріатическому морю и тѣмъ обезпечила независимое политическое и экономическое развитіе.

Интересы черногорцевъ въ политическомъ отношеніи тѣсно связаны съ общими сербскими интересами *). Соединеніе съ сербами чрезъ новобазарскій санджакъ и на берегахъ Адріатическаго моря внесетъ оживленіе и въ Черногорію, поведетъ къ тѣсной близости одного и того же народа, усилитъ его политическое значеніе, подыметъ экономическую и культурную производительность. Мы не будемъ останавливаться на этой сторонѣ вопроса и обратимся къ напомианію той миссіи, какую выполнила Черногорія въ прошломъ, и чѣмъ она сильна въ настоящемъ.

Черногоріи въ сербской исторіи выпала почетная роль отстоять свободу и независимость южнаго славянства. Въ неприступныя черногор-

*) Объ этомъ сдѣлана проф. Цвіичемъ необходимая оговорка: «Тамъ гдѣ идетъ рѣчь о сербскихъ интересахъ, разумѣются и интересы Черногоріи. Оба эти сербскія государства преслѣдуютъ однѣ и тѣ же задачи и выгоды, по этому пункту между ними состоялось полное соглашеніе».

скія скалы изо всѣхъ сербскихъ краевъ собирались смѣлые люди, которые были не въ силахъ выносить притѣсненія турокъ. Такой приливъ новыхъ силъ поддерживалъ старое населеніе Черногоріи. Находясь въ крайнемъ уголкѣ балканскаго полуострова, небольшая по размѣрамъ Черная Гора осталась незавоеванной турками, избѣгла участи другихъ сербскихъ земель. Правда, обстоятельства и здѣсь были тяжелы. Княжеская династія Црноевичей не могла удержаться. Ея послѣдніе представители удалились въ Италію въ 1516 г. Тогда во главѣ Черногоріи стали владыки. Они и спасли страну.

Не однимъ только героизмомъ можетъ похвалиться Черная Гора. Въ ея скалахъ находило пріютъ и сербское просвѣщеніе. Первая сербская типографія была основана или въ Цетиньѣ, или на Ободѣ и первая старопечатная сербская книга Псалтырь вышла тамъ въ 1493 году, гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ. Была сербская типографія и въ бѣломъ Скадрѣ на Боянѣ, нынѣ осаждаемомъ черногорцами Скутари. Въ ней напечатана была въ 1563 г. Тріодь.

Много позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при владыкѣ Черногорскомъ Петрѣ II Петровичѣ Нѣгошѣ, Черногорія приняла участіе въ исторіи юго-славянскаго возрожденія. Въ лицѣ этого владыки Черногорія дала сербамъ лучшаго національнаго поэта, за которымъ и до сихъ поръ признается пальма первенства въ сербской литературѣ. Лучшимъ его поэтическимъ произведеніемъ, самымъ оригинальнымъ у сербовъ, считается «Горски Вијенац» — поэма, сюжетъ которой взятъ изъ исторіи Черногоріи, борьба

черногорцевъ съ потурченцами. Сцены изъ жизни Черногоріи, пріуроченныя къ этому историческому моменту, проникнуты духомъ національной свободы.

Ни одна сербская книга не имѣла такого успѣха какъ «Горски Вијенац» владыки Петра, она выдержала 16 изданій, переведена почти на всѣ славянскіе языки, итальянскій, нѣмецкій, мадьярскій и шведскій.

Просвѣщенный владыка завелъ въ Цетиньѣ типографію, которая существовала, пока не явилась нужда перелить ея шрифтъ въ пули. Въ этой типографіи вышло немного, но зато очень интересныхъ, книгъ самого владыки и его друзей: «Дијка, Црногорска поэма» его учителя Симы Милутиновича, сербскія народныя пословицы Вука Стефановича Караджича, черногорскій календарь Грлица за 5 лѣтъ и др. Интересуясь народной поэзіей, владыка собиралъ народныя пѣсни и посылалъ ихъ Вуку Стеф. Караджичу. Желая дать своему народу хорошую книгу для чтенія, онъ и самъ составилъ интересный сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ и помѣстилъ въ немъ лучшія черногорскія пѣсни, воспѣвающія борьбу съ турками, и сербскія пѣсни изъ эпохи освобожденія Сербіи. Въ этомъ сборникѣ напечатано интересное стихотвореніе владыки, посвященное «Сјени А. Пушкина».

Владыка написалъ еще другую историческую поэму «Лажни цар Штјепан Мали», въ которой изображенъ самозванецъ, выдававшій себя за русскаго императора Петра III, и религіозную поэму «Луча Микрокозма». Помимо того имъ написано много лирическихъ стихотвореній, есть у него

подражанія народной пѣснѣ. И все, что онъ ни писалъ, исполнено поэзіи, настроенія могучаго духа и выражено сильнымъ стихомъ. Прекрасный собой, поэтъ и мыслитель, просвѣщенный человѣкъ и другъ народа онъ закончилъ собой рядъ черногорскихъ правителей-владыкъ.

Послѣ владыки Петра литературное оживленіе въ Черногоріи наблюдается при нынѣшнемъ королѣ Николаѣ. Самъ поэтъ, получившій большую извѣстность лирическими стихотвореніями, а также и драматическими пьесами, князь Николай заботился о просвѣщеніи народа. При немъ открыты были въ Черногоріи школы, читальни. Былъ построенъ Зетскій домъ въ которомъ теперь помѣщаются музей, библіотека и театръ. Въ Цетиньѣ основана была типографія и съ 1871 года начала выходить первая политическая газета «Црногорац», съ 1873 г. «Глас Црногорца». Ея редакторами, послѣ Симы Поповича, основателя газеты, временами бывали иавѣстные сербскіе писатели и поэты, напр., Лаза Костичъ, Сима Матавуль и др. При этой газетѣ въ фельетонахъ появлялись въ печати недурныя, чисто литературныя статьи. Въ 1871 году рядомъ съ газетой «Глас Црногорца» сталъ выходить и первый черногорскій журналъ «Црногорка». На 23 № онъ прекратился за недостаткомъ подписчиковъ. Послѣ него были еще «Зета», «Новая Зета», «Луча», «Книжевни Лист», «Просвета». Но всѣ они были недолговѣчны.

Большая часть лучшихъ литературныхъ произведеній, появлявшихся въ черногорскихъ изданіяхъ, принадлежитъ писателямъ изъ другихъ сербскихъ краевъ, а самый обширный трудъ о Черногоріи, обнимающій ея исторію, этнографи-

ческій бытъ, народную поэзію, памятники старины, разсѣянные въ странѣ, и современное состояніе Черногоріи (къ чести нашего русскаго имени) принадлежитъ П. А. Ровинскому, прожившему много лѣтъ въ Черногоріи, исходившему ее вдоль и поперекъ, сроднившемуся съ черногорцами и всѣмъ въ Черногоріи извѣстному подъ именемъ Павле Рус.

Въ послѣднее время у черногорцевъ появились писатели, извѣстные разсказами и повѣстями, правда, не всегда удачными внѣшней формой и стилемъ. Выдѣляется знаніемъ народной жизни и народной души черногорца уже покойный воевода Марко Миляновъ Дрекаловичъ. Самоучка, но богато одаренный человѣкъ, онъ писалъ прекрасные разсказы чистымъ языкомъ: «Примери чојства и јунаштва», т. е. примѣры гуманности и героизма, «Племе Куѣи у народној причи и пјесми» и «Живот и обичаји арбанаса». Послѣдняя книжка особенно интересна. Съ полнымъ сочувствіемъ расположенный къ албанцамъ черногорскій воевода изображаетъ ихъ характеръ. Въ другомъ родѣ явленіе представляетъ попытка перевода на сербскій языкъ Гомера Лазаремъ Врбицей, по отзыву, которымъ мы пользуемся, удачная, но, къ сожалѣнію, намъ не попадавшая въ руки.

Въ наукѣ Черногорія остается безъ представителей. Много печатаетъ матеріаловъ по исторіи Черногоріи Марко Драговичъ.

Такова относящаяся къ Черногоріи литература. Но Черногорія и до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ вниманіе не столькой этой литературой, сколько непосредственностію и чистотой славянскаго быта, народнымъ творчествомъ. Многія

прекрасныя сербскія пѣсни записаны въ ней, многіе обычаи свѣжи въ ней и по сіе время, разсказами и объясненіями простыхъ черногорцевъ пользовался въ обиліи извѣстный юристъ проф. Богишичъ, собирая матеріалы къ обычному праву.

Насъ русскихъ связываютъ съ черногорцами особенно тѣсныя дружественныя связи. При Петрѣ Великомъ начались наши сношенія съ Черногоріей.

Передъ прутскимъ походомъ Петръ искалъ помощи и содѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ и выходцами изъ Герцеговины ему была указана небольшая, но свободная Черногорія. Петръ призывалъ черногорцевъ напасть на турокъ и конечною цѣлью ставилъ ихъ прогнаніе въ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Черногорцы откликнулись на его призывъ, впечатлѣніе этого выступленія великаго русскаго государя и славянина на славянскомъ югѣ было необычайное. Его имя стало популярнымъ не у однихъ православныхъ сербовъ, но и у католиковъ Далматіи и Хорватіи. Петра воспѣваетъ сербская народная пѣсня, воспоминаніе о немъ живо и до сихъ поръ въ Черногоріи (мы убѣдились въ этомъ сами во время путешествія въ 1885 г.). Его біографіи составляли сербскіе писатели 18 вѣка. Между ними замѣчательное явленіе представляетъ двухтомное «Житіе Петра Орфелина». Въ то же время дубровницкіе и далматинскіе поэты стихами прославляютъ его подвиги. Въ послѣднее время найдены еще одни анонимные стихи въ томъ же родѣ. Черногорія съ той поры, вступивъ въ союзъ съ Россіей, обезпечила свое существованіе, а наше движеніе на югъ пошло рука объ руку съ освобо-

жденіемъ южныхъ славянъ отъ ига турокъ, послѣдняя фаза котораго проходитъ передъ нами нынѣ.

Южные славяне въ настоящій моментъ, когда они вмѣстѣ съ греками, забывъ мелкія распри, объединились въ дружную балканскую семью ради защиты неприкосновенности своихъ очаговъ и своихъ земель отъ захвата чужеземцами, возбуждаютъ въ насъ горячія симпатіи. Они надѣются на нашу моральную поддержку и насъ всѣхъ одушевляетъ общее желаніе, чтобы эта поддержка имъ была оказана. Въ отношеніи Черногоріи и Сербіи такая поддержка есть нашъ долгъ, завѣщанный Петромъ Великимъ. Своимъ единеніемъ южные славяне подаютъ намъ примѣръ достойный подражанія прекращенія нашего домашняго славянскаго спора во имя свѣтлаго славянскаго будущаго.

Послѣ того, какъ нами написана была лекція, читанная въ Соляномъ городкѣ, событія шли далѣе, и мы позволимъ прибавить нижеслѣдующія дополненія.

Великія державы, согласившіяся въ принципѣ осуществить албанскую автономію—на нашъ взглядъ это печальная ошибка — конечно, позаботятся, чтобы границы Албаніи не были проведены въ ущербъ сосѣднимъ Сербіи и Черногоріи. Такіе культурные пункты, какъ Призренъ и Дечаны, Печь—турецкій Ипекъ съ патріархіей, Дьяковица и Скадаръ, должны остаться сербскими (относительно черногорскими).

Съ несуществовавшей до сихъ поръ политически Албаніи достаточно географическихъ границъ. Въ предѣлахъ старой Сербіи ни турки

во время своего владычества, ни албанцы, проникшіе сюда, не сумѣли создать ничего своего, не внесли никакой культуры. Турки, стоя во главѣ управленія, безсильные поддерживать порядокъ, довели эти земли до анархіи. Албанцы, покинувъ родину, въ чуждой имъ средѣ не сохранили тѣхъ привлекательныхъ качествъ, какими отличаются свободные горцы, и которыя такъ хорошо умѣютъ цѣнить сосѣдящіе съ Албаніей сербы и черногорцы, они остались дикими, въ подлинномъ смыслѣ—«голи, боси арбанаси», какъ ихъ называютъ сербскія и болгарскія пѣсни и сдѣлались необузданными насильниками, вѣчной грозой мирнаго сербскаго населенія этихъ краевъ. Иначе, пока они были въ своихъ горахъ и входили въ составъ Византійской имперіи, или болгарскаго и сербскаго царства, ихъ отношенія къ грекамъ и болгарамъ или сербамъ не были враждебны. Позднѣе, во время борьбы съ турками за независимость, албанскій герой Скендербегъ искалъ опоры не только въ своемъ, но и въ славянскомъ населеніи. Эта борьба разсказана въ латинской книгѣ скадранина Марина Барлеція—по мнѣнію П. А. Ровинскаго,—не албанца, а иностранца. Книга эта была переведена по сербски и, это любопытно, переводчикъ считаетъ составителя книги славяниномъ, хорошо знающимъ по-латыни. Насколько тѣсно была связана Албанія съ Зетой, очевидно изъ того, что Скендербегъ зналъ сербскій языкъ и велъ переписку на сербскомъ языкѣ. И его подвиги сохранила и хранитъ доселѣ сербская народная пѣсня, какъ это видно изъ сборника черногорскихъ пѣсенъ П. А. Ровинскаго, а онъ забытъ въ албанской

народной поэзіи. Краснорѣчивое свидѣтельство того, сколь слабо у албанцевъ народное сознаніе!

Успѣхъ не легкаго похода сербской арміи къ берегамъ Албаніи былъ возможенъ только при доброжелательномъ отношеніи албанцевъ къ сербамъ.

Иначе неприступная горная мѣстность при враждебности населенія создала бы неодолимыя препятствія. Племенная и религіозная разнородность албанцевъ не благопріятствуетъ ихъ объединенію. И нисколько неудивительно, что изъ Драча албанцы христіане съ владыкой Драчскимъ во главѣ обратились къ русскому государю и королю Петру съ просьбой о присоединеніи сѣверной Албаніи къ Сербіи и Черногоріи, а южной къ Греціи. («Политика», № 704, 27 декабря 1912 г.).

Все это вмѣстѣ приводитъ къ единственно правильному заключенію, что Албанія не имѣетъ никакого права на расширеніе своихъ границъ въ ущербъ Сербіи и Черногоріи. И если самое созданіе Албаніи слѣдуетъ считать политической ошибкой и уступкой, направленной противъ насущныхъ интересовъ южнаго славянства политикѣ Австріи, то, во имя справедливости и въ интересахъ прочности мира на Балканскомъ полуостровѣ, европейскія державы не должны оказывать поддержки такой политикѣ Австріи, которая является вѣчной угрозой европейскому миру. Австрія въ силу своего географическаго положенія выигрываетъ отъ создавшейся на Балканскомъ полуостровѣ перемѣны въ экономическомъ отношеніи. Австрійская торговля и промышленность найдетъ вѣрный сбытъ на рынкѣ балканскихъ славянъ, если только Австрія оста-

витъ вызывающую политику захватовъ и высокомѣрнаго и надменнаго отношенія къ сосѣдямъ. Читая въ сербскихъ газетахъ извѣстія о непрерывномъ нарушеніи сербскихъ границъ со стороны мобилизованнаго австрійцами войска, можно удивляться, какъ не вызываетъ единодушнаго протеста Европы этотъ недостойный великой державы образъ дѣйствій Австріи по отношенію къ балканскимъ союзникамъ. А что сказать о не сходящихъ съ газетныхъ столбцовъ извѣстіяхъ о планахъ Австріи на Ловченъ. Да вѣдь на Ловченѣ покоится прахъ владыки Петра II. Онъ похороненъ на площадкѣ, которой оканчивается вершина, и на его гробѣ воздвигнута часовенка. Поклониться ей и полюбоваться видомъ на Приморье и Бокку и берега Италіи ѣздятъ попадающіе въ Черногорію путешественники. Можно ли допустить, чтобы черногорцы позволили отнять у нихъ эту святыню!

Беззастѣнчиво лживая австрійская печать разноситъ слухи, неблагопріятные участникамъ настоящей войны. И главнымъ образомъ достается ненавистнымъ для австрійцевъ и мадьяръ сербамъ. Угрожаетъ будто бы опасность династіи короля Николая въ Черногоріи и короля Петра въ Сербіи. Все это, конечно, праздныя измышленія. Счастливые союзные государи участіемъ въ союзной народной борьбѣ сблизились между собою и скрѣпили узы каждый съ своимъ народомъ. Интересы союзныхъ народовъ, счастливыхъ сохраненіемъ истинно демократическаго строя, находятся въ полной гармоніи съ благополучіемъ ихъ вѣнчанныхъ вождей. Въ частности, Петровичи Нѣгоши правятъ въ Чер-

ной Горѣ въ теченіе двухъ вѣковъ, Карагеоргіевичи—потомки перваго сербскаго вождя за освобожденіе Сербіи. Тѣ и другіе—въ родствѣ съ нашимъ царствующимъ домомъ и съ греческимъ. Эта близость къ Россіи всегда играла и впредь будетъ играть роль въ судьбѣ, какъ династій, такъ и народовъ балканскихъ. Каждый сербъ и черногорецъ прекрасно поймутъ, что не смуты и раздоры, а исполненная энергіи и основанная на полномъ довѣріи дѣятельность обѣщаетъ имъ послѣ состоявшагося пограничнаго соединенія лучшее будущее, о какомъ не такъ еще давно нельзя было и мечтать. Балканскій союзъ созданъ ради самозащиты, ради обороны союзныхъ земель, съ чьей бы стороны ни были на нихъ посягательства. Но союзъ не преслѣдуетъ наступательныхъ цѣлей. Передъ союзниками на очереди стоитъ мирная культурная задача вернуть своимъ историческимъ владѣніямъ то процвѣтаніе, какимъ они пользовались до турецкаго завоеванія. Тѣ очевидныя выгоды, которыя послѣ заключенія союза, извлекаютъ его участники, служатъ залогомъ его прочности. Австрійскія и нѣмецкія газеты охотно распространяютъ слухи о разногласіяхъ и спорахъ между союзниками, всячески пробуютъ вызывать и поддерживать раздоръ, но напрасно.

Достанется ли Солунь болгарамъ, или его удержатъ за собой греки, или, что было бы особенно заманчиво, онъ будетъ общесоюзнымъ городомъ, какъ свидѣтельство союзнаго единенія и согласія, не все ли это равно.

Мы будемъ надѣяться, что въ этомъ знаменитомъ городѣ, полномъ историческихъ воспо-

минаній, послѣ того, какъ онъ отойдетъ къ союзникамъ, помимо торговли, для которой этотъ городъ словно нарочно созданъ, осуществятся и культурныя задачи. Прежде всего можно ожидать увѣковѣченія памяти знаменитыхъ солунскихъ братій Кирилла и Меѳодія, великихъ людей IX вѣка. Греки родомъ, и въ то же время возлюбившіе славянъ, они объединили все славянство, хотя и на короткое время, проповѣдью христіанства. Пусть же славянское и греческое искусство нашего времени создастъ имъ храмъ. Въ этомъ храмѣ живопись найдетъ источникъ для вдохновенія и сюжетовъ въ славянскихъ житіяхъ первоучителей. Надписи будутъ греческія и славянскія двойного письма кирилловскаго и глаголическаго. И между ними видное мѣсто займутъ слова молитвы Константина пресвитера: «Летитъ нынѣ славянское племя, къ крещенію обратились всѣ».

Пусть появится въ Солуни и разсадникъ современнаго просвѣщенія—университетъ. Но пусть этотъ университетъ будетъ союзный съ профессорами греками, болгарами и сербами. Такой университетъ не утопія. Вѣдь есть же двойные университеты, напр., въ Прагѣ нѣмецкій и чешскій. Только эти послѣдніе соперничаютъ между собой, принадлежа враждующимъ національностямъ. А въ союзномъ университетѣ не будетъ мѣста этому соперничеству. Вблизи Аѳона и недалеко отъ Аѳинъ эта высшая школа будетъ привлекать въ равной мѣрѣ и поклонниковъ античной культуры и интересующихся культурой Византіи и Славянства.

Балканская война и вопросы культуры.

Проф. М. П. Чубинскаго *).

Давно уже на Балканахъ появлялись грозовыя тучи; давно чувствовалось, что тамъ въ воздухѣ скопилась масса электричества.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тамъ вспыхнула война и дальнѣйшія событія пошли безумно быстрымъ темпомъ, война застала неподготовленнымъ общественное мнѣніе Европы и еще болѣе Россіи. Причинъ этой неподготовленности было много, и я укажу сперва лишь на нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего — долголѣтняя уступчивость балканскихъ народовъ по отношенію къ такъ называемому европейскому концерту пріучила весь міръ къ тому, что, когда мощныя великія державы преподаютъ балканскимъ народамъ такъ называемые дружескіе совѣты благоразумія, эти народы, скрѣпя сердце, подчиняются совѣтамъ и слѣдуютъ «голосу благоразумія», хотя бы этотъ голосъ шелъ въ разрѣзъ съ ихъ собственными интересами. И вотъ передъ самымъ началомъ войны, зная, что, какъ со стороны цѣ-

*) Рѣчь, произнесенная на публичномъ собраніи Об-ва Слав. научн. Единенія, 8 Декабря 1912 г.

лаго ряда державъ, такъ и въ частности со стороны Россіи настоятельно преподаны совѣты благоразумія и умѣренности, никакъ не думали, что вдругъ на этотъ разъ балканскіе народы, малые и такъ давно уже опекаемые европейскимъ концертомъ, рискнутъ сказать свое самостоятельное слово и затѣять чрезвычайно опасную войну.

Это была первая причина неподготовленности общественнаго мнѣнія.

Были и другія. Переворотъ, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Турціи, преобразовавшій ее на конституціонныхъ началахъ и поставившій во главѣ власти младотурокъ, которыхъ не разъ называли учениками французовъ, которые подготовили свое дѣло, главнымъ образомъ находясь въ изгнаніи во Франціи, и казалось были проникнуты идеями свободы и равенства, — заставлялъ предполагать, что онъ будетъ имѣть благотворныя послѣдствія въ смыслѣ національнаго самоопредѣленія всѣхъ народовъ, населяющихъ Турцію. Ожидали, что передъ Турціей откроется путь мирной эволюціи, которая спаяетъ ея отдѣльныя части и что, благодаря этому, бывшій больной человѣкъ встанетъ и пойдетъ твердо и увѣренно.

Но, увлекаясь этими надеждами, не слѣдовало упускать изъ виду, что переворотъ произошелъ въ странѣ, гдѣ слишкомъ слабо развита культура, гдѣ слишкомъ сильны старые шовинистическіе элементы и гдѣ, наконецъ, основныя религіозныя теченія по самой природѣ своей не допускаютъ идеи равноправія съ другими религіями, и, слѣдовательно, не допускаютъ

для всѣхъ христіанъ и не оттомановъ возможности полнаго культурнаго и національнаго самоопредѣленія. Попавши въ водоворотъ политическихъ страстей и треній, младотурки не удержались на высотѣ положенія. Очень скоро вмѣсто прежняго лозунга свободы былъ выставленъ лозунгъ шовинизма, по которому права всѣхъ другихъ народностей признавались лишь постольку, поскольку эти народности воспринимали оттоманскую идею, признавали оттоманское племя властвующимъ, господствующимъ надъ другими племенами.

Многое въ этомъ переворотѣ не было учтено Европой; тамъ продолжали относиться съ симпатіей и довѣріемъ къ турецкому режиму и, можно сказать, прозѣвали тотъ переворотъ, благодаря которому балканскіе народы снова стали лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что же дѣлать, если и новый режимъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались? Какими же путями добиваться условій достойнаго и человѣческаго существованія?

Я не скажу, что всегда въ Европѣ, какъ и у насъ, въ этомъ отношеніи было непониманіе. Иногда непониманіе было того рода, которое мастерски описано у Гоголя въ лицѣ его головы; когда головѣ читаютъ: «дошло до насъ, что ты, старый дуракъ», — онъ останавливаетъ и говоритъ: «не слышу»; когда ему повторяютъ это, онъ говоритъ: «хотя и не слышу, но знаю, что настоящаго дѣла тутъ нѣтъ, читай дальше». Такъ и отъ многихъ сторонъ балканскаго вопроса Европа отмахивалась и говорила, что «настоящаго дѣла здѣсь нѣтъ, не слышу». А такъ какъ «не

слышали», то и были поражены, когда открылась картина войны, по истинѣ геройской, открытой маленькими народами за свой собственный страхъ и рискъ съ прямымъ ослушаніемъ Европы, которая до того времени, въ видѣ европейскаго концерта, стояла у постели больной Турціи и не допускала рѣшительныхъ экспериментовъ, какъ бы ни были они необходимы, ибо она заботилась только объ одномъ: сохранить во что бы то ни стало пресловутое европейское равновѣсіе.

И вотъ разгорѣлась война. Оказалось, что балканскіе народы въ тишинѣ долго молча готовились и приготовились очень серьезно; въ тиши зрѣла ихъ воинская и экономическая сила; они сумѣли забыть старую рознь, сговориться, заключить союзъ и проявить полную солидарность. Окончательно разочаровавшись въ желаніи и способности даже новаго турецкаго режима дать необходимыя и дѣйствительныя конституціонныя реформы на началахъ равноправія населяющихъ Турцію народовъ, убѣдившись затѣмъ, какъ мало плодотворными оказались «совѣты» и «воздѣйствія» великихъ державъ, балканскіе народы рѣшили разъ навсегда выйти изъ положенія опекаемыхъ и несовершеннолѣтнихъ и, не взирая на обращенные къ нимъ все тѣ же старые совѣты «благоразумія», не взирая даже на предупрежденія и угрозы, предъявили Турціи рядъ категорическихъ требованій и, когда эти требованія были отвергнуты, поставивъ на карту все, они приняли вызовъ и начали войну.

Мы слѣдимъ за этой войной изъ Россіи, страны братской борющимся народамъ, страны, которая не

разъ приносила тяжелыя жертвы для освобожденія и улучшенія жизни этихъ народовъ. Мы слѣдили за этой войной съ трепетомъ, недоумѣніемъ и восхищеніемъ, и всѣ эти разнообразныя переживанія могутъ быть объяснены тѣмъ, что даже русская прогрессивная общественная мысль недостаточно была подготовлена къ событіямъ, которыя развивались передъ ея глазами, а по существу эта мысль была и остается чуждой воинственному задору.

И, дѣйствительно, припомнимъ, сколько нужно заглушить въ себѣ чувствъ, чтобы сочувственно относиться къ войнѣ, когда самое слово «война» немедленно переноситъ нашу мысль въ атмосферу всевозможныхъ ужасовъ, тягчайшаго кровопролитія, въ море человѣческихъ страданій, болѣзней, раззоренія, всего того, что неизбѣжно слѣдуетъ за развитіемъ военныхъ дѣйствій. Русское прогрессивное общество глубоко сочувственно относится къ идеѣ такъ называемаго «пацифизма» и тотъ лозунгъ, который вылился изъ души славянскаго поэта, та мечта о временахъ, когда народы въ великую семью соединятся, позабывъ распри,—эта мечта далеко не чужда сердцу прогрессивно мыслящихъ русскихъ людей. Какъ же быть? Война—это ужасный, несправедливый способъ рѣшенія вопросовъ, а между тѣмъ она идетъ и въ данномъ случаѣ идетъ на началахъ особыхъ. Она возгорѣлась не для захватовъ, не для покоренія, не для навязыванія кому бы то ни было чего бы то ни было. Она ведется для защиты правъ своихъ братьевъ, основныхъ правъ человѣка.

Поэтому, когда произошелъ конфликтъ между

пацифистическими стремленіями большинства русскаго общества и сознаніемъ, что эта война есть война особенная, естественно, должны были возникнуть колебанія. Естественно, нужно было время, чтобы по этому вопросу могло выкристаллизоваться прогрессивное общественное мнѣніе.

Не забудемъ, что примѣненіе каждаго принципа должно имѣть извѣстныя границы; такой высокій нравственный принципъ, какъ «непротивленіе злу», выдвинутый въ свое время Л. Н. Толстымъ, долженъ получить неизбѣжный коррективъ, потому что онъ оставляетъ открытымъ вопросъ, какими же путями бороться не съ будущимъ, не съ грядущимъ зломъ, а съ тѣмъ, которое сейчасъ осуществляется въ самыхъ жестокихъ формахъ.

И къ этой идеѣ корректива былъ принужденъ склониться и самъ великій писатель земли русской, когда на поставленный вопросъ: «неужели же вы съ вашей точки зрѣнія молчали бы, если бы дикарь, ворвавшись къ вамъ въ домъ, началъ бы рѣзать и поджаривать вашихъ дѣтей»,— отвѣчалъ молчаніемъ, потому что онъ выдвигалъ извѣстный общій высокій принципъ, а жизнь, ежедневная жизнь, заставляетъ насъ сплошь и рядомъ, вѣруя въ силу извѣстнаго принципа, тѣмъ не менѣе въ тѣ моменты, которые этимъ принципомъ съ точки зрѣнія его нормальнаго развитія не охватываются, поступать иначе, въ то же время находясь въ гармоніи со своей совѣстью.

Аналогично можетъ быть разрѣшенъ и вопросъ о балканской войнѣ. Считая, что война— способъ несправедливый, жестокій, громадной тяжестью ложащійся на невинное населеніе, мы

тѣмъ не менѣе должны признать, что бываютъ историческіе моменты, когда у народовъ другаго выхода не остается, и они должны или принести въ жертву свое національное достоинство, безопасность свою и своихъ близкихъ, или рискнуть и пойти на борьбу неизвѣстную, сулящую впереди грозную опасность, — можетъ быть гибель; пойти на нее потому, что иначе жить невозможно.

Я не знаю, правъ-ли я въ своемъ анализѣ, но я дѣлаю тотъ анализъ событій, развернувшихся на Балканахъ, какой мнѣ представляется, какъ наблюдателю этихъ событій, единственно пріемлемымъ.

И вотъ стала развертываться эта война Мы увидѣли, что еще недавно признаваемые слабыми и безсильными маленькіе народы, бывшіе вассалы Турціи, которыхъ она нѣкогда не только попирала, а не признавала совершенно людьми,— эти вассалы побѣдоносно сражаются теперь съ казалось бы мощнымъ, громаднымъ, гораздо лучше оборудованнымъ государствомъ, да еще государствомъ, опирающимся въ своей военной мощи на учителей, которыхъ признаютъ лучшими европейскими практиками и теоретиками въ военныхъ вопросахъ,—т. е. сражаются съ арміей, обученной нѣмецкими инструкторами. И тѣмъ не менѣе событія шли быстрымъ темпомъ, и мы видѣли одну побѣду за другой. Вотъ мнѣ и кажется, что мы не только въ правѣ, но и обязаны спросить себя прежде всего: что значатъ эти побѣды? Почему въ данномъ случаѣ мы видимъ такой разгромъ турецкой имперіи?—Что дало балканскимъ народамъ такую несокрушимую силу, мощь и успѣхъ?

По нашему мнѣнію, здѣсь—два фактора, два момента.

Во-первыхъ, мы имѣемъ передъ собой громадное національное воодушевленіе въ лучшемъ смыслѣ этого слова, потому что въ данномъ случаѣ національное воодушевленіе диктовала идея: или умереть, или добиться для своей родины права на лучшее, дѣйствительно свободное и культурное будущее. Это первый факторъ.

А второй факторъ—тотъ, что въ теченіе болѣе четверти вѣка балканскіе народы живутъ,—о чемъ мы склонны иногда забывать,—въ условіяхъ прочнаго, непоколебимаго конституціоннаго режима и серьезныхъ гарантій гражданской свободы и правъ человѣка. Воспитанные въ этой школѣ, балканскіе народы стали на тотъ культурный уровень, который безконечно выше ихъ сѣраго доре-форменнаго существованія. И только благодаря этому высокому культурному уровню, они смогли предъ лицомъ всего міра удержать въ тайнѣ свои приготовленія, установить союзъ, основанный на соглашеніи, казалось бы непримиримыхъ интересовъ и такъ подготовиться къ цѣлому ряду операцій, что весь міръ былъ пораженъ. Если бы меня спросили, что значатъ побѣды этого оружія, я бы сказалъ, что это побѣды разумной національной идеи и свободнаго истинно-культурнаго, режима. Вотъ тѣ поучительные выводы, которые вытекаютъ изъ наблюденій надъ широко развернувшейся на нашихъ глазахъ борьбой. Сейчасъ въ этой борьбѣ наступилъ перерывъ. Засѣдаютъ делегаты въ Лондонѣ. Въ тоже время, въ томъ же Лондонѣ, собирается конференція изъ представителей великихъ державъ. Сейчасъ—

моментъ неопредѣленный. Что будетъ дальше—неизвѣстно.

Можетъ быть, завтра же опять около Адріанополя или на Чаталджинскихъ позиціяхъ загрохочутъ пушки и призракъ смерти со всѣми ея ужасами,—припомните извѣстную картину, рисующую смерть, шагающую по трупамъ,—опять встанетъ передъ нашими глазами. Мало того, можетъ быть произойдутъ осложненія, можетъ быть вмѣсто теперешняго, по крайней мѣрѣ формальнаго, невмѣшательства въ борьбу воюющихъ сторонъ кто нибудь попробуетъ учинить вмѣшательство по чисто корыстнымъ побужденіямъ, попробуетъ диктовать свою волю отдѣльнымъ борющимся народамъ и заставлять ихъ отказаться отъ тѣхъ или другихъ пріобрѣтеній путемъ угрозы вооруженнаго вмѣшательства.

Настанетъ или нѣтъ этотъ грустный моментъ, мы не знаемъ пока, но цѣлый рядъ свѣдѣній, идущихъ съ запада, цѣлый рядъ весьма обстоятельныхъ данныхъ о громадныхъ военныхъ приготовленіяхъ заставляетъ насъ подумать: не настанетъ ли можетъ быть очень скоро передъ нами вопросъ, что же будетъ въ такомъ случаѣ дѣлать Россія, на которую, какъ извѣстно, съ упованіемъ обращены взоры балканскихъ народовъ и въ частности и болѣе всего народовъ славянскихъ.

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Нельзя закрывать глаза на то, что столкновеніе по этому вопросу можетъ закончиться такимъ ужасомъ, какъ европейская война. Достаточно мысленно себѣ представить тѣ уже не сотни, не тысячи, а сотни тысячъ человѣческихъ жизней, которыя

могутъ погибнуть, достаточно представить себѣ милліарды денегъ, которыя такъ необходимы на культурныя цѣли и которыя будутъ брошены въ пасть безжалостному богу войны, чтобы сказать, что безъ крайности, безъ наступленія тѣхъ событій, когда молчать и бездѣйствовать будетъ нельзя во имя дѣйствительнаго достоинства Россіи, какъ націи, много лѣтъ охранявшей славянскіе народы,—безъ такой крайности Россія не должна сдѣлать ни одного шага въ сторону войны. Она должна еще разъ подтвердить, что не ищетъ никакихъ захватовъ и никакихъ личныхъ пріобрѣтеній, но въ то же время она должна сказать свое твердое слово по адресу всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы воскресить старыя времена, когда войны начинались между прочимъ и по лозунгу: «Ты виновать ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».

И если на исторической аренѣ явятся требованія, продиктованныя такимъ лозунгомъ, если подобныя требованія кто нибудь пожелаетъ осуществить, путемъ ли вторженія на территорію воюющихъ народовъ, или путемъ вполнѣ опредѣленныхъ, реально брошенныхъ угрозъ, имѣющихъ характеръ ультиматума,—въ такой моментъ, при всемъ миролюбіи, при всемъ сознаніи ужаса войны, нужно будетъ отъ лица Россіи сказать: «Нѣтъ, мы этого не допустимъ никогда и ни въ какомъ случаѣ».

И можно вѣрить, что въ такихъ условіяхъ окажется громадная солидарность въ различныхъ слояхъ русскаго общества, такъ серьезно расходящихся между собою въ цѣломъ рядѣ другихъ кардинальныхъ вопросовъ. Можно вѣрить въ это

потому, что въ этомъ случаѣ наше вѣское слово можетъ быть и не поведетъ къ войнѣ, а, наоборотъ, предотвратитъ войну. Когда другіе увидятъ, что въ данномъ случаѣ Россія не пугается угрозъ, и что въ данный моментъ она въ сознаніи своей правоты говоритъ свое слово, не просительное, а категорическое, рѣшительное, — можетъ быть тогда тѣ, кто спекулировали на такъ часто уже, къ сожалѣнію, бывшіе въ нашей исторіи моменты слабости и отступленія безъ достаточныхъ основаній, поймутъ, что на сей разъ это уже не игра, что вопросъ ставится ребромъ. Въ результатѣ тѣ, кто теперь такъ настойчиво шумитъ и такъ притязательно заявляетъ свои требованія, весьма вѣроятно, понизятъ свой тонъ, пойдутъ въ Каноссу, будутъ сохранять миръ и волей-неволей выступятъ также адептами того великаго дѣла, изъ за котораго сейчасъ ведется великая борьба.

Учитывая все это, я бы суммировалъ свои положенія такъ: сейчасъ на Балканахъ идетъ рѣшительная борьба за начала свободы и культуры. Эти начала особенно дороги намъ, еще не дошедшимъ до всѣхъ благъ того свободнаго режима, при которомъ уже болѣе тридцати лѣтъ живутъ борющіеся славянскіе народы. Съ этой стороны намъ всѣмъ понятно, что мы, носители идеи мирнаго развитія, можемъ участвовать въ этой борьбѣ только потому, что она будетъ происходить за начала свободы и начала культуры. И если Россіи во имя этихъ лозунговъ придется пережить кровавыя минуты, то мы вѣримъ, что изъ этого историческаго испытанія она выйдетъ съ громаднымъ выигрышемъ для себя и для своего будущаго

внутренняго развитія. Есть идеи, которыя сами въ себѣ таятъ извѣстную силу. Есть идеи, которыя нельзя пускать только въ оборотъ международный, ибо пустивши ихъ въ международный оборотъ, немедленно и неизбѣжно приходится пускать ихъ и въ оборотъ внутренній.

Когда говорятъ, что война сплошь и рядомъ вызываетъ ростъ шовинистическихъ чувствъ и потомъ влечетъ за собою даже у побѣдителя политическую реакцію, то мы скажемъ, во-первыхъ, что это обобщеніе невѣрное, потому что въ цѣломъ рядѣ случаевъ война, даже побѣдоносная, реакціи не вызывала, а, во-вторыхъ, есть война и война. Есть вещи, которыми Россія поступиться не можетъ, не теряя своего достоинства, своихъ лучшихъ традицій и имени великой державы.

Мы видимъ, что Австрія, чувствуя за спиной поддержку мощнаго союзника, мобилизовалась и, одно за другимъ, предъявляетъ требованія, диктуемыя разыгравшимся аппетитомъ, не удовлетворившимся такъ недавно проглоченной при нашемъ попустительствѣ Босніей и Герцеговиной. Эти требованія, частью лицемѣрныя и замаскированныя (въ видѣ откуда-то взявшихся нѣжныхъ заботъ объ участи Албаніи), часто грубо откровенныя и спекулирующія на слабость и уступчивость Россіи, требуютъ съ нашей стороны самаго твердаго и энергичнаго отпора.

Нельзя въ справедливомъ дѣлѣ капитулировать передъ зарывающимися спекулянтами и политическими шантажистами, нельзя допустить той политики грабежа, при которой побѣдоносные и родственные намъ борцы будутъ терять плоды

своихъ побѣдъ въ пользу державъ, не имѣющихъ на эти плоды никакого права.

Не забудемъ, что за Австріей уже выступаетъ Румынія, и что неопредѣленность и уступчивость нашей дипломатіи истолковываются какъ наша слабость и наша готовность купить европейскій міръ *какой угодно цѣною*. Въ результатѣ атмосфера благодаря нашимъ уступкамъ не очищается; возникаютъ новыя и грозныяо сложненія. На западѣ продолжаютъ бряцать оружіемъ и призракъ европейской войны не исчезаетъ.

Мы предпочитаемъ путь твердости и опредѣленности. Мы не желаемъ европейской войны и считаемъ ее ужасомъ. Мы ничего не ищемъ для себя и не можемъ помириться лишь съ тѣмъ, что иначе, какъ международнымъ шантажемъ и международнымъ разбоемъ назвать нельзя. И, если путемъ этого шантажа и этого разбоя насъ вовлекутъ въ войну, мы примемъ ее, какъ тяжелый крестъ, но будемъ помнить, что мы не одни, и что такая борьба имѣетъ свое оправданіе: она будетъ происходить не во имя корысти, а во имя лучшихъ, самыхъ высокихъ началъ изъ тѣхъ, которыми живетъ человѣчество, и во имя обезпеченія народамъ ихъ правъ, неприкосновенныхъ правъ на полное, широкое, я бы сказалъ всестороннее культурное, національное развитіе. Такая война, если бы она и случилась, не повлечетъ за собою ни торжества шовинистическихъ идей, ни торжества реакціи.

Но, такъ или иначе, безъ твердаго и вѣскаго слова, Россія подвергла бы величайшему риску и наше достоинство, и наши насущныя интересы, во многомъ зависящіе отъ того, какія историче-

скія воспоминанія отъ настоящаго момента останутся у грядущей новой силы, какою явится молодой балканскій союзъ, и, наконецъ, ту идею справедливости, которая такъ часто попирается въ международныхъ отношеніяхъ и все же не перестаетъ быть вѣчной и необходимой.

Вліяніе Балканскихъ событій на русское общественное сознаніе.

А. М. Александрова *).

Милостивые государи и милостивыя государыни! Я хотѣлъ бы изложить вамъ тѣ впечатлѣнія и переживанія, какія въ настоящее время, подъ вліяніемъ историческихъ событій, замѣчаются въ русской провинціи, съ которой я былъ тѣсно связанъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Теперь русская провинція не та, что была лѣтъ 15—20 тому назадъ. За послѣдніе 8—10 лѣтъ провинціальное общество значительно измѣнилось и не только образовалось въ его средѣ много очаговъ интеллигенціи, но чувствуется, что городская демократія, обширныя массы городского населенія, за эти 8—10 лѣтъ, съ невиданнымъ дотолѣ интересомъ, втянулись въ политическую жизнь и очень чутко прислушивались не только къ событіямъ, совершающимся на нашей родинѣ, но и къ міровымъ событіямъ. Я хотѣлъ познакомить васъ съ тѣми настроеніями, въ связи съ нашимъ собственнымъ историческимъ переживаніемъ.

Теперь уже неоспоримо, что русско-японская война послужила въ историческомъ развитіи Рос-

*) Рѣчь, произнесенная на публичномъ собраніи Общества Славянскаго Научнаго Единенія, 8 Декабря 1912 г.

сіи, и главнымъ образомъ, въ исторіи развитія политической мысли и политическихъ учрежденій, замѣтной гранью. Изъ японской войны мы вышли потрясенными и разочарованными. Вы всѣ прекрасно помните, что еще наканунѣ этой войны мы, загипнотизированные нашими пространствами, количествомъ нашего населенія, чувствовали себя непобѣдимыми. Нашъ міровой престижъ стоялъ очень высоко. И вдругъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и разсчетамъ, мы оказались побѣжденными.

Вышло такъ, что самые прозорливые изъ насъ не учли очень многаго, быть можетъ, самаго главнаго и этотъ колоссальный ударъ по огромному народу и огромному государству не могъ, конечно, не отозваться въ душѣ каждаго изъ насъ, и не могъ не провести глубокой борозды въ народномъ мышленіи. Японская война заставила насъ углубиться въ себя. Послѣ этого самоанализа великій народъ,—кто не помнитъ кануна 1905 года,—формулировалъ, какъ одинъ человѣкъ, свои пожеланія и указалъ на тотъ путь, по которому, ему казалось, общество должно было итти для того, чтобы не имѣть тѣхъ постыдныхъ и неожиданныхъ пораженій, которыя только что были пережиты. Народъ—колоссъ почувствовалъ себя въ опасности и подалъ свой голосъ. Вы припомните канунъ 1905 года. Припомните ту массу резолюцій, въ которыхъ не только политическое чувство, но коллективная мысль была зафиксирована въ одномъ, интенсивномъ желаніи народа — народъ захотѣлъ своего политическаго развитія. Манифестъ 17-го октября 1905 года явился отвѣтомъ на этотъ запросъ огромнаго народа, молодого, жизнеспособнаго

талантливаго, съ могучими, еще не проявленными творческими силами. Манифестъ 17 октября былъ той равнодѣйствующей, которая должна была примирить боровшіяся въ то время партіи и объединить всѣхъ въ дружной работѣ обновленія. Казалось, откроются громадныя историческія двери, и великій народъ, великій историческій народъ, широкой плавной рѣкой потечетъ къ свободному морю свѣтлой творческой жизни. Но и на этотъ разъ мы ошиблись.

Семилѣтняя исторія показала, что мы остановились на одномъ мѣстѣ, и уже не идемъ ни впередъ, ни назадъ. Въ жизни народа такіе моменты топтанія на мѣстѣ не могли пройти даромъ. Организованныя народныя силы, сплоченная народная мысль, общее стремленіе итти по пути свободы и права распылились, раздробились. Огромный народъ оказался опять-таки повергнутымъ и недвижимымъ, какъ огромная глыба на необозримыхъ пространствахъ. Народъ былъ лишенъ политическаго самосознанія, политической жизни. Въ Россіи все умолкло. Но, конечно, народы внезапно не умираютъ, а тѣмъ болѣе не должны умирать такіе народы, какъ русскій народъ. Въ это семилѣтіе внѣшняго бездѣйствія происходила извѣстная политическая дума. Эта мысль была безрадостна и боролась въ пустотѣ, безъ возможности ея объективнаго примѣненія. Опять началось самоуглубленіе, начался безпочвенный самоанализъ. Такой самоанализъ является только вреднымъ, и если онъ охватываетъ широкіе круги, то это всегда знаменуетъ упадокъ народнаго духа.

Казалось, что этотъ великій народъ, вопреки Божескимъ и человѣческимъ законамъ, не можетъ

сдвинуться съ мѣста. Казалось, что мистическая славянская душа его, необъятная, красивая, никакъ не можетъ проявить себя въ подходящихъ конкретныхъ государственныхъ формахъ и никакъ не можетъ найти своего жизненнаго примѣненія. И въ такіе моменты отчаянія скорбно подымался трагическій вопросъ — способны-ли мы, наконецъ, выбраться изъ этихъ страшныхъ историческихъ тѣснинъ, способны-ли мы, подобно другимъ народамъ, класть на почву историческіе и политическіе рельсы, или намъ суждено только приносить жертвы и жертвы безъ конца...

Въ эпоху этого безотраднаго пессимизма, и мучительнаго отчаянія, въ эпоху ненужнаго, безполезнаго самоуглубленія, на Ближнемъ Востокѣ разыгрались событія славянской и въ тоже время міровой драмы. Мы увидѣли, какъ та же самая славянская душа, тѣ-же славянскіе люди проявляютъ невѣроятную сплоченность, организованность, сильную дисциплину и единодушіе. До сихъ поръ, когда мы говорили объ единодушіи, о дисциплинѣ, о способности цѣлаго народа сплотиться и пойти къ достиженію опредѣленной цѣли, то мы всегда, по привычкѣ, ассоціировали эти качества съ нѣмецкимъ, германскимъ народомъ, который напоминаетъ древнихъ римлянъ по дисциплинѣ и твердости въ достиженіи опредѣленной цѣли. И вдругъ, вчерашніе рабы, презрѣнная «райя», народъ, съ которымъ «великія» державы-покровительницы никогда не думали считаться и который ближайшіе сосѣди и прежніе его владыки безжалостно истязали, истребляли систематически, культуру котораго уничтожали, этотъ самый народъ, эти «братушки»

и братья-славяне, будучи поставлены въ другія историческія условія, освобожденные и свободные въ своихъ демократическихъ государствахъ, проявили необыкновенную мощь и проникновеніе единымъ стремленіемъ отъ царя до дикаго пастуха. Эти сплошные ряды, эти страшныя колонны, борющіяся за свободу съ силой, энергіей, энтузіазмомъ, почти невиданнымъ ранѣе,— всѣ эти явленія не могли не отразиться на нашемъ собственномъ настроеніи. Эти пламенные примѣры должны были зажечь нашу собственную мысль.

Подъ вліяніемъ Балканскихъ событій наша народная мысль не могла еще разъ не проясниться, не обостриться, не превратить въ аксіому того, въ чемъ нѣкоторые изъ насъ стали сомнѣваться: что дѣло не въ нашей мистической необъятной душѣ, что напрасно думаютъ, будто русскій народъ находится въ стадіи антигосударственной, и не способенъ на дальнѣйшее развитіе своихъ политическихъ формъ, что дѣло не въ душѣ народа неизмѣнной въ своихъ лучшихъ, общепризнанныхъ качествахъ, а вся суть въ необходимости созданія иныхъ внѣшнихъ условій, дѣло въ нашемъ безсмысленномъ топтаніи на одномъ мѣстѣ, въ признаніи якобы невозможности принять тотъ необходимый историческій курсъ, который диктуется, какъ предшествующей исторіей, такъ и общечеловѣческимъ прогрессомъ. Тѣ же люди по плоти и крови, та же славянская душа—по единодушію и дисциплинѣ, по умѣнію осуществлять свою народную задачу, показываютъ примѣръ, достойный древнихъ римлянъ и современныхъ нѣмцевъ. Мы прекрасно поняли, что мы не слабы, что мощь у насъ есть,—

а въ талантливости нашей мы никогда не сомнѣвались, что при соотвѣтствующихъ условіяхъ, которыхъ мы ждемъ и желаемъ, чтобы они поскорѣе наступили у насъ,—та же Россія своей сплоченностью и единодушіемъ такъ же можетъ удивить міръ. Балканскія событія имѣли великое значеніе для нашего самосознанія, они насъ вытащили изъ бездны отчаянія, самоковырянія, самоанализа. Они подтвердили неизбѣжную необходимость того, на что семь лѣтъ тому назадъ стихійно и безсознательно народный геній, не сомнѣваясь, указывалъ—свободное развитіе русскому государству.

Манифестъ 17 октября 1905 года, въ своемъ красивѣйшемъ политическомъ отзвукѣ на народный призывъ, открылъ двери и указалъ путь, идя по которому мы должны добиваться тѣхъ формъ общественной и политической жизни, какія при нашемъ дѣятельномъ участіи выкованы желѣзной мощью на Ближнемъ Востокѣ. Это достижимо и это непремѣнно будетъ.

Если мы въ эти важныя для нихъ и для насъ историческія минуты можемъ искренно желать, чтобы они довели до конца свое великое дѣло защиты человѣческихъ правъ, то и намъ самимъ надо сдвинуться съ мертвой точки и вступить на путь общечеловѣческаго прогресса. Пожелаемъ же со всею силою нашего духа, чтобы страшные годы кровавыхъ призраковъ, ужасовъ и сомнѣній, самоубійствъ и переполненныхъ тюремъ отошли въ безвозвратное прошлое, и нашъ собственный народъ сталъ мощною стопой на путь свободнаго историческаго развитія.

Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближеніе.

Янко Лаврина.

Возрожденіе славянской идеи и славянскаго вопроса въ Россіи за послѣднее время объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя насущныя потребности единенія, совмѣстной работы, взаимной поддержки и пользы явились какъ бы сами собой—въ силу извѣстныхъ событій, всколыхнувшихъ даже тѣ круги русскаго общества, для которыхъ славянскій вопросъ былъ раньше болѣе или менѣе безразличенъ. Такимъ моментомъ явились блестящіе успѣхи южнославянскихъ борцовъ за независимость, заставшіе врасплохъ всю Европу. Послѣднее обстоятельсто и привело къ извѣстной переоцѣнкѣ славянскаго вопроса въ Россіи. Русское общество впервые имѣло случай убѣдиться въ томъ, что зарубежные славяне такая сила, съ которой нельзя не считаться и это сразу повліяло на его психологію, измѣнило отношеніе къ нимъ. Русскіе до послѣдняго времени смотрѣли—отчасти по традиціи, отчасти благодаря классической въ Россіи «неосвѣдомленности»—на славянъ свысока, какъ спасители на спасаемыхъ ими «братушекъ», считая ихъ quantité négligeable какъ въ культурномъ такъ и въ политическомъ отношеніи. И вдругъ такой пассажъ: порабощенные, обиженные

судьбою и европейской дипломатіей «братушки» ни съ того ни съ сего вздумали пошутить надъ «миролюбиво настроенной» Европой съ ея вѣчными проектами «реформъ», съ ея грязной дипломатической стряпней, со всѣми ея политическими и экономическими аппетитами...

Образованіе сильнаго южнославянскаго союза выдвинуло на первый планъ новые политическіе и культурные задачи и интересы, тѣсно связанные съ жизнью, съ будущностью всего славянства. Ихъ слишкомъ много, и потому хочется затронуть лишь нѣкоторые изъ нихъ: именно вопросы славянскаго культурнаго единенія на художественно-литературной почвѣ.

Славянское культурное единеніе! Для уха русскаго интеллигента это звучитъ какъ-то чуждо и даже непріятно.

Почему именно славянское единеніе?

«Тутъ пахнетъ патріотизмомъ»!

Одного этого аргумента достаточно для того, чтобы многіе отвернулись отъ славянской идеи. Прежде всего многимъ и въ голову не приходитъ, что патріотизмъ большинства славянъ не есть модный теперь въ Россіи наступательный, казенный или т. н. «зоологическій» патріотизмъ, а патріотизмъ оборонительный, т. е. революціонный. Это слѣдовало бы помнить прежде всего и многочисленнымъ представителямъ «зоологическаго» націонализма въ Россіи, сегодня братающимся со славянами, а завтра кричащимъ: «Бей жидовъ! Бей финновъ»!.. Одно изъ двухъ: или у этихъ господъ, постоянно компрометирующихъ славянскій вопросъ, вообще нѣтъ логики или же они сознательные идейные аферисты...

Весь такъ называемый національнизмъ славянъ сводится не къ поглощенію другихъ народностей, а къ собственному самоопредѣленію, къ самоутвержденію—во имя гуманности и справедливости. Еще первые будители славянъ подчеркнули, что славяне не должны стремиться къ культурному сепаратизму отъ Европы, а наоборотъ: осознать всѣ свои силы, проявить всѣ свои культурныя богатства для того, чтобы ихъ внести, на ряду съ другими націями, въ сокровищницу европейской, общечеловѣческой культуры; для того, чтобы дать человѣчеству все, что они могутъ дать... Конечно, прежде чѣмъ дать, необходимо или имѣть или же создать, а для того, чтобы что нибудь создать собою, нужно прежде всего найти себя... Каждая нація, каждая раса можетъ внести въ сокровищницу общечеловѣческихъ цѣнностей новыя цѣнности — только оставаясь сама собою, исходя изъ своей самобытности, изъ своей индивидуальности и развивая ее, а не изъ подражанія, изъ жизни на чужой счетъ, которая всегда приводитъ къ культурному паразитизму, культурной безпомощности, лѣни и лакейству... Безличныя націи обречены на смерть. Онѣ исчезнутъ, онѣ должны исчезнуть, ибо онѣ играютъ роль трутней...

Славянское движеніе—это громогласный кликъ просыпающейся къ жизни новой расы—кликъ человѣчеству, кликъ судьбѣ и исторіи: «Мы не хотимъ быть культурными трутнями. Мы не хотимъ быть культурнымъ навозомъ. Мы сами хотимъ создавать, творить культуру»!.. Вотъ къ чему сводится славянскій «національнизмъ».

Культура каждой расы есть не что иное, какъ внѣшнее выраженіе, внѣшнее проявленіе и все-

стороннее развитіе ея индивидуальности. *Культура не можетъ быть интернаціональной, интернаціональной является лишь цивилизація.* И потому роковое смѣшеніе цивилизаціи съ культурой будетъ имѣть страшныя послѣдствія для послѣдней: цивилизація просто съѣстъ всѣ культуры, и мы идемъ навстрѣчу новому, самому ужасному варварству—варварству цивилизованному... Культуры внѣ расы нѣтъ и быть не можетъ. Расовая индивидуальность должна или переработать, переплавить всѣ постороннія вліянія или же податься имъ, исчезнуть и уступить мѣсто болѣе сильному расовому организму. Жизнь и исторія не знаютъ пощады: въ этомъ ихъ жестокость, но въ этомъ также ихъ гуманность, ихъ справедливость...

Только оцѣнивъ себя, мы сумѣемъ оцѣнить такъ же и другихъ. И тогда будемъ знать, чего намъ ждать отъ другихъ, и что можемъ сами сдѣлать... Тотъ, кто критически изучалъ славянскую душу и сравнивалъ ее съ душой европейца, долженъ былъ притти къ выводу, что это не двѣ противоположныхъ души, а два дополняющихъ другъ друга полюса... Типичная черта для европейской души—это ея устремленіе въ сторону законности и права, въ сторону компромисса съ дѣйствительностью. Отсюда ея внѣшняя дисциплина, порядочность, житейская практичность, узость и самоувѣренность. Типичная черта славянской души—устремленіе въ сторону совѣсти и правды, и потому она въ постоянномъ конфликтѣ и разладѣ съ дѣйствительностью. Отсюда постоянное исканіе, неудовлетворенность и непрактичность, скептицизмъ къ

закону, разбросанность, хаотичность, тоска, «improductivité»... Не ошибка ли съ нашей стороны въ томъ, что мы, во что бы то ни стало, хотимъ одѣть нашу душу въ европейскій костюмъ, не смотря на то, что этотъ костюмъ для нея слишкомъ узокъ и что она въ немъ задыхается... Намъ импонируетъ самоувѣренность и дисциплина европейской души лишь потому, что въ насъ еще слишкомъ много хаоса, но не слѣдуетъ забывать, что новые міры рождаются изъ хаоса... Европа намъ дала очень много. Справедливость требуетъ, чтобы и мы дали что нибудь Европѣ. И мы сумѣемъ это сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если вернемся къ самимъ себѣ, если избавимся отъ культурнаго лакейства и заискиванія предъ Европой. Возвращеніе къ себѣ, полное культурное и національное самоопредѣленіе каждой изъ славянскихъ народностей—вотъ одинъ изъ лозунговъ славянскаго сближенія.

Мечты о какомъ нибудь политическомъ единеніи всѣхъ славянъ въ данномъ случаѣ представляются болѣе или менѣе утопичными уже потому, что историческія и политическія традиціи славянскихъ народностей слишкомъ различны, внѣшнія тренія слишкомъ велики.

Вотъ почему разрѣшеніе славянскаго вопроса представляется возможнымъ прежде всего лишь въ плоскости культурнаго единенія.

Но тутъ мы сразу наталкиваемся на вопросъ: какимъ же образомъ осуществить это единеніе? Какова должна быть его программа? На это можно отвѣтить только одно: цѣлесообразная организація совмѣстной культурной работы, имѣющая въ виду самыя насущныя культурныя потреб-

ности и взаимную выгоду. Не парить въ туманѣ идеологіи, изъ-за котораго не видна дѣйствительность, а работать и только работать. Каждая славянская народность должна поставить вопросъ ребромъ: какая для меня выгода участвовать во всеславянскомъ сближеніи? Даетъ ли это что нибудь моей культурѣ? Если да, тогда оно имѣетъ смыслъ, въ противномъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла, и тутъ ужъ не поможетъ никакая теорія, никакая сантиментальность, никакая навязчивая идея о спасеніи порабощенныхъ «братушекъ» и т. п.

Русскій интеллигентъ, конечно, въ недоумѣніи спроситъ: «какъ же я могу подойти къ этому съ точки зрѣнія собственной выгоды. Гдѣ же тутъ всечеловѣчество»?.. О, это «всечеловѣчество»! Оно больше всего мѣшаетъ русскому видѣть самого себя. Къ тому же оно очень удобно во многихъ отношеніяхъ: удобно прежде всего для тѣхъ, кто хочетъ уклониться отъ серьезной культурной работы. Серьезная работа возможна только тамъ, гдѣ имѣется нѣчто конкретное. съ опредѣленной цѣлью и задачей. И можно ли себѣ представить нѣчто болѣе неопредѣленное чѣмъ это т. н. «всечеловѣчество»?.. Культурные люди понимаютъ, что работать для человѣчества значитъ—начать работатъ съ самого себя, затѣмъ со своей націи, расы. Одинъ только русскій космополитъ начинаетъ со «всечеловѣчества», и въ результатѣ—нѣтъ работы ни надъ собой, ни надъ своей націей, ни надъ человѣчествомъ... Русскій интеллигентъ—культурный евнухъ: въ своемъ лакейскомъ ухаживаніи за Европой онъ настолько обезличилъ себя, что утерялъ всякую органическую, живую

связь со своимъ народомъ и этимъ обезплодилъ себя, т. е. сталъ «лишнимъ» не только для своей націи, но и для человѣчества... Человѣчество въ такихъ работникахъ не нуждается, оно проходитъ мимо нихъ...

И потому для русскаго интеллигента славянское культурное единеніе прежде всего должно значить: единеніе со своимъ собственнымъ народомъ; всестороннее изученіе своей націи, живая, интенсивная работа надъ своей собственной культурой и постоянная живая связь этой работы съ аналогичной работой родственныхъ по культурѣ, по духу и по языку славянскихъ народностей...

Вотъ почему тутъ важна строго съорганизованная дѣятельность. Съ минимальной затратой силъ она дастъ максимальные результаты. Въ частности тутъ можетъ быть рѣчь и о значеніи научной и художественно-литературной организаціи. Хочется сказать нѣсколько словъ только о послѣдней.

Тутъ мы прежде всего сталкиваемся съ очень безотраднымъ фактомъ полнаго незнанія славянскихъ литературъ и славянскаго искусства въ Россіи, чуть ли не полнаго игнорированія его какъ со стороны публики, такъ и со стороны русскихъ литераторовъ и художниковъ. Русскіе и славянскіе литераторы и художники не только не имѣли до сихъ поръ никакихъ взаимныхъ сношеній, но очень часто даже не знали о существованіи другъ друга... Русскіе, имѣя у себя на глазахъ поляковъ съ ихъ чудной самобытной литературой, не считаютъ даже нужнымъ хоть настолько ознакомиться съ польскимъ языкомъ, чтобы читать въ оригиналѣ ихъ литературныхъ

геніевъ, непереводимыхъ ни на какой языкъ. Такое игнорированіе не простительно, въ особенности, если принять во вниманіе, что нѣмцы очень зорко слѣдятъ за развитіемъ славянскихъ литературъ...

Другой примѣръ специфически русской неподвижности и «неосвѣдомленности». Австрійскіе и южные сливяне за послѣдніе годы вездѣ, гдѣ только возможно (чехи даже въ деревняхъ), образуютъ русскіе кружки съ цѣлью изученія русскаго языка и русской литературы, но—не смотря на громадный спросъ на русскую книгу,—русскихъ авторовъ имъ приходится выписывать черезъ нѣмцевъ—чуть ли не за двойную цѣну. Если бы русскіе издатели и книгопродавцы хоть немного пошли на встрѣчу, русская книга могла бы тамъ имѣть совершенно новый рынокъ для сбыта, но они объ этомъ ничего не знаютъ... Это ужъ «неосвѣдомленность» и нерадѣніе non plus ultra. Съ нею можетъ конкурировать развѣ только нерадѣніе бездарной русской дипломатіи...

Далѣе: близкое знакомство со славянскими литературами и со славянскимъ народнымъ творчествомъ открыло бы въ частности русскимъ писателямъ и художникамъ совершенно новую область, полную новыхъ оригинальныхъ мотивовъ и свѣжихъ нотъ... Имѣютъ ли современные русскіе литераторы и интеллигенты вообще хоть малѣйшее понятіе о чудныхъ сербскихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ, приведшихъ въ такой восторгъ еще старика Гете и великаго Пушкина?.. Многіе ли въ Россіи знаютъ о необыкновенной оригинальной прелести народныхъ мелодій балканскихъ славянъ? О глубокой лирической заду-

шевности пѣсенъ венгерскихъ словаковъ? А славянскія сказки? А передовые геніи славянскихъ литературъ хотя бы Преширнъ, Прерадовичъ, Юлій Словацкій, Врхлицкій, Пенчо Славейковъ, которыхъ въ Россіи рѣдко кто знаетъ даже по имени?.. Затѣмъ славянскій бытъ, славянская психика, славянская природа. Сколько въ нихъ еще свѣжести, сколько красокъ, сколько непосредственности!

Въ другихъ славянскихъ литературахъ на ряду со своимъ бытомъ разрабатывается также и бытъ остальныхъ славянъ. Въ польской литературѣ въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ напр. недавно умершій Ежъ-Милковскій, въ чешской же цѣлый рядъ писателей (Серваць Геллеръ, Юлій Зейеръ, Габріэль Прейссова, І. Голечекъ и др.). Въ русской художественной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ничего подобнаго. И сколько сочности и колорита могла бы внести въ русскую литературу художественная обработка славянскаго быта! Сколько новыхъ болѣе отрадныхъ струнъ прозвучало бы въ ней! Сколько психическихъ особенностей русской души стали бы понятнѣе, если бы ихъ сравнить съ психикой прочихъ славянъ? Сколько новыхъ мотивовъ нашелъ бы русскій живописецъ въ славянскихъ узорахъ, костюмахъ, въ славянскомъ пейзажѣ!

Затѣмъ спеціально-художественная ассоціація съ обмѣномъ художественныхъ выставокъ, внесла бы большое оживленіе, соревнованіе какъ въ русскую, такъ и въ инославянскую живопись. Западные славяне имѣютъ много почетныхъ именъ въ этой области, извѣстныхъ въ Европѣ, но въ Россіи, конечно, неизвѣстныхъ. Мало того, въ Россіи

иногда заказы на національные памятники поручаются полковникамъ — любителямъ и заѣзжимъ итальянцамъ, якобы за неимѣніемъ своихъ русскихъ художественныхъ силъ,—и точно у славянъ нѣтъ Мештровича, Мыслъбека, Яна Штурсы и др..

Славянское искусство это—та почва, на которой должны быть сдѣланы первые серьезные шаги къ взаимному ознакомленію, пониманію и къ примиренію—во имя великаго, свѣтлаго будущаго. И лучшее, что мы можемъ дать міру и человѣчеству, мы дадимъ нашимъ искусствомъ, поскольку оно будетъ дѣйствительно нашимъ, т. е. самобытнымъ, національнымъ... Вѣчно и геніально лишь то, что носитъ отпечатокъ стихійной расовой души, расовой индивидуальности, Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой, Мицкевичъ, Юлій Словацкій—геніи, ибо они—высшее проявленіе души и духа своей расы. Это разные варіанты синтеза одной и той же души... Творчество таланта можетъ быть космополитичнымъ, творчество генія всегда національно — все равно, сознаетъ ли онъ это или нѣтъ...

А теперь коснемся, хоть мимоходомъ, славянскаго вопроса съ отвлеченной, общечеловѣческой точки зрѣнія. Имѣетъ ли славянскій вопросъ, какъ таковой, смыслъ исключительно для насъ—славянъ, или же имѣетъ смыслъ также и для міровой культуры вообще.

Это зависитъ отъ насъ самихъ.

Для славянъ остались два выхода: 1) итти слѣпо за Европой, отказавшись отъ себя во имя «всечеловѣчества» — по рецепту космополитовъ;

2) *черезъ Европу* вернуться къ себѣ и черезъ себя къ человѣчеству...

Въ первомъ случаѣ мы очутимся въ положеніи «лишняго человѣка», т. е. въ положеніи русскаго космополита, для котораго европейскій костюмъ сталъ лакейскимъ костюмомъ и убилъ въ немъ всякую индивидуальность, самостоятельность и смѣлость духа. Будемъ скромно питаться отбросами и суррогатами европейской «культуры», оставаясь все въ той же лѣни, неподвижности, слякоти, все въ томъ же культурномъ болотѣ. Въ лучшемъ случаѣ крѣпко уцѣпимся за всенивеллирующую цивилизацію, впадемъ въ безнадежное, уютное и приличное европейское мѣщанство, которое навсегда убаюкаетъ все безпокойство, всѣ исканія, весь «хаосъ», всю глубину нашей души и этимъ превратитъ насъ уже въ подлинныхъ—самыхъ настоящихъ «европейцевъ»...

Это сравнительно удобный выходъ — выходъ по готовому трафарету и рецепту. Второй выходъ болѣе отвѣтственъ, но зато и болѣе неудобенъ. Онъ заключается въ томъ, чтобы исправить почти непоправимую ошибку Европы. Европа подмѣнила культуру цивилизаціей и въ этомъ вся ея ошибка. Этимъ она обрекла себя на культурную смерть... Мы, славяне, еще настолько свѣжи и «нецивилизованы», что въ самый критическій моментъ можемъ сдѣлать рѣшительный шагъ, заговорить своимъ собственнымъ, смѣлымъ словомъ, и повернуть руль исторіи въ сторону не поддѣльной, а дѣйствительной культуры. Этимъ мы окажемъ величайшую услугу Европѣ и человѣчеству — окажемъ только въ томъ случаѣ, если не откажемся отъ самихъ себя...

Вотъ въ чемъ общечеловѣческое значеніе славянскаго вопроса. Человѣчество *нуждается въ насъ не какъ въ европейцахъ, а именно какъ въ славянахъ, преодолѣвшихъ Европу...* Но для того, чтобы стать достойными этой задачи и подготовиться къ ней, мы не должны брезгать никакой черной культурной работой—конечно, не забывая при этомъ той великой отвѣтственной роли, которую вручитъ намъ сама судьба, если захотимъ, вручитъ именно намъ, ибо некому больше ее вручить...

Итакъ, впереди еще много дѣла. И призывъ къ славянскому единенію не есть призывъ къ шовинизму или къ горделиво самодовольному германскому «Deutschland über alles», а призывъ къ упорной дружной и всесторонней культурной работѣ—при взаимной поддержкѣ и организаціи.

УСТАВЪ

ОБЩЕСТВА

СЛАВЯНСКАГО НАУЧНАГО ЕДИНЕНІЯ.

Копія.

На подлинномъ написано: «*Утверждаю*».
За Министра Внутреннихъ Дѣлъ
Товарищъ Министра, въ д. Гофмейстера *А. Харузинъ*.
13 іюня 1912 г.

Вѣрно: За Вице-Директора (Подпись).

УСТАВЪ

Общества славянскаго научнаго единенія.

Положенія общія.

§ 1. Общество славянскаго научнаго единенія ставитъ себѣ цѣлью: а) способствовать знакомству между собою славянскихъ ученыхъ различныхъ спеціальностей и взаимному ознакомленію съ ихъ трудами; б) содѣйствовать ихъ общенію для совмѣстной научной работы и в) распространенію въ обществѣ свѣдѣній о научно-культурной и художественной жизни славянства.

Примѣчаніе. Общество въ своей дѣятельности подчиняется всѣмъ узаконеніямъ и распоряженіямъ Правительства.

§ 2. Для осуществленія этой цѣли Общество организуетъ:

а) Справочное бюро, которое могло бы удовлетворять различные запросы, касающіеся той или другой научной спеціальности.

б) Публичныя собранія, лекціи, экскурсіи, концерты, библіотеки, читальни и выставки для распространенія знаній, касающихся дѣятельности славянскихъ ученыхъ, и для развитія науки, литературы, искусствъ и общественной жизни въ славянскихъ странахъ.

в) Постоянные курсы и другія учрежденія научно-учебнаго характера для распространенія знакомства широкихъ круговъ публики съ славянствомъ вообще, а также командируетъ своихъ членовъ и другихъ лицъ

въ славянскія земли, устраиваетъ научныя экскурсіи, издаетъ научные труды и т. п.

Примѣчаніе 1. На устройство лекцій, библіотекъ, читаленъ, выставокъ, курсовъ и т. п. должно быть испрашиваемо каждый разъ разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

Примѣчаніе 2. Публичныя собранія Общества должны подчиняться дѣйствію временныхъ правилъ о собраніяхъ, приложенныхъ къ ст. 115 Уст. пред. прест. Св. Зак. т. XIV по прод. 1906 года.

§ 3. Въ составѣ Общества образуются отдѣленія по разнымъ научнымъ спеціальностямъ, какъ, напримѣръ, врачей, естествоиспытателей, педагоговъ, юристовъ и т. п. Общество имѣетъ право открывать свои отдѣлы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Примѣчаніе 1. О предположеніи открыть мѣстный отдѣлъ Совѣтъ увѣдомляетъ подлежащаго Губернатора съ препровожденіемъ ему экземпляра устава Общества и утвержденной Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ инструкціи для мѣстныхъ отдѣловъ обществъ (прим. 2) и списка членовъ Общества, проживающихъ по мѣсту открытія отдѣла. Если Губернаторъ встрѣтитъ препятствія къ открытію отдѣла, то вопросъ этотъ представляется имъ на разрѣшеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Примѣчаніе 2. Условія дѣятельности отдѣловъ и ихъ отношеніе къ Совѣту опредѣляются инструкціей, вырабатываемой Совѣтомъ и представляемой по одобреніи ея общимъ собраніемъ на утвержденіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 4. Обществу предоставляется для выполненія поставленныхъ имъ себѣ задачъ входить въ сношенія съ лицами и учрежденіями, какъ внутри Россіи, такъ и внѣ ея предѣловъ и подъ руководствомъ ученыхъ организовать кружки изъ учащихся для научнаго изученія различныхъ вопросовъ, касающихся славянства. Уставы этихъ кружковъ должны быть представляемы на утвер-

жденіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ установленномъ порядкѣ.

§ 5. Обществу предоставляется издавать печатный органъ, который отражалъ бы его дѣятельность.

Примѣчаніе. При подачѣ заявленія о выпускѣ въ свѣтъ періодическаго изданія должно быть указано отвѣтственное лицо, которому поручается завѣдываніе этимъ изданіемъ.

§ 6. Обществу предоставляется выдавать пособія и награды, почетные отзывы и медали за рѣшеніе тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ, относящихся къ его дѣятельности. Проекты рисунковъ медалей представляются на утвержденіе Правительства.

§ 7. Общество состоитъ: а) изъ дѣйствительныхъ членовъ, б) членовъ-корреспондентовъ и в) почетныхъ членовъ.

§ 8. Дѣлами Общества управляетъ Совѣтъ, состоящій изъ Президента Общества, двухъ вице-президентовъ, предсѣдателей отдѣленій и ихъ товарищей, 3-хъ членовъ по выбору общаго собранія, 4-хъ членовъ состоящаго при Психо-Неврологическомъ Институтѣ Русскаго отдѣла Славянскаго Научнаго Комитета и 2-хъ секретарей: для внѣшнихъ и для внутреннихъ сношеній. При Совѣтѣ состоитъ казначей Общества и Канцелярія.

§ 9. Денежныя средства Общества образуются: 1) изъ единовременныхъ и ежегодныхъ взносовъ членовъ и пожертвованій въ пользу Общества; 2) доходовъ съ капиталовъ Общества; 3) доходовъ съ изданій Общества; 4) платы за организуемые Обществомъ публичныя лекціи, курсы, выставки и т. п. Изъ этихъ суммъ ежегодные взносы членовъ назначаются на покрытіе текущихъ расходовъ; взносы единовременные обращаются въ неприкосновенный капиталъ Общества, а пожертвованія употребляются согласно волѣ жертвователей.

Примѣчаніе 1. Капиталы Общества расходуются согласно постановленіямъ общихъ собраній.

Примѣчаніе 2. Всѣ принадлежащія Обществу суммы хранятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ въ бумагахъ и цѣнностяхъ, гарантированныхъ Правительствомъ.

§ 10. Общество имѣетъ печать со своимъ наименованіемъ и съ девизомъ: „Въ единеніи сила“.

§ 11. Обществу предоставляется пріобрѣтать на свое имя и отчуждать принадлежащія ему имущества, совершать всѣ акты на общемъ основаніи дѣйствующихъ законовъ.

Объ избраніи членовъ и должностныхъ лицъ общества, ихъ правахъ и обязанностяхъ.

§ 12. Въ члены Общества избираются: а) отдѣльныя лица съ высшимъ образованіемъ, интересующіяся научнымъ славянскимъ движеніемъ и имѣющія труды по той или другой отрасли знаній или искусствамъ и б) частныя научныя общества и организаціи, какъ русскія, такъ и славянскія вообще въ лицѣ своихъ представителей, при томъ первыя лишь въ случаѣ, если согласно ихъ уставамъ имъ будетъ предоставлено вступать въ Общество (§§ 23 и 24).

Примѣчаніе. Общества и организаціи становятся членами Общества по простому письменному заявленію. Они сохраняютъ полную свободу дѣйствій въ осуществленіи своихъ задачъ, поскольку это не противорѣчитъ общимъ интересамъ и задачамъ Общества славянскаго научнаго единенія.

§ 13. Желающій вступить въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества долженъ быть предложенъ не менѣе, какъ тремя дѣйствительными членами, которые удостовѣряютъ, что предлагаемый ими кандидатъ соотвѣтствуетъ условію, изложенному въ § 12 настоящаго устава.

§ 14. Каждое такое предложеніе разсматривается въ засѣданіи Совѣта и, если оно будетъ признано соотвѣтствующимъ § 12, то оглашается въ ближайшемъ Общемъ Собраніи, а въ слѣдующихъ засѣданіяхъ производится избраніе.

§ 15. Лицо, не получившее достаточнаго, согласно § 41, числа голосовъ, можетъ быть вновь предложено не ранѣе, какъ черезъ годъ.

§ 16. Избранный дѣйствительный членъ можетъ приписываться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ Общества.

§ 17. Дѣйствительные члены участвуютъ въ собраніяхъ Общества съ правомъ рѣшающаго голоса.

§ 18. Члены кружковъ изъ учащихся, образованныхъ Обществомъ для научныхъ цѣлей, имѣютъ право участвовать въ собраніяхъ Общества и его отдѣленій въ качествѣ сотрудниковъ, если таковое право будетъ предусмотрѣно уставомъ кружка (§ 4).

§ 19. Дѣйствительнымъ членамъ предоставляется письменно входить въ Совѣтъ Общества съ предложеніями по вопросамъ, касающимся задачъ Общества. По разсмотрѣніи этихъ предложеній Совѣтъ постановляетъ свои опредѣленія.

§ 20. Каждый дѣйствительный членъ Общества обязанъ подчиняться сему уставу, а также помогать осуществленію цѣлей Общества.

§ 21. Дѣйствительные члены вносятъ въ кассу Общества не менѣе пяти рублей ежегодно. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ взносомъ единовременнымъ въ сто рублей. Члены сотрудники вносятъ не менѣе одного рубля въ годъ.

§ 22. Членскій взносъ уплачивается сполна вступающимъ членомъ, хотя бы онъ былъ избранъ въ концѣ года, считая казначейскій годъ съ 1 Декабря. Единовременный взносъ въ свою очередь вносится сполна (§ 21), не принимая въ расчетъ предварительно уплаченныхъ годовыхъ взносовъ.

§ 23. Лица, выразившія готовность постоянно содѣйствовать осуществленію цѣлей Общества, а равно и представители обществъ, какъ русскихъ, такъ и славянскихъ, желающіе войти членами въ составъ его, принимаются по опредѣленію Совѣта въ число членовъ корреспондентовъ.

§ 24. Для членовъ корреспондентовъ денежные взносы не обязательны. Въ собраніяхъ Общества они пользуются правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 25. Въ почетные члены Общества избираются по предложенію Совѣта: а) славянскіе ученые, писатели и художники, прославившіеся своими трудами; б) не сла-

вянскіе ученые, извѣстные своими трудами по изученію или на пользу славянства; в) лица, извѣстныя своими особыми заслугами, соотвѣтствующими цѣлямъ Общества.

§ 26. Лицо, пожертвовавшее Обществу единовременно не менѣе 300 рублей, но не удовлетворяющее условіямъ принятія въ дѣйствительные члены, получаетъ по постановленію обыкновеннаго общаго собранія званіе члена соревнователя. Члены соревнователи могутъ вступать въ число дѣйствительныхъ членовъ съ соблюденіемъ соотвѣтствующихъ условій устава.

§ 27. Дѣйствительный членъ, въ теченіе двухъ лѣтъ не внесшій членскихъ взносовъ, считается выбывшимъ изъ Общества.

§ 28. Избраніе почетныхъ членовъ производится въ Общихъ Собраніяхъ по предложенію Совѣта Общества.

§ 29. Въ должности по Обществу общими собраніями избираются только дѣйствительные и почетные члены.

§ 30. Президентъ и вице-президентъ избираются на три года изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ на каждую изъ этихъ должностей. Если въ теченіе трехлѣтія кто-либо изъ нихъ выбудетъ изъ Общества, то освободившаяся вакансія замѣняется новымъ избраніемъ на остающійся срокъ.

§ 31. Предсѣдатели отдѣленій Общества и ихъ товарищи (§ 8) избираются отдѣленіями также на три года. Въ случаѣ, если предсѣдатель покинетъ свою должность ранѣе срока, то товарищъ замѣщаетъ его до конца остающагося срока избранія. Секретарь отдѣленія избирается отдѣленіемъ по предложенію предсѣдателя.

§ 32. Изъ трехъ членовъ Совѣта, избранныхъ Общимъ Собраніемъ (§ 8), одинъ выбываетъ ежегодно по очереди своего вступленія.

§ 33. Секретари Общества избираются Совѣтомъ по предложенію Президента изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества на три года.

§ 34. Казначей Общества избирается общимъ собраніемъ на одинъ годъ.

§ 35. Всѣ должностныя лица по Обществу могутъ быть вновь избраны по истеченіи срока избранія.

О собраніяхъ.

§ 36. Собранія Общества бываютъ: 1) общія и 2) частныя по отдѣленіямъ; тѣ и другія могутъ быть публичными (прим. къ § 2). Общія собранія подраздѣляются: а) на обыкновенныя, б) чрезвычайныя и в) годичныя.

Примѣчаніе 1. О времени и мѣстѣ общихъ собраній и о предметахъ, подлежащихъ обсужденію на этихъ собраніяхъ, заблаговременно доводятся до свѣдѣнія членовъ общества и С.-Петербургскаго Градоначальника.

Примѣчаніе 2. Къ обсужденію на общихъ собраніяхъ допускаются только такіе предметы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Общества и лишь тѣ, о коихъ заблаговременно доведено до свѣдѣнія членовъ Общества и С.-Петербургскаго Градоначальника.

§ 37. Обыкновенныя Общія Собранія происходятъ ежемѣсячно. Собраніе считается состоявшимся при наличности не менѣе 10 дѣйствительныхъ членовъ. Въ случаѣ неприбытія означеннаго числа лицъ назначается вторичное собраніе, которое дѣйствительно при всякомъ числѣ членовъ и въ которомъ могутъ обсуждаться лишь не разсмотрѣнные въ первомъ собраніи вопросы. О рѣшающемъ значеніи вторичнаго собранія всѣ члены Общества поставляются въ извѣстность при приглашеніи на него.

§ 38. Предметами занятій обыкновенныхъ Общихъ Собраній служатъ: 1) разсмотрѣніе отчетовъ Совѣта и полученныхъ извѣщеній отъ русскихъ и заграничныхъ членовъ Общества, 2) выслушиваніе докладовъ по разнымъ отраслямъ знанія и лекцій по различнымъ спеціальностямъ, а равно и предложеній по тѣмъ или инымъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества, 3) выборы членовъ: дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ, а также разсмотрѣніе заявленій о вновь предлагаемыхъ кандидатахъ. Пренія ведутся

подъ руководствомъ Президента или замѣщающаго его вице-президента.

§ 39. Въ выборахъ въ члены дѣйствительные, почетные и корреспонденты участвуютъ всѣ присутствующіе дѣйствительные и почетные члены (§§ 14, 23 и 28).

§ 40. Выборъ считается состоявшимся, когда избираемый получитъ болѣе половины наличныхъ голосовъ.

§ 41. Въ обыкновенныхъ Общихъ Собраніяхъ обсужденіе вопросовъ объ организаціи Общества не допускается. Для такого обсужденія, если въ немъ встрѣтится надобность, назначаются чрезвычайныя Общія Собранія.

§ 42. Въ годовыхъ Общихъ Собраніяхъ читается годовой отчетъ о дѣятельности и состояніи Общества, избираются должностныя лица и составъ Ревизіонной Комиссіи въ числѣ трехъ лицъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ, объявляются награды, преміи и медали, читаются рѣчи и дѣлаются сообщенія научнаго характера.

§ 43. Имена выбывающихъ должностныхъ лицъ, а равно и имена кандидатовъ, предложенныхъ, какъ Совѣтомъ, такъ и членами Общества для ихъ замѣщенія, объявляются ранѣе начала годового Общаго Собранія.

§ 44. Независимо отъ Общихъ Собраній члены Общества въ теченіе всего года могутъ собираться въ его помѣщеніи для ученыхъ бесѣдъ, чтеній и вообще для пользованія всѣми учеными пособіями Общества въ дни и часы, напередъ назначенные Президентомъ или замѣщающимъ его вице-президентомъ.

§ 45. Отдѣленія Общества имѣютъ свои частныя собранія, происходящія по мѣрѣ надобности. Они служатъ для выслушиваній и обсужденія докладовъ и предложеній по соотвѣтствующей спеціальности, которое выдѣляется постановленіемъ Общаго Собранія въ особое отдѣленіе.

§ 46. Отдѣленіе, котораго предсѣдатель или товарищъ его и секретарь выбываютъ съ должности ранѣе срока, выбираетъ означенныхъ лицъ на остающіеся сроки.

§ 47. Въ собраніяхъ отдѣленій разсматриваются и

рѣшаются большинствомъ голосовъ всѣ дѣла, входящія въ кругъ дѣятельности отдѣленій, а также и предложенія, внесенныя предсѣдателемъ и замѣщающимъ его товарищемъ предсѣдателя и членами отдѣленія.

§ 48. Отдѣленія могутъ входить съ предложеніями въ Общія Собранія о выборѣ темъ для представленія сочиненій на преміи и награды.

§ 49. Постановленія, состоявшіяся въ отдѣленіяхъ и требующія разрѣшенія Совѣта или Общаго Собранія, вносятся въ Совѣтъ предсѣдателемъ отдѣленія. Совѣтъ свое рѣшеніе или заключеніе сообщаетъ отдѣленію.

§ 50. Собранія отдѣленій вѣдаютъ ихъ внутреннимъ распорядкомъ и управляютъ всѣми своими дѣлами. Предсѣдатели отдѣленій сообщаютъ Совѣту журналы засѣданій черезъ секретаря Общества по внутреннимъ сношеніямъ.

§ 51. При отдѣленіяхъ могутъ существовать особыя справочныя бюро, которыя находятся въ завѣдываніи товарищей предсѣдателей отдѣленій и въ составъ которыхъ входятъ въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ ихъ секретари.

О Совѣтѣ.

§ 52. Совѣтъ, состоящій изъ Президента, двухъ вице-президентовъ, предсѣдателей и товарищей отдѣленій и секретарей, завѣдываетъ всѣми дѣлами Общества, какъ въ ученомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, руководясь уставомъ Общества.

§ 53. Для дѣйствительности засѣданій Совѣта требуется присутствіе пяти членовъ, кромѣ Президента или вице-президента.

§ 54. Журналъ засѣданій Совѣта ведется секретаремъ для внутреннихъ сношеній, а въ случаѣ его отсутствія, однимъ изъ членовъ по приглашенію предсѣдателя.

§ 55. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ.

§ 56. При Совѣтѣ состоитъ Редакціонный Комитетъ.

§ 57. Члены Редакціоннаго Комитета избираются

отдѣленіями на три года и по истеченіи срока могутъ быть вновь избраны.

§ 58. При Совѣтѣ образуется также Справочное бюро. Его предсѣдателемъ состоитъ одинъ изъ вице-президентовъ, его замѣстителемъ—секретарь для внутреннихъ сношеній, а членами—предсѣдатели отдѣленій. Членомъ бюро состоитъ также секретарь для внѣшнихъ сношеній. Бюро избираетъ своего секретаря и снабжаетъ справками всѣхъ членовъ Общества.

§ 59. Совѣтъ передаетъ по принадлежности въ соотвѣтствующія отдѣленія на ихъ разсмотрѣніе и заключеніе поступающіе въ Общество для полученія наградъ ученые труды, а въ случаѣ надобности и тѣ или иныя сообщенія и предложенія, или же поручаетъ ихъ особому разсмотрѣнію членовъ Общества, спеціально знакомыхъ съ предметомъ.

Примѣчаніе. Членъ Общества, сдѣлавшій Совѣту предложеніе, подлежащее обсужденію лицъ, обладающихъ спеціальными по предмету свѣдѣніями, приглашается въ собраніе Совѣта.

§ 60. На обязанности Редакціоннаго Комитета лежитъ изданіе записокъ и другихъ трудовъ Общества.

§ 61. Смѣта доходовъ и расходовъ Общества на слѣдующій годъ составляется заблаговременно Совѣтомъ и представляется годичному Общему Собранію вмѣстѣ съ отчетомъ за минувшій годъ. Расходы, разрѣшаемые Совѣтомъ въ теченіе года, не должны выходить изъ предѣловъ смѣты.

Объ отчетахъ.

§ 62. Передъ годовымъ Общимъ Собраніемъ предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ Общества созывается Ревизіонная Комиссія для повѣрки отчета о произведенныхъ за текущій годъ расходахъ, о состояніи суммъ и прочемъ состояніи Общества.

§ 63. Заключеніе Комиссіи, которое должно быть дано въ трехъ-недѣльный срокъ, сообщается предварительно Совѣту для того, чтобы въ случаѣ надобности онъ могъ дать свои объясненія.

§ 64. Заключеніе Ревизіонной Комиссіи и объясненія Совѣта вносятся на разсмотрѣніе годового Общаго Собранія.

Примѣчаніе 1. Утвержденный Общимъ Собраніемъ годовой отчетъ представляется въ двухъ экземплярахъ вмѣстѣ съ краткими по установленной формѣ изъ него выборками въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и можетъ быть напечатаемъ въ повременныхъ изданіяхъ. Въ тотъ же Департаментъ доставляется 5 экземпляровъ настоящаго устава въ случаѣ его отпечатанія.

Примѣчаніе 2. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право назначать по своему усмотрѣнію ревизію дѣятельности Общества и его отдѣловъ.

§ 65. Всѣ сношенія съ правительственными мѣстами и лицами производятся отъ имени Президента. Онъ предсѣдательствуетъ, какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ общихъ собраніяхъ, замѣняетъ же его въ случаѣ отсутствія одинъ изъ вице-президентовъ.

§ 66. Президентъ даетъ распоряженія казначею о расходованіи суммъ съ указаніемъ постановленія Совѣта, на основаніи котораго производятся расходы.

§ 67. Президенту предоставляется право въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, разрѣшать расходъ до 100 рублей собственной властью, но съ тѣмъ, чтобы о такомъ расходѣ было доведено до свѣдѣнія Совѣта въ его ближайшемъ засѣданіи.

§ 68. Въ отсутствіи Президента одинъ изъ вице-президентовъ вступаетъ во всѣ его обязанности и права.

§ 69. Одинъ изъ вице-президентовъ предсѣдательствуетъ въ Редакціонномъ Комитетѣ, а другой въ Справочномъ бюро.

§ 70. Предсѣдатели отдѣленій имѣютъ тѣ же права и обязанности въ собраніяхъ отдѣленій, какія Президентъ въ Общихъ Собраніяхъ.

§ 71. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя отдѣле-

нія товарищъ предсѣдателя замѣняетъ его, какъ въ Совѣтѣ, такъ и въ отдѣленіяхъ.

§ 72. Секретарь для внутреннихъ сношеній докладываетъ внутреннюю корреспонденцію Совѣту или Общему Собранію, ведетъ журналъ засѣданій, заготовляетъ по нимъ исполненія, составляетъ годовые отчеты и ведетъ всю переписку внутри Имперіи. Онъ же является замѣстителемъ вице-президента, завѣдывающаго справочнымъ бюро.

§ 73. Секретарь для внѣшнихъ сношеній докладываетъ иностранную корреспонденцію Совѣту или общему собранію, заготовляетъ исполненія по внѣшнимъ сношеніямъ и даетъ справки за-границу. Онъ состоитъ замѣстителемъ вице-президента, стоящаго во главѣ Редакціоннаго Комитета.

§ 74. Казначей принимаетъ всѣ поступающіе въ Общество денежные взносы и пожертвованія съ выдачею въ томъ квитанціи, ведетъ приходо-расходныя книги и производитъ всѣ денежныя операціи. О движеніи денежныхъ суммъ казначей представляетъ годовой отчетъ Совѣту Общества.

О закрытіи Общества.

§ 75. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ будетъ признано необходимымъ прекратить дѣятельность Общества, то вопросъ объ его закрытіи рѣшается въ Общемъ Собраніи членовъ Общества въ присутствіи въ немъ не менѣе $^1/_2$ всѣхъ членовъ, проживающихъ въ г. С.-Петербургѣ, и большинствомъ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ. Въ случаѣ закрытія Общества денежный капиталъ его и все имущество обращаются, согласно опредѣленію Общаго Собранія, на соотвѣтствующія цѣлямъ Общества назначенія и для исполненія передаются въ распоряженіе Совѣта Психо-Неврологическаго Института.

§ 76. О закрытіи Общества доводится до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

§ 77. Въ случаѣ отступленій отъ требованій устава или угрозы общественному порядку Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право закрыть во всякое время, какъ Общество, такъ и его отдѣлы.

§ 78. Измѣненія и дополненія сего устава могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Подписалъ: Директоръ *А. Арбузовъ.*

Скрѣпилъ: Начальникъ Отдѣленія *Н. Граве.*

Вѣрно: За Столоначальника *П. Струковъ.*

АДРЕСЪ БЮРО ОБЩЕСТВА:

Спб., Фонтанка, 38, кв. 19, тел. 128—55.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Значеніе единенія родственныхъ народовъ въ общечеловѣческой культурѣ и современные вопросы славянства. **В. М. Бехтерева, проф.-академ.** *(Президента Общества Славянскаго Научнаго Единенія)* 3

Какой свѣтъ бросаетъ изученіе славянскаго права на бытовые порядки русскаго крестьянства. **М. М. Ковалевскаго, проф.** *(Председателя Общественно-экономическаго отдѣленія О-ва Слав. Научн. Единенія).* 24

Сербскій народъ наканунѣ войны. **Д. И. Семиза,** *(Секретаря О-ва Слав. Научн. Единенія).* . . . 37

Балканскій Союзъ и Сербія. **П. А. Лаврова, проф.** *(Члена-учред. О-ва Слав. Научн. Единенія).* . . 68

Балканская война и вопросы культуры. **М. П. Чубинскаго, проф.** *(Председателя Юридическаго Отдѣленія О-ва Слав. Научн. Единенія)* 108

Вліяніе Балканскихъ событій на русское общественное сознаніе. **А. М. Александрова, члена Госуд. Думы** *(Члена-учред. О-ва Слав. Научн. Единенія)* . . 122

Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближеніе. **Янка Лаврина** *(Члена-учред. О-ва Слав. Научн. Единенія)* 128

Приложеніе: Уставъ Общества Славянскаго Научнаго Единенія.

Издательство и книжный складъ М. В. АВЕРЬЯНОВА.

С.-Петербургъ, Фонтанка, № 38, тел. № 128-55.

Главный складъ изданій: **О—ва Славянскаго Научнаго Единенія, Издательскаго Т—ва Писателей,** изд—ва **„Огни“, „Союзъ“,** кромѣ того имѣются всѣ изданія **В. В. Вересаева,** кн—ва „Грядущій День“, Т-ва Н. П. Карабасникова, К. Ф. Некрасова, П. Н. Милюкова, кн—ва Писателей (въ Москвѣ), „Шиповникъ“ и др.

—— Звѣздочкой отмѣчены книги, которыя печатаются. ——

С. Аникинъ. Деревенскіе разсказы. Ц. 1 р. 20 к.

Піо Бароха. Древо познанія. Ром. Авториз. перев. съ исп. К. Жихаревой. Ц. 1 р. 20 к.

* **Х. Бергеръ.** Разсказы. Авториз. перев. съ шведскаго.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Горное гнѣздо. Ром. 1913. Ц. 1 р. 50 к. Хлѣбъ. Ром. 1913. Ц. 1 р. 50 к. * Легенды. Ц. 1 р. 25 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. 3-е, испр. съ пред. Спб. 1913. Ц. 1 р. 60 к.

Н. Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 1 р. 20 к., съ портретомъ.

* **Э. Оманъ.** Французская культура въ Россіи (1700—1900). Авторизован. перев. съ франц. съ предисл. и подъ ред. автора.

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Полное собраніе сочиненій, т. I. Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. Ц. 1 р. 25 к.
т. II. Очерки по русской исторіи XVIII-XIX в. Ц. 1 р. 50 к.
т. III. Феодализмъ въ Удѣльной Руси. Ц. 2 р. 50 к.
* т. IV. Феодализмъ въ Древней Руси. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Ц. 2 р. 50 к.

Указъ 5 октября 1906 г. объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельск. обыват. и лицъ, бывш. податн. состояній, съ разъясн. и указателемъ. 1910. Ц. 50 к.

А. Ѳедоровъ. Мщеніе. Эпизодъ изъ жизни Бенвенуто Челлини. Въ 1 д. въ стихахъ. Ц. 40 к. Сонеты. Ц. 1 р. Камни. Ром. 1-е изд. (рѣдк.). Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Ц. 2 р. 50 к.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Вып. I (1855—1875). Ц. 2 р. Вып. II. (1876—1877). Ц. 2 р. Вып. III (печ.).

А. Кондратьевъ. Гр. А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Ц. 1 р.

Изъ московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Ред. кн. Н. В. Голицына. Ц. 2 р. 25 к.

В. Конради. Книга о св. Францискѣ. Изд. худ., съ иллюстр. Ц. 3 р.

Былины. Старинки богатырскія. Съ вступ. статьей Е. А. Ляцкаго. Ректора Уч. Ком. М. Н. П. для учил. и нар. библ. Изд. худож. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Словеса золотыя. Съ вступ. статьей Е. А. Ляцкаго. Ректора Уч. Ком. М. Н. П. для учил. и нар. библ. Изд. худож. Ц. 2 р.

Русскіе художники. **Суриковъ,** съ портр. и 7-ю репрод. Ц. 1 р.

Иностр. художники. **Пювисъ-де-Шаваннъ**, съ портр. и 7-ю репрод. Ц. 1 р.
Л. Н. Толстой. Картины изъ «Войны и мира». Ц. 15 к.
Къ новымъ далямъ. Современная лирика. Ц. 90 к.
Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Ц. 90 к.
Б. Садовскій. Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія. Ц. 1 р. Позднее утро. Стихотворенія. Ц. 1 р.
* **Сказки, утѣхи досужія.** Вступ. статья Е. А. Ляцкаго. Изд. худож.
* **Дневникъ** Вѣры Сергѣевны Аксаковой, подъ ред. П. Щеголева и **кн.** Голицына.
* **Ог. Родзнъ.** Искусство. Изд. худож. иллюстр.
* **Переписка** В. Г. Бѣлинскаго съ друзьями. I-й томъ.
Первый Сборникъ Издат. Т-ва Писателей. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Б. Верхоустинскій. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Шмелевъ. Разсказы. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.
Г. Яблочковъ. Разсказы. Т. 1. Ц. 1 р. 25 к.
А. Чапыгинъ. Нелюдимые. Разсказы. Ц. 1 р.
Г. Гребенщиковъ. Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
С. Холщевниковъ. Новая крѣпь. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни. Ц. 1 р. 50 к.
Второй Художественно-литературный Сборникъ. (Готов. къ печати).
Дѣтскій Альманахъ. (Готов. къ печати).
Ив. Бунинъ. Суходолъ и др. Ц. 1 р. 50 к. Перевалъ. Ц. 1 р. 50 к. Стихотворенія. 1903—1906. Ц. 1 р. 50 к. Разсказы и стихи. 1907—1910. Ц. 1 р. 50 к. Деревня. Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Шмелевъ. Разсказы. Т. Ш. (Человѣкъ изъ ресторана). Ц. 1 р. 25 к.
Ив. Новиковъ. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
Максимъ Горькій. Сказки. Ц. 85 к.
* **В. Львовъ-Рогачевскій.** Снова наканунѣ. Критическія статьи.
В. Вересаевъ. Разсказы. Т. I. 1909. Ц. 1 р. Разсказы. Т. II. 1909. Ц. 1 р. Разсказы. Т. III. 1909. Ц. 1 р. Записки врача. 1907. Ц. 1 р. По поводу „Записокъ врача“ (отвѣтъ моимъ критикамъ). Ц. 35 к. Разсказы. Т. V. 1909. Ц. 1 р. „На войнѣ“. Записки. Изд. 2-е. 1910. Ц. 1 р. 25 к. Живая жизнь. О Достоевскомъ и Л. Толстомъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
Рославлевъ А. Цѣвница. Стихи 1905—1913. Спб. 1912. Ц. 1 р.
Альманахъ первый, изд-ва „Союзъ“. 1913. Ц. 1 р. 30 к.
Киргизъ. Поэма Густава Зелинскаго. Перев. съ польск. Г. Гребенщикова, съ иллюстр. Обложка худ. Щеглова. Ц. 60 к.
Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Подъ ред. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.
Мемуары г-жи де-Ремюза. Подъ ред. С. Фортунатова. Ц. 2 р.
Пьеръ Моранъ. Павелъ I-й до восшествія на престолъ. Ц. 3 р.
А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ. Ц. 50 к.
Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Очеркъ. Ц. 60 к.
Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Ц. 10 к.
С. Б. Фридъ. А. С. Даргомыжскій. Очеркъ, съ пред. Ц. Кюи. Ц. 25 к.
П. Милюковъ. Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго. Съ прил. 2-хъ картъ и текста Турецкой Конституціи. Ц. 2 р.

Полные каталоги склада будутъ разосланы по напечатаніи.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

ОБЩЕСТВОМЪ СЛАВЯНСКАГО НАУЧНАГО ЕДИНЕНІЯ

предпринято составленіе каталоговъ и комплектовъ библіотекъ на разныя цѣны отъ 4 до 100 кронъ и дороже. Исполняются заказы на всѣ русскія книги разнаго содержанія и учебники по всѣмъ предметамъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. Рѣчи и статьи А. М. Александрова, В. М. Бехтерева, М. М. Ковалевскаго, П. А. Лаврова, Янко Лаврина, Д. И. Семизя и М. П. Чубинскаго, съ прилож. Устава Об-ва Слав. Научн. Единенія. Цѣна 60 коп.

Велесъ. Первый Альманахъ русск. и инославянскихъ писателей подъ ред. С. Городецкаго и Янко Лаврина. 1913. п. 1 р.

Алоизъ Ирасекъ. Герои. Ром., перев. съ чешскаго В. П. Глѣбовой. П. 80 к.

Доходъ отъ продажи поступаетъ въ пользу семействъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ за независимость южныхъ славянъ.

Готовится къ печати

Второй Сборникъ рѣчей и статей.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
Общества Славянскаго Научнаго Единенія
СПБ.; Фонтанка, 38, тел. 128—55.
Книжный складъ М. В. АВВРЬЯНОВА